

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ,
— НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ —

Журнал выходит под редакцией Г. Зиновьева и при ближайшем участии Бухарина, Каменева, Ленина, Луначарского, Покровского, Раковского, Рязанова, Троцкого (Россия); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Гримлунда, Нёрмана, Стрема, Хеглунда, Чильбума (Швеция); Грегга, Транмеля, Фрииса (Норвегия); Вейнкупа, Равестейна, Роланда Хольста, Рутгерса (Голландия); Томана, Харпштейна, Штрассера (Австрия); М. Альберта, Леви, Пика, Радека, Тальгеймера, К. Цеткиной (Германия); Т. Квелча, Маклина, Панкхерст, Ротштейна (Англия); Гилббо, Делинбера, Лорио, Монатта, Перика, Садуля (Франция); Балабановой, Бомбаччи, Серрати, Дарагони (Италия); Герцога, Мюнценберга, Платтена, Эмбер-Дроза (Швейцария); Альпари, Бела-Кунда, Рудаша, Руднянского (Венгрия); Мархлевского - Карского (Польша); Джона Рида, Джима Ларкина (Америка); Благоева, Кабакчиева, Коларова (Болгария); и мн. др.

№ 11

ГОД ИЗДАНИЯ

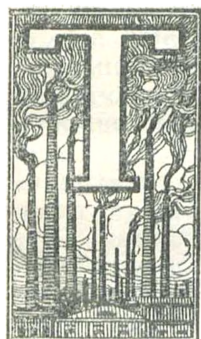
ВТОРОЙ

КОПИРОА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33 ТЕЛЕФОН 161-20 и 1-19
РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

О СОЗЫВЕ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ВСЕМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ И ГРУППАМ, ВСЕМ КРАСНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ, ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ЖЕНЩИН-КОММУНИСТОК, ВСЕМ СОЮЗАМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ВСЕМ РАБОЧИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, СТОЯЩИМ НА ПОЧВЕ КОММУНИЗМА, ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ТРУЖЕНИКАМ.

оварищи! Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала постановил:

На 15 июля 1920 года созвать в городе Москве второй конгресс Коммунистического Интернационала.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала составил следующий **предварительный** проект порядка дня второго конгресса:

- 1) Отчет Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.
- 2) Отчеты представителей различных стран. Отчеты должны быть представлены письменно.
- 3) Современное мировое положение и задачи Коммунистического Интернационала.
- 4) Вопрос о парламентаризме.
- 5) Профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты.
- 6) Роль инструктора коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом.
- 7) Национальный и колониальный вопрос.
- 8) Аграрный вопрос.
- 9) Отношение к новым течениям «центра», принимающим коммунистическую платформу лишь на словах, и об условиях вступления в III Интернационал.

10) Устав Коммунистического Интернационала.

11) Организационный вопрос (легальные и нелегальные организации, женские организации и т. д.).

12) Движение молодежи.

13) Выборы.

14) Разное.

К участию в конгрессе с решающим голосом приглашаются все коммунистические партии, группы, профессиональные союзы, которые официально присоединились к Коммунистическому Интернационалу и которые признаны его Исполнительным Комитетом.

Те группы и организации, которые стоят на почве Коммунистического Интернационала, но находятся в оппозиции к официальным аффилированным коммунистическим партиям, также приглашаются на конгресс, который сам решит, какой голос должен быть предоставлен этим группам.

На конгресс далее приглашаются группы революционных синдикалистов, союзы Индустриальных Рабочих Мира и другие организации, с которыми Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вступит в сношения.

Союзы молодежи должны быть представлены не только через Ц. К. Интернационала Молодежи, но и сверх того через коммунистические организации всех отдельных стран.

В связи с предстоящим конгрессом предполагается созвать международную конференцию женщин-коммунисток и международную конференцию Коммунистического Союза Молодежи.

Если окажется малейшая возможность, в связи с конгрессом необходимо устроить также первую международную конференцию красных профессиональных союзов.

Все партии и организации приглашаются послать возможно большее число делегатов на конгресс. (Вопрос о числе решающих голосов на конгрессе разрешится, разумеется, вне зависимости от числа делегатов).

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала решительно настаивает на том, чтобы все коммунистические партии, посылая своих делегатов на конгресс, **обязательно** назначили одного из делегатов постоянным представителем данной партии в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала, с тем, чтобы эпопея товарищ мог остаться на продолжительное время в России.

Вы видите из проекта порядка дня, что съезд будет рассматривать самые важные проблемы, стоящие сейчас на очереди перед рабочими коммунистами всего мира. Быстрый рост идей коммунизма во всем мире вынуждает нас к тому, чтобы ускорить созыв конгресса, который должен будет дать точный и ясный ответ пролетариям всех стран на те вопросы, которые стали на очереди дня и повелительно требуют своего разрешения.

Первый конгресс Коммунистического Интернационала поднял знамя коммунизма. Ныне под этим знаменем стоят уже миллионы и миллионы сознательных рабочих во всем мире. Теперь дело идет уже не только о пропаганде идей коммунизма. Теперь наступает эпоха **организации** коммунистического пролетариата и **непосредственной борьбы** за коммунистическую революцию.

Второй Интернационал распался, как карточный домик. Попытки некоторых «социалистических» дипломатов создать какой-то новый облюдованный Интернационал, стоящий между вторым и третьим Интернационалом, явно смешны и не встречают никакой поддержки со стороны рабочих. Отрезанные друг от друга военной цензурой, осадным положением, клеветнической кампанией желтых социал-демократов и буржуазной прессы, рабочие всех стран, однако, протягивают друг другу братскую руку. За год с небольшим своего существования, Коммунистический Интернационал одержал решающую моральную победу в рабочих массах всего мира. Миллионы и миллионы рабочих душой тянутся к нам, к честному международному товариществу

рабочих, которое называется III Интернационалом.

Пусть же эти рядовые рабочие заставят свои партии и организации сделать выбор раз и навсегда. Пусть положат они конец той недостойной игре, которую разыгрывают некоторые из старых дипломатов «вождей», пытающихся удержать их партии от вступления в Коммунистический Интернационал.

Пусть в особенности члены профессиональных союзов, которые формально принадлежат еще к белогвардейскому Интернационалу, организованному в Амстердаме агентами капитала — Легином, Альбертом Тома и другими, добьются того, чтобы их рабочие организации порвали с предателями рабочего дела и послали своих делегатов на съезд Коммунистического Интернационала.

Пусть предстоящий 15 июля второй конгресс Коммунистического Интернационала станет поистине **всемирным** конгрессом рабочего класса. И пусть в то же время этот конгресс станет съездом действительных **единомышленников**, подлинных сторонников настоящей коммунистической программы и революционной коммунистической тактики.

Пусть в каждой рабочей организации, пусть в каждом рабочем кружке обсуждается порядок дня, предложенный Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. Пусть сами рабочие выносят свои проекты резолюций по намеченным вопросам. Пусть вся коммунистическая печать в ближайшие недели посвятит свои страницы обсуждению поставленных важнейших проблем. Пусть закипит подготовительная работа. Лишь в этом случае наш конгресс сможет подкрепить опыт сознательных пролетариев всего мира и выразить подлинную волю рабочих коммунистов всех стран.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братский привет сознательным пролетариям всего мира и зовет их в общие братские ряды.

Да здравствует Международное Коммунистическое Товарищество рабочих!

Да здравствует III Интернационал!

С коммунистическим приветом

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. Зиновьев.

Секретарь Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

К. Радек.

ТЕЗИСЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА КО ВТОРОМУ КОНГРЕССУ КОММУНИСТИ- ЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

А. О РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ПРОЛЕ- ТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Первый год работы Коммунистического Интернационала исчерпывается, главным образом, пропагандой и агитацией коммунистических идей. В настоящее время, перед вторым конгрессом Коммунистического Интернационала международная организация пролетариата входит в новую фазу: для Коммунистического Интернационала начинается эпоха организационно-строительная. До сих пор в различных странах существовали только коммунистические течения среди пролетариата. В настоящее время почти во всех странах серьезного рабочего движения мы имеем уже не только течения, но и коммунистические организации и партии. Это обстоятельство должно побудить второй конгресс Коммунистического Интернационала занять совершенно ясную и точную позицию по вопросу о роли коммунистической партии до и после завоевания власти рабочим классом. Среди некоторых сторонников коммунизма («левое» течение в Германии, сторонники Индустриальных Рабочих Мира, I. W. W., в Америке, некоторые группы революционных синдикалистов и анархистов) замечается недооценка роли коммунистической партии, как таковой, и даже прямое отрицание необходимости коммунистической партии. Это послужит лишним мотивом для второго конгресса Коммунистического Интернационала для того, чтобы точно и определенно ответить на выше поставленные вопросы.

1. Коммунистическая партия есть часть рабочего класса. Именно: его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем естественного отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет различных от рабочего класса интересов. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она

обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата.

2. До тех пор, пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор, пока пролетариат раз навсегда не упрочил своего господства и не гарантировал рабочий класс от буржуазной реставрации, — до этих пор коммунистическая партия по правилу будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходное время коммунистическая партия может при благоприятных обстоятельствах пользоваться безраздельным идейно-политическим влиянием на все пролетарские и полупролетарские слои населения, но не может организационно объединять их в своих рядах. Лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и пр., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех — в ряды коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие.

3. Понятие партии следует строжайше отличать от понятия класса. Члены «христианских» и либеральных профессиональных рабочих союзов Германии, Англии и других стран, несомненно, являются частью рабочего класса. Более или менее значительные круги рабочих, которые еще стоят за Шейдеманом, Гомперсами и К^о, несомненно, являются частью рабочего класса. При определенных исторических данных, в рабочем классе возможны весьма многочисленные реакционные прослойки. Задача коммунизма не в том, чтобы приспособляться к этим оп-

сталым частям рабочего класса, а в том, чтобы поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда. Смешение этих двух понятий партии и класса, — способно привести к величайшим ошибкам и путанице. Так например, ясно, что вопреки настроению или предрассудкам известной части рабочих масс во время империалистской войны, рабочая партия должна была во что бы то ни стало выступить против этих настроений или предрассудков, отстаивая исторические интересы пролетариата, которые преобладали со стороны пролетарской партии об'явления войны войне.

Так например, в начале империалистской войны в 1914 году социал-предательские партии всех стран, поддерживая буржуазию «своей» страны, неизменно ссылались на то, что такова воля рабочего класса. И они при этом забывали, что, если бы это даже было так, задачей пролетарской партии при таком положении вещей было бы выступить против построения большинства рабочих и отстаивать исторические интересы пролетариата, несмотря ни на что. Так, на рубеже XX-го века русские меньшевики того времени (так называемые «экономисты») отвергали открытую политическую борьбу против царизма на том основании, что будто бы рабочий класс в целом еще не дорос до понимания политической борьбы.

4. Коммунистический Интернационал непоколебимо убежден в том, что крах старых «социал-демократических» партий II-го Интернационала ни в коем случае нельзя изображать, как крах пролетарской партийности вообще. Эпоха непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата рождает новую партию пролетариата — коммунистическую партию.

5. Коммунистический Интернационал самым решительным образом отвергает тот взгляд, будто пролетариат может совершить свою революцию, не имея своей самостоятельной политической партии. Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Цель этой борьбы, неизбежно превращающейся в гражданскую войну, — есть завоевание политической власти. Однако, политическая власть не может быть взята в руки, организована и направлена иначе, как той или другой политической партией. Только в том случае, если у пролетариата имеется в виде руководящего органа организованная и испытанная партия с строго определенными целями и конкретно выработанной программой ближайших действий как в области внутренней, так и внешней политики, — завоевание политической власти не явится случайным эпизодом, а послужит отправной точкой длительного коммунистического строительства пролетариата.

Та же классовая борьба преобует об'единения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата (Професс. Союзы, Кооперативы, Ф-з. К-ты, культурно-просветительная работа,

выборы и т. п.). Таким общим об'единяющим и руководящим центром может быть только политическая партия. Отказ от ее создания и укрепления и от подчинения ей обозначает отказ от единства в руководстве отдельными боевыми отрядами пролетариата, действующим на различных аренах борьбы. Наконец, классовая борьба пролетариата требует концентрированной агитации, освещающей различные этапы борьбы с единой точки зрения и сосредоточивающей внимание пролетариата в каждый данный момент на определенных общих для всего класса задачах. Это не может быть выполнено без централизованного политического аппарата, т. е. вне политической партии. Поэтому пропаганда революционных синдикалистов и сторонников Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) против необходимости самостоятельной рабочей партии об'ективно помогала и помогает только буржуазии и контр-революционным «социал-демократам». В своей пропаганде против коммунистической партии, которую синдикалисты и индустриалисты хотят заменить одними профессиональными союзами или какими-то бесформенными «всеобщими» Рабочими Союзами, синдикалисты и индустриалисты соприкасаются с заведомыми оппортунистами: русские меньшевики после поражения революции 1905 г., впечатление нескольких лет проповедывали так называемый рабочий съезд, который должен был заменить революционную партию рабочего класса; всевозможные «лабуристы» в Англии и в Америке, проводя на деле заведомо буржуазную политику, проповедают рабочим создание бесформенных рабочих союзов вместо политической партии. Революционные синдикалисты и индустриалисты хотят бороться против диктатуры буржуазии и не знают, как это делать. Они не замечают, что рабочий класс без самостоятельной политической партии, это — туловище без головы.

Революционный синдикализм и индустриализм представляют собою шаг вперед лишь по сравнению со старой, затхлой, контр-революционной идеологией II-го Интернационала. Но по сравнению с революционным марксизмом, т. е. с коммунизмом, синдикализм и индустриализм представляют шаг назад. Заявление «левых» коммунистов Германии (сделанное ими в программной декларации их апрельского учредительного съезда) о том, что они создают партию, «но не партию в обычном традиционном смысле этого слова» — («Keine Partei im überlieferten Sinne»), есть идейная капитуляция перед теми взглядами синдикализма и индустриализма, которые являются реакционными взглядами.

6. Коммунисты всецело поддерживают образование наряду с коммунистической партией самых широких беспартийных рабочих организаций. Коммунисты считают своей важнейшей задачей систематическую организационно-воспитательную работу внутри этих широких рабочих организаций. Но

именно для того, чтобы эта работа была плодотворна, именно для того, чтобы этими широкими рабочими организациями не могли овладеть противники революционного пролетариата, передовые рабочие коммунисты должны всегда иметь свою самостоятельную, сплоченную коммунистическую партию, действующую всегда организованно и умеющую отстаивать общие интересы коммунизма при всяком повороте событий и при всех формах движения.

7. Коммунисты отнюдь не чужаются массовых беспартийных рабочих организаций даже тогда, когда они носят явно реакционный, черносотенный характер (желтые союзы, христианские союзы и т. д.). Но коммунистическая партия внутри этих организаций постоянно ведет свою работу и неустанно доказывает рабочим, что идея беспартийности, как принципа, сознательно культивируется среди рабочих буржуазией и ее прихвостнями для того, чтобы отвлечь пролетариев от организованной борьбы за социализм.

8. Старое «классическое» деление рабочего движения на три формы (партия, профессиональные союзы и кооперативы) явно отжило свой век. Пролетарская революция в России выдвинула основную форму рабочей диктатуры: Советы. Но и работой в Советах, как и в революционизированных производственных союзах должна неизменно и систематически руководить партия пролетариата, т. е. коммунистическая партия. Организованный авангард рабочего класса — коммунистическая партия — одинаково обслуживает интересы и экономической, и политической, и культурно-просветительной борьбы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия должна являться душой и производственных союзов и Советов Рабочих Депутатов и всех иных форм пролетарской организации.

Возникновение Советов, как главной исторически-данной формы диктатуры пролетариата, несколько не умаляет руководящей роли коммунистической партии в пролетарской революции. Когда германские «левые» коммунисты (см. Обращение их партии к «Германскому пролетариату» от 14-го апреля 1920 г. за подписью «Коммунистическая Рабочая Партия Германии») заявляют, что «и партия должна все больше приспосабливаться к идее Советов и принимать пролетарский характер» — «Wird gefordert, dass auch die Partei sich im mer mehr dem Rätegedanken anpasst und proletarischen Charakter annimmt» (Kommunistische Arbeiterzeitung, № 54) — это есть сбивчивое выражение той идеи, что коммунистическая партия будто-бы должна раствориться в Советах, что Советы якобы могут заменить Коммунистическую Партию.

Идея эта глубоко неверна и реакционна. В истории русской революции мы видели целую полосу, когда Советы шли против

пролетарской партии и поддерживали политику агентов буржуазии. То же наблюдалось и в Германии. Это-же возможно и в других странах.

Для того, чтобы Советы могли исполнить свою историческую миссию, напротив, необходимо существование настолько сильной коммунистической партии, чтобы она могла не просто «приспосабливаться» к Советам, а в состоянии была бы решающим образом воздействовать на их политику, заставить их самих отказаться от «приспособления» к буржуазии и белой социал-демократии, суметь через коммунистические фракции Советов вести и Советы за коммунистической партией.

Кто предлагает коммунистической партии «приспосабливаться» к Советам, кто видит в таком приспособлении усиление «пролетарского характера» партии, тот оказывает медвежью услугу и партии, и Советам, тот не понимает ни значения партии, ни значения Советов. «Советская идея» победит тем скорее, чем более сильную коммунистическую партию мы сумеем создать в каждой стране. «Советскую идею» теперь признают на словах и многие «независимые» социалисты и даже правые социалисты. Не позволим этим элементам извратить советскую идею можно только в том случае, если мы будем иметь сильную коммунистическую партию, способную определять политику Советов и вести их за собою.

9. коммунистическая партия нужна рабочему классу не только до завоевания власти и не только во время завоевания власти, но и после того, как власть перешла в руки рабочего класса. История Российской Коммунистической Партии, три года стоящей у власти в громадной стране, показывает, что роль коммунистической партии после завоевания власти рабочим классом не только не уменьшилась, а, напротив, чрезвычайно возросла.

10. На завтра после захвата власти пролетариатом партия его, всетаки, по-прежнему остается только частью рабочего класса. Но это есть именно та часть рабочего класса, которая организовала победу. Коммунистическая партия в течение двух десятилетий, как мы это видели в России, — впечатление 13-ти лет, как мы это видим в Германии, — в борьбе не только с буржуазией, но и с теми «социалистами», которые являются проводниками буржуазных влияний на пролетариат, впитывала в свои ряды наиболее стойких, наиболее дальновидных, наиболее передовых борцов рабочего класса. Только при наличности такой сплоченной организации лучшей части рабочего класса возможно преодолеть все те трудности, которые становятся перед рабочей диктатурой на завтра после победы. Организация новой пролетарской Красной Армии, фактическое уничтожение буржуазного государственного аппарата, и создание на его месте зачатков нового пролетарского государствен-

ного аппарата, борьба против цеховых стремлений отдельных групп рабочих, борьба против местного и областного «патриотизма», прокладывание путей в области создания новой трудовой дисциплины — во всех этих областях решающее слово принадлежит партии коммунистов, члены которой своим живым примером ведут за собой большинство рабочего класса.

11. Необходимость политической партии пролетариата опадает лишь вместе с полным уничтожением классов. На пути к этой окончательной победе коммунизма возможно, что удельный вес трех основных пролетарских организаций современности (партия, советы и производственные союзы) будет изменяться и что постепенно выкристаллизуется единый тип рабочей организации. Но коммунистическая партия растворится полностью в рабочем классе лишь тогда, когда коммунизм перестанет быть объектом борьбы и весь рабочий класс станет коммунистическим.

12. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала должен не только утвердить историческую миссию коммунистической партии вообще, но должен указать международному пролетариату, хотя бы в основных чертах, какая именно коммунистическая партия нужна нам.

13. Коммунистический Интернационал полагает, что в особенности в эпоху диктатуры пролетариата коммунистическая партия должна быть построена на основе железного пролетарского централизма. Для того чтобы успешно руководить рабочим классом в надвинувшейся долгой и упорной гражданской войне, коммунистическая партия сама должна внутри своих рядов создать железный военный порядок. Опыт Российской Коммунистической Партии, успешно руководившей гражданской войной рабочего класса впечатление трех лет, показал, что здесь без строжайшей дисциплины, законченного централизма и полнейшего товарищеского доверия всех организаций партии к руководящему партийному центру победа рабочих невозможна.

14. Коммунистическая партия должна быть построена на началах демократического централизма. Главным принципом демократического централизма является выборность низшей ячейки, абсолютная обязательность всех директив высшей ячейки для ячейки, подчиненной ей, и наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителей партийной жизни от Съезда до Съезда.

15. Целый ряд коммунистических партий Европы и Америки, ввиду осадного положения, введенного буржуазией против коммунистов, вынуждены существовать нелегально. Необходимо помнить, что при таком положении вещей иногда приходится отступать от строгого проведения принципа выборности и предоставлять руководящим партийным органам право кооптации, как это было в свое время в России. При фактическом осадном

положении коммунистическая партия не только не может прибегнуть по каждому серьезному вопросу к демократическому референдуму среди всех членов партий (предложение части американских коммунистов), но, напротив, должна предоставлять возможность своему руководящему центру в нужный момент быстро принимать важные решения для всех членов партии.

16. Проповедь широкой «автономии» для отдельных местных организаций партии в настоящее время только ослабляет ряды коммунистической партии, подрывает ее деятельность и способствует мелкобуржуазным анархическим центробежным тенденциям.

17. В тех странах, где у власти стоит еще буржуазия, или контр-революционная социал-демократия коммунистические партии должны научиться планомерно сочетать легальную работу с нелегальной, при этом легальная работа должна всегда находиться под фактическим контролем нелегальной партии. Парламентские фракции коммунистов, как центральных, так и местных государственных учреждений, должны быть целиком и абсолютно подчинены коммунистической партии в целом — независимо от того, является ли партия в целом в данное время легальной или нелегальной организацией. Те депутаты, которые в той или другой форме не подчиняются партии, должны быть изгнаны из рядов коммунистов.

Легальная печать (газеты, издательство) должна быть безусловно и целиком подчинена партии в целом и ее Центральному Комитету. Никакие уступки в этом отношении не допустимы.

18. Основным началом во всей организационной работе партии и коммунистов должно быть создание коммунистической ячейки всюду, где есть хотя бы небольшое число пролетариев и полупролетариев. В каждом Совете Рабочих Депутатов, в каждом профессиональном союзе, в каждом кооперативе, в любой мастерской, в каждом домовом комитете, в каждом государственном учреждении, всюду, где найдется хотя бы один человек, сочувствующих коммунизму, следует немедленно организовать коммунистическую ячейку. Только организованность коммунистов и дает возможность авангарду рабочего класса вести за собой весь рабочий класс. Все ячейки коммунистов, действующих в беспартийных организациях, безусловно подчиняются партийной организации в целом, независимо от того, работает ли партия в данное время легально или нелегально. Коммунистические ячейки всех видов должны быть соподчинены друг другу в строгом иерархическом порядке в возможно более точной системе.

19. коммунистическая партия почти всюду зарождается как партия городская, как партия промышленных рабочих, живущих, главным образом, в городах. Для возможно более легкой и быстрой победы рабочего класса необходимо, чтобы коммунистическая

партия становится не только партией городов, но и деревень. коммунистическая партия должна вести свою пропаганду и организацию среди сельско-хозяйственных батраков, мелких и средних крестьян. коммунистическая партия с особой тщательностью должна добиваться организации коммунистических ячеек в деревне.

* * *

Международная организация пролетариата может быть крепка лишь в том случае, если во всех странах, где живут и борются коммунисты, утвердился вышеизложенный взгляд на роль коммунистической партии. Коммунистический Интернационал приглашает на свои конгрессы каждый профессиональный союз, признающий принципы III-го Интернационала и готовый порвать с желтым интернационалом. Коммунистический Интернационал организует при себе международную секцию красных профессиональных союзов, стоящих на почве коммунизма. Коммунистический Интернационал не откажется от сотрудничества с каждой беспартийной рабочей организацией, если она пожелает вести серьезную революционную борьбу против буржуазии. Но Коммунистический Интернационал при этом всегда будет указывать пролетариям всего мира:

1. Коммунистическая партия есть главное и основное орудие освобождения рабочего класса. В каждой стране у нас теперь должны быть уже не группы и печения, а — коммунистическая партия.

2. В каждой стране должна существовать только одна единая коммунистическая партия.

3. Коммунистическая партия должна быть построена на принципе строжайшей централизации и в эпоху гражданской войны должна установить внутри своих рядов военную дисциплину.

4. Всюду, где есть хотя бы десяток пролетариев или полупролетариев, коммунистическая партия должна иметь свою организованную ячейку.

5. В каждом беспартийном учреждении должна существовать партийная коммунистическая ячейка, строжайше подчиненная партии в целом.

6. Твердо и беззаветно охраняя программу и революционную тактику коммунизма, коммунистическая партия должна всегда быть теснейшим образом связана с широкими рабочими организациями и чуждаться сектантства в такой же мере, как и беспринципности.

Б. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ВОПРОС О ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ.

1. В ряде стран Западной Европы и Америки одним из жгучих вопросов коммунистической тактики является вопрос о парламентарной борьбе. Раскол германской коммунистической партии, образование антипарламентской фракции в итальянской партии, позиция бельгийской коммунистической группы, разногласия в английских рядах коммунистов; наконец, отношение революционно-синдикалистических кругов и I. W. W.; все это требует точных и определенных директив со стороны Коммунистического Интернационала.

I.

2. Парламентаризм, как государственная система есть «демократическая» форма господства буржуазии, нуждающейся на определенной ступени развития в фикции народного представительства, которое по внешности составляло бы организацию внеклассовой воли, по существу ее было бы машиной подавления и угнетения в руках господствующего капитала.

3. Парламентаризм есть определенная форма государственного строя. Поэтому он

не может ни в коей мере быть формой коммунистического общества, которое не знает ни классов, ни классовой борьбы, ни какой бы то ни было государственной власти.

4. Парламентаризм не может быть и формой **пролетарского** государственного управления в переходный период от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата. В момент обостренной классовой борьбы, переходящей в гражданскую войну, пролетариат должен неминуемо спроектировать свою государственную организацию, как **боевую** организацию, в которую не допускаются представители господствовавших ранее классов; пролетариату прямо вредна на этой стадии всякая фикция «общенародной воли», пролетариату не нужно и вредно парламентарное разделение властей; формой пролетарской диктатуры является Советская Республика.

5. Буржуазные парламенты, которые составляют один из важных аппаратов государственной машины буржуазии, не могут быть завоеваны, как не может быть завоевано пролетариатом буржуазное государство вообще. Задача пролетариата состоит в том, чтобы взорвать государственную ма-

шину буржуазии, разрушить ее, а вместе с нею парламентские учреждения, будь то республиканские или конституционно-монархические.

6. То же самое относится и к коммунальным учреждениям буржуазии, которые, теоретически, неправильно противопоставлять государственным органам. На самом деле они являются подобными же аппаратами государственного механизма буржуазии, которые должны быть уничтожены революционным пролетариатом и заменены местными советами рабочих депутатов.

7. Следовательно, коммунизм отрицает парламентаризм как форму будущего; он отрицает его, как форму классовой диктатуры пролетариата; он отрицает возможность завоевания парламентов: он ставит своей целью **разрушение парламентаризма. Поэтому речь может идти лишь об использовании буржуазных государственных учреждений с целью их разрушения.** В такой и только в такой плоскости можно ставить вопрос.

II.

8. Всякая классовая борьба есть борьба политическая, ибо она в конечном счете есть борьба за власть. Любая стачка, распространяющаяся во всей стране, начинается угрозой буржуазному государству и тем самым приобретает политический характер. Стачка свержнуть буржуазию и **разрушить** каким угодно способом ее государство, это значит вести политическую борьбу. Создавать свой **классовый** аппарат—управления и подавления сопротивляющейся буржуазии—каков бы ни был этот аппарат—это значит завоевать политическую власть.

9. Следовательно, вопрос о политической борьбе вовсе не сводится к вопросу об отношении к парламентаризму. Это есть общий вопрос о классовой борьбе пролетариата, поскольку эта борьба переходит от мелкой и частичной в борьбу за ниспровержение капиталистического строя.

10. Основным методом борьбы пролетариата против буржуазии, т. е. ее государственной власти, прежде всего является метод массовых выступлений. Эти массовые выступления организуются и направляются массовыми организациями пролетариата под общим руководством сплоченной, дисциплинированной, централизованной коммунистической партии. Гражданская война есть война. В этой войне пролетариат должен иметь свой хороший офицерский политический корпус, свой хороший политический генеральный штаб, руководящий всеми операциями во всех областях борьбы.

11. Массовая борьба является целой системой развивающихся выступлений, обостряющихся по своей форме и логически приводящих к восстанию против капиталистического государства. В этой массовой борьбе, развертывающейся в гражданскую войну, руководящая партия пролетариата должна, по

общему правилу, закреплять за собой все и всяческие легальные позиции, делая их подобными опорными пунктами в своей революционной работе и подчиняя эти позиции плану главной кампании, кампании массовой борьбы.

12. Одним из таких подсобных опорных пунктов является трибуна буржуазного парламента. Против участия в партизанской борьбе отнюдь нельзя выставлять того довода, что это буржуазное государственное учреждение. Коммунистическая партия идет в это учреждение не для того, чтоб вести там органическую работу, а для того, чтобы взрывать государственную машину буржуазии и сам парламент изнутри (напр. деятельность Либкнехта в Германии, большевиков в царской думе, в «Демократическом Совете», в «предпарламенте» Керенского, наконец в «Учредительном Собрании», а также в городских думах).

13. Эта работа в парламентах, которая сводится, главным образом, к революционной агитации с парламентской трибуны, разоблачению противников, идейному сплочению масс и т. д., должна быть всецело подчинена целям и задачам массовой внепарламентской борьбы.

14. Для этого необходимы следующие условия: 1) отсутствие всякой «автономии» для парламентских коммунистических фракций и их беспрекословное подчинение Центральному Комитету партии; 2) постоянный контроль и директивы со стороны Исполнительного Комитета; 3) приурочивание парламентских выступлений к выступлениям внепарламентским; 4) революционная позиция в парламенте, т. е. отсутствие «принципиальной» боязни переступить рамки парламентского регламента; 5) выполнение членами парламента-коммунистами части внепарламентской работы, в особенности в связи с массовыми выступлениями; 6) постоянная связь с нелегальной работой и использование парламентского иммунитета, поскольку последний существует, в этих целях; 7) немедленный отзыв или исключение из партии всякого члена парламентской фракции, нарушившего в своей парламентской работе директивы партии.

15. Сама избирательная кампания должна вестись не в духе погони за максимумом парламентских мандатов, а в духе революционной мобилизации масс вокруг лозунгов пролетарской революции. Избирательную борьбу должна вести вся масса партийных членов и не только верхушка партии; необходимо использовать и быть в полном контакте со всеми массовыми выступлениями (стачки, демонстрации, движения среди солдат и матросов и т. д.) имеющимися к данному моменту; необходимо вовлечение в активную работу всех массовых пролетарских организаций.

16. При соблюдении этих условий парламентская работа представляет из себя полную противоположность тому грязному по-

лириканизму, которое практикуется социал-демократическими партиями всех стран, которые идут в парламент, чтобы поддержать это «демократическое» учреждение или в лучшем случае «завоевывать» его. Коммунистическая партия может стоять только исключительно за **революционное** использование парламентаризма Карла Либкнехта, Хеглунда и большевиков.

III.

17. Принципиальный «антипарламентаризм» в смысле абсолютного и категорического отрицания участия в выборах и парламентской революционной работы является, таким образом, не выдерживающей критики, наивной, младенческой доктриной, которая своим основанием имеет иногда здоровое отвращение к политиканствующим парламентариям, но которая в тоже время не видит возможности революционного парламентаризма. Кроме того, часто эта доктрина связывается с совершенно неправильным представлением о роли партии, которая в таком случае считается не боевым централизованным авангардом рабочих, а децентрализованной системой плохо связанных друг с другом революционных ячеек.

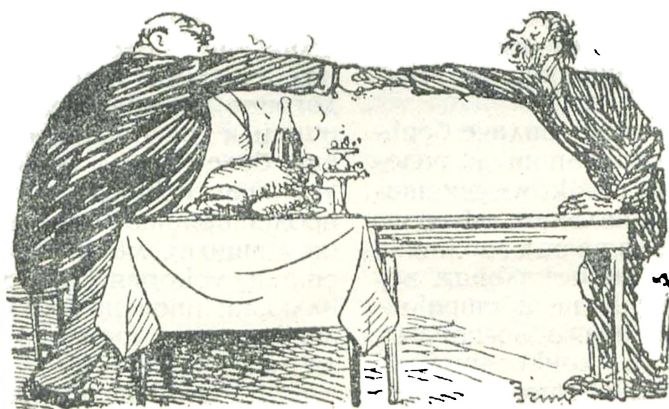
18. С другой стороны, из принципиального признания парламентской работы отнюдь не вытекает абсолютного, при всех и всяческих условиях, признания необходимости конкретных выборов и конкретного участия в парламентских заседаниях. Здесь дело зависит от ряда специфических условий. При определенном сочетании этих условий может оказаться необходимым выход из парламента. Так сделали большевики, когда они ушли из предпарламента, чтобы его взорвать, сразу же обессилили и резко противопоставили ему стоявший накануне руководства восстанием Петербургский Совет; так сделали они в Учредительном Собрании в день его раз-

гона, перенеся все на II-й Съезд Советов. При других обстоятельствах может быть необходим бойкот выборов и непосредственный насильственный штурм парламентской буржуазной клики или же участие в выборах, при бойкоте самого парламента и т. д.

19. Таким образом, признавая, как общее правило, необходимость участия в выборах, как в центр-парламентах, так и в органы местного самоуправления, а также и работу в этих учреждениях, коммунистическая партия должна решать вопрос конкретно, исходя из оценки специфических особенностей текущего момента. Бойкот выборов или парламента, а равно выход из последнего, допустим, главным образом, тогда, когда имеется налицо условие для непосредственного перехода к вооруженной борьбе за власть.

20. При этом необходимо постоянно иметь в виду относительную маловажность этого вопроса. Если центр тяжести лежит во **внепарламентской** борьбе за государственную власть, то само собой разумеется, что вопрос о пролетарской диктатуре и **массовой** борьбе за нее несоразмерим с частным вопросом об использовании парламентаризма.

21. Поэтому Коммунистический Интернационал со всей категоричностью подчеркивает, что считает преступлением против рабочего движения всякий раскол или попытку раскола внутри коммунистических партий, которые идут по **этой** линии. Съезд призывает все элементы, стоящие на почве признания массовой борьбы за пролетарскую диктатуру под руководством централизованной партии революционного пролетариата осуществляющей свое влияние во всех массовых организациях рабочего класса, добиваться полного единства коммунистических элементов, несмотря на могущие быть разногласия по вопросу о парламентаризме.

From the "Avanti" Milan.

Сотрудничество классов.

(„Аванти“).

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для 2-го съезда Коминтерна, я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв или исправление или дополнение или конкретное пояснение в самой краткой (не более 2-х страничек) форме, в особенности по следующим пунктам:

Австрийский опыт.

Польско-еврейский и украинский опыт.

Эльзас-Лотарингия и Бельгия.

Ирландия.

Датско-германские отношения. Итало-французские и итало-славянские.

Балканский опыт.

Восточные народы.

Борьба с панисламизмом.

Отношения на Кавказе.

Башкирская и Татарская республики.

Киризиستان.

Туркестан, его опыт.

Негры в Америке.

Колонии.

Китай—Корея—Япония.

5-го июня 1920 г.

Н. ЛЕНИН.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ.

(Для 2-го Съезда Коммунистического Интернационала).

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл преобладания равенства состоит лишь в преобладании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, за-

висимых, неравноправных или наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 гг. с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем брест-литовский договор германских юнкеров и кайзера. Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах мелкобуржуазно-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и

буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время только признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально-колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза согласно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях Р. С. Ф. С. Р. к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри Р. С. Ф. С. Р. по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., башкирская и татарская автономные республики в Р. С. Ф. С. Р., созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, но без советского строя и советского движения возникающих, федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого, каковая

тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутри-государственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем только, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы—все равно, признающие ли себя откровенно таковыми, или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II-го Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий—и с парламентской трибуны и вне ее—должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантий прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного условия, борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются ложной вывеской, как это мы видим у партий II-го Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мелкобуржуазным национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II-го Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т.-е. существующей в одной стране и не способной определять всемирную политику) в интернациональную (т.-е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-1-х, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-2-х, требует спо-

собности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом, в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мещански-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях;

во-2-х, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах;

во-3-х, необходимость борьбы с пан-исламом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.;

в 4-х, необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, и колониях, в отсталых странах вообще;

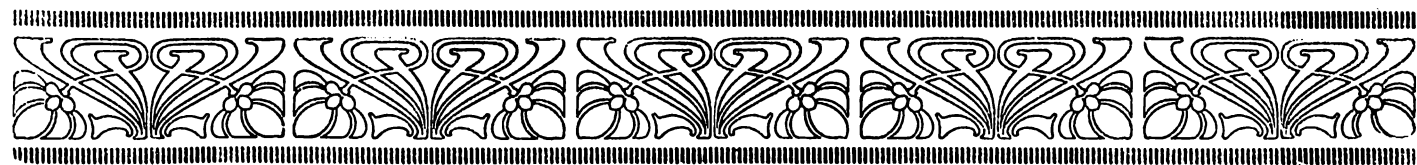
в 5-х, необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отста-

лых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в 6-х, необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения между самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых стран, того обмана, который систематически проводят империалистские державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношении государства; в современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большевистским официальным вождям этого пролетариата в 1914—19 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «прав» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого, вполне законного, недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Н. ЛЕНИН

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЕГО ЗАДАЧИ.

Больше года прошло с тех пор, как состоялся первый учредительный конгресс Коммунистического Интернационала. Коммунистическое движение необычайно разрослось за этот год во всем мире. Почти во всех странах, где живет и борется рабочий класс, мы имеем сейчас широко распространенную коммунистическую прессу и быстро разветвляющиеся коммунистические организации. Перед коммунистическим движением по и дело каждый день возникают все новые, все более сложные проблемы. Естественно, что Коммунистический Интернационал стоит перед необходимостью созвать свой второй конгресс, который, можно это наверняка сказать, будет по истине всемирным конгрессом передовых пролетариев. На предстоящем втором съезде мы должны будем учесть тот богатый опыт, который лежит между весной 1919 г. и летом 1920 г. Мы должны будем дать всемирному пролетариату совершенно точный и ясный ответ на все наболевшие вопросы движения.

Как бы нарочно для того, чтобы дать рабочим всех стран возможность сделать свой окончательный выбор, господа социал-предатели назначили на 31 июля 1920 г. **свой** конгресс—конгресс II-го Интернационала, который должен состояться в Женеве. Будем надеяться, что на этот раз г. Гюисмансу и его сподвижникам не придется вновь откладывать конгресс II-го Интернационала.

С полгода тому назад у этих господ все было уже на мази для того, чтобы созвать конгресс II-го Интернационала. Приглашения были уже разосланы, место съезда было назначено, но вдруг неожиданно господа Гюисмансы отложили свой конгресс. Теперь то уже ясно, чем это было вызвано. Гюисманс и компания пронюхали, что германская партия Независимых собирается покидать по-нуший корабль II-го Интернационала. Господа Гюисмансы чуяли, что французские социалисты собираются сделать то же самое. И господа Гюисмансы сочли за благо отложить свой конгресс. Мы очень боимся, что подобные же неожиданности могут постигнуть Гюисманса и теперь. Правда, из II-го Интернационала уже почти некому уходить. Но,

тем не менее, от неприятных сюрпризов господа Гюисмансы отнюдь не застрахованы.

А будет крайне жаль, если господам Гюисмансам придется вновь отложить их конгресс. Ради ясности, ради наглядности мы искренно желали бы того, чтобы наряду со всемирным конгрессом III-го Интернационала состоялось хотя бы подобие конгресса II-го Интернационала. В порядке дня того съезда, который Гюисманс и компания назначили в Женеве, стоят вопросы о диктатуре и демократии, о способах борьбы за социализм и т. п. Было бы крайне желательно, чтобы перед умственным взором рабочих всего мира прошли **два** конгресса, чтобы пролетариат всех стран имел перед собою **две** точных, ясных, законченных платформы, которые можно сравнить и из числа которых должно выбрать раз навсегда ту или другую.

Из желтого II-го Интернационала уходят и ушли не только промежуточные элементы «центра», но и более дальновидные оппортунисты из тех, которые учуяли, что день грядущий им готовит, из тех, которые поняли, что если они хотят пользоваться еще каким бы то ни было влиянием на рабочий класс, они должны хотя бы внешним образом отмежеваться от грязного второго Интернационала предателей и убийц.

Из II-го Интернационала, как известно, впечатление какой-нибудь пары—другой месяцев вышли:

- 1) Партия Независимых Германии.
- 2) Об'единенная Социалистическая Партия Франции.
- 3) Независимая рабочая партия Англии.
- 4) Социалистическая Партия Швейцарии.
- 5) Социалистическая Партия Америки.
- 6) Социалистическая Партия Испании.

Среди вождей названных партий преобладают промежуточные центровые элементы, которые по существу вопросов колеблются между вторым и третьим Интернационалом, т. е. между буржуазией и пролетариатом.

Но кроме того из II-го Интернационала вышла, например, партия русских меньшевиков. В настоящем номере «Коммунистического Интернационала» мы помещаем вы-

держку из официального стенографического отчета Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, содержащую официальное заявление главного лидера русских меньшевиков Л. Мартова, категорически объявившего о выходе его партии из II-го Интернационала. Для судеб русских рабочих выход меньшевиков из II-го Интернационала никакого серьезного значения не имеет. Влияние русских меньшевиков среди российского пролетариата ничтожно. Но как симптом распада II-го Интернационала, выход из него **даже** русских меньшевиков несомненно имеет крупное значение. Товарищи, приезжавшие к нам из различных стран, не раз рассказывали нам, как господа Брантинги, Шейдеманы, Ренодели, Гюисмансы, Хендерсоны на рабочих собраниях разглагольствовали о том, что действительное рабочее движение в России представлено не партией коммунистов, а... партией меньшевиков, и с гордостью указывали на то, что партия меньшевиков является верной споронницей II-го Интернационала.

Теперь и этот «довод» опнят у названных господ социал-предателей. Из второго Интернационала далее вышел (по крайней мере, одной ногой вышел) польский Бунд, руководителем которого является известный оппортунист В. Медем. А конференция всех организаций Бунда, действующих в Советской России, недавно подавляющим большинством голосов приняла обстоятельную резолюцию, заявляющую о своей солидарности с III Интернационалом.

Кто же остался во II-м Интернационале? Если бы нам предложили назвать, скажем, при наиболее ярких имени, олицетворяющих в данный момент практику II-го Интернационала, нам не пришлось бы назвать никого другого, кроме как Пилсудского, Носке и Брантинга.

Иосиф Пилсудский убийца польских и русских рабочих, наемный агент французских банкиров, пошедший теперь войной против русских и украинских рабочих и крестьян, является оптом и фактическим вдохновителем той самой польской «социалистической» партии, которая представлена в Исполнительном Комитете II-го Интернационала г. Дашинским. Рабочие всего мира и, смею думать, даже рабочие, входящие в Бельгийскую Рабочую Партию, руководителем которой еще состоит г. Гюисманс, ненавидят палача Пилсудского, взявшего на себя самое грязное поручение от французской биржи. Но, к сожалению, не все эти рабочие знают, что этот самый грязный агент самой грязной банковской компании является пайщиком Гюисмансовского сообщества на паях, именуемого II-ым Интернационалом.

Брантинг является уже заведомо признанным лидером II Интернационала. Брантинг стал теперь министром-президентом Швеции. Шведский король и шведская буржуазия наши, что лучшим ценнымansom, обещающим их жирные барыши от пробуждающегося к борьбе шведского пролетариата,

будет именно Брантинг, глава шведской социал-демократии. Мы не знаем, вошел ли шведский король официально в шведскую социал-демократическую партию. Может быть, на предстоящем конгрессе II-го Интернационала Брантинг пропоеет «своему» королю такую же хвалу, какую он и Хендерсон пели на пресловутой Бернской конференции II-го Интернационала своему тогдашнему патрону Вудро Вильсону. Но мы знаем одно: самые большие подлости, какие когда-либо творились в Швеции, самые наглые издевательские, какие когда-либо знал шведский рабочий класс, самые темные проделки, какие когда-либо практиковались шуллерами международной дипломатии в Швеции, проделываются теперь вождем II-го Интернационала Брантингом и его другом и товарищем по партии шведским министром иностранных дел бароном Пальмшером.

Носке. Об его карьере за последний год можно много не распространяться. Самый кровавый генерал французской буржуазии, мясник Парижской Коммуны, Галлифе, разумеется, только щенок по сравнению с бывшим военным министром почти «социалистической» германской республики г. Носке. Ныне Носке освобожден от своих почтенных обязанностей военного министра при социал-демократическом германском правительстве. Носке имеет теперь большой досуг. И германские товарищи, с которыми нам недавно пришлось беседовать, вполне серьезно сообщают нам, что официальная германская социал-демократия теперь выбирает одним из своих главных представителей в Гюисмансовский Исполнительный Комитет II Интернационала никого иного... как Густава Носке. Мы искренно поздравляем с этим II-ой Интернационал. Брантинг, Пилсудский, Носке — это вполне подходящие вожди и вдохновители той желтой организации, которая называется II-ым Интернационалом.

Из старых социалистических партий, составлявших некогда основу II-го Интернационала, в рядах II-го Интернационала сейчас остаются только шейдемановское охвостье, которое будет представлено г. Носке. Остаются австрийская социал-демократия, которая не сегодня-завтра может последовать за германской Независимой партией*). Остаются белые финляндские социал-демократы, сподвижники финляндского Галлифе, генерала Маннергейма, и несколько других незначительных групп.

Но в рядах II-го Интернационала, этого нельзя забывать, остаются еще некоторые численно крупные организации, опирающиеся на рабочих, которые служат еще могучей поддержкой для буржуазии. Мы говорим об английской «Рабочей Партии», об умеренных английских пред-юнионах и о старых про-

*) Теперь нам сообщают, что и австрийская с-дия отказалась участвовать в Женевском конгрессе II-го Интернационала. Это в прикрытой форме — выход из II-го Интернационала.

фессиональных союзах Америки, руководимых г. Гомперсом. Помнится, лет 10 тому назад в Исполнительном Комитете II-го Интернационала шел большой спор по вопросу о том, принимать или не принимать в ряды II-го Интернационала английскую Рабочую Партию, о которой тогда и Каутский говорил, что она проникнута насквозь буржуазными тенденциями. Ныне эта «Рабочая Партия», в сущности, единственная крупная рабочая партия, оставшаяся еще во II-м Интернационале. То же самое приходится сказать об американских профессиональных союзах, руководимых заведомым агентом буржуазии Гомперсом. Действительной базой II-го Интернационала являются эти две крупных рабочих организации, которые, правда, ничего общего с социализмом не имеют (поскольку дело идет о «руководящей» части этих организаций), но которые представляют собою численно значительную силу.

Когда Коммунистический Интернационал отвоюет и те слои рабочих, которые сейчас идут еще за «Рабочей Партией» в Англии, за Гомперсовскими профессиональными союзами в Америке, тогда можно будет сказать, что буржуазия лишилась своей последней опоры в рабочем движении.

* * *

Когда в марте 1919 г. мы основывали Коммунистический Интернационал, приходилось еще слышать отдельные возражения, сводившиеся к тому, что официальное провозглашение Коммунистического Интернационала еще преждевременно. Читатель помнит, что единственный представитель германских спартаковцев, бывший на нашем первом конгрессе в 1919 г., находил, что с официальной организацией Коммунистического Интернационала еще следует подождать.

Прошел год с небольшим, и теперь уже абсолютно ясно, что эти пессимистические мнения были совершенно необоснованы. Провозглашение Коммунистического Интернационала произошло не только не преждевременно, но, наоборот, скорее можно сказать, что мы несколько опоздали с его организацией и этим замедлили организационное сплочение международного пролетариата.

Прошло 15 месяцев со времени первого нашего конгресса. Впечатление этих 15 месяцев политическое влияние Коммунистического Интернационала росло с каждым днем. Число наших единомышленников росло и растет непрерывно. Обаяние нашего знамени увеличивалось и увеличивается с каждым днем. Как великий магнит, Коммунистический Интернационал притягивает к себе сердца передовых рабочих всего мира. Но вместе с тем мы не скрываем от себя того, что наше **организационное** влияние на международное движение еще сравнительно слабо. Мы далеко еще не имеем той международной

организации, которая необходима для успешной борьбы.

Именно потому, что идейное влияние коммунизма с каждым днем становится все больше и больше, нам необходимо сейчас установить **точные** организационные рамки, в которых будет существовать наше международное товарищество рабочих, именуемое Коммунистическим Интернационалом. Мы не скрываем от себя: Коммунистический Интернационал кое-где становится «модой». Каждый день то в той, то в другой стране принимаются десятки резолюций о том, что такая то организация решила войти в Коммунистический Интернационал. Поскольку эти организации пролетарские по составу, поскольку эти резолюции выражают искреннее желание рабочих одной страны подать братскую руку рабочим других стран, поскольку они выражают все растущую готовность пролетариев схватиться в последнем бою с буржуазией, постольку, разумеется, эти резолюции заслуживают только самого горячего приветствия. Но когда мы слышим, что господа Криспини и Гильфердинги в Германии, Морис Хилквит и его единомышленники в Америке неожиданно тоже начинают проявлять симпатии к III-му Интернационалу и не прочь при известных условиях в него войти, мы говорим себе: **нужно взять двери Коммунистического Интернационала на замок, нужно поставить надежную стражу у ворот Коммунистического Интернационала.**

Мы хорошо понимаем, что «не от хорошей жизни» названные нами, умудренные опытом оппортунисты теперь спешат в дверь Коммунистического Интернационала. Если официальные верхи американской социалистической партии, руководимые Хилквитом, принимают резолюции о вхождении в Коммунистический Интернационал, это значит, что рядовые американские рабочие революционизируются с каждым днем и протягивают нам братски руку. Если парламентских дел мастера, как Хилквит и К^о смотрят не «вверх» в парламентский олимп, а «вниз» к рабочему муравейнику, который торопится в ряды Коммунистического Интернационала, то это значит, что американские рабочие освобождаются из под влияния буржуазии и социал-предателей и становятся на почву пролетарской революции.

То же самое приходится сказать о правых «вождях» германской партии Независимых. На съезде Бельгийской Рабочей Партии г. Гюисманс недавно с торжеством передал сказанные ему Каутским слова. Каутский заявил Гюисмансу: если моя партия (т. е. партия германских Независимых) заставит меня, (т. е. Каутского) сделать выбор между партией Независимых и II-м Интернационалом, я выберу II Интернационал. Гюисманс привел эти слова Каутского, как важнейший довод в пользу жизнеспособности II-го Интернационала. Но мы то знаем: спящий сон, да милостив бог. Каутский некогда имел влияние в германском рабочем движении. А теперь

по истине не будет ни малейшего преувеличения сказать, что за Каутским стоит только его чернильница—с плохими водянистыми чернилами. Более прожженные дельцы, числящиеся в вождях Независимой партии Германии, если бы они были поставлены перед выбором войти (конечно, только официально, конечно, только на словах) в Коммунистический Интернационал, или перестать быть вождями Независимой партии, предпочтут, конечно, первое. И вот задача предстоящего теперь второго конгресса Коммунистического Интернационала в том и заключается, чтобы **не позволить** таким «вождям» проделывать это недостойное дело. Коммунистический Интернационал должен остаться Интернационалом **действия**, он должен быть честным международным товариществом рабочих, объявивших борьбу не на живот, а на смерть буржуазии, он должен быть организацией, вылитой из одного куска металла. Самая идея Коммунистического Интернационала не терпит двусмысленностей и старой «социалистической» дипломатии деляческой школы.

Этим обуславливается наше отношение к той группе, которую теперь иногда шутя называют группой «двухполовинного» (ни 2-ой, ни 3-ей, а—2½-ой) Интернационала. Мы говорим о тех партиях, которые из II-го Интернационала вышли, но которые в III-й Интернационал еще не вошли. Это те партии, о которых мы говорили выше, т. е. партия немецких Независимых, французских «объединенных», английская Независимая. Рабочая Партия и т. п. Наш ответ Независимой партии Германии, напечатанный в № 9 «Коммунистического Интернационала», есть наше категорическое заявление в этом вопросе. Мы знаем: **рабочие**, входящие в названные партии, в своем громадном большинстве стоят за нас. Эти рабочие искренно хотят бороться в рядах III-го Интернационала против буржуазии и социал-предателей. Этим рабочим мы шлем горячее приветствие и говорим им, что всегда будем рады видеть их в наших рядах. Но мы совершенно убеждены, что рабочие, входящие в эти партии, тем скорее освободятся из под пленного влияния дурных паспирей, определяющих политику верхов их партий, чем резче мы будем разоблачать всех этих господ Каутских, Гильфердингов, Хилквитов и К°. Добро пожаловать, говорим мы рабочим, входящим в эти партии! Но—предварительно освободитесь от вашего балласта, предварительного прогоните тех ваших «вождей», которые на деле являются агентами буржуазии в вашей среде.

Чем должен быть предстоящий второй конгресс Коммунистического Интернационала: собранием единомышленников, съездом людей, которые целиком проникнуты одной и той же идеей и добиваются полной программной и теоретической ясности, или большим всемирным конгрессом, который сыграл-бы роль великой политической демонстрации и объединил-бы самые широкие массы трудящихся? Мы полагаем: и тем, и другим. Но—в первую

очередь конгрессом единомышленников. Состояние рабочего движения во всех решающих странах таково, рост революционных настроений во всем мире таков, что, если внешние препятствия не помешают, предстоящий второй конгресс Коммунистического Интернационала, несомненно, станет величайшей демонстрацией политических сил мирового пролетариата, идущего к своей победе.

Но все же главнейшей задачей предстоящего конгресса является: точно и ясно определить практическую политику Коммунистического Интернационала, упрочить III Интернационал, как организацию действительных единомышленников, имеющих **одну** программу, **одну тактику** и идущих одним и тем же путем.

Первый конгресс Коммунистического Интернационала в 1919 году имел главной задачей поднять на весь мир знамя коммунизма, провозгласить коммунистическую **программу**. Эта задача выполнена. Успех превзошел все ожидания. Теперь дело идет о втором шаге. Вторым конгресс Коммунистического Интернационала в 1920 году должен уточнить программу коммунизма и дать **тактику** коммунистического движения.

Это не значит, что мы можем причислить все коммунистические партии под одну гребенку. Коммунистический Интернационал превосходно сознает, что рабочим различных стран приходится считаться с громадным многообразием условий и в своей тактике применяться к этим условиям. Обозревая главнейшие страны, в которых коммунизм пустил уже прочные корни, мы можем подразделить эти страны на четыре разряда:

1) **Россия**, где пролетарский переворот уже совершился, где рабочий класс впечатление трех лет стоит у власти и где главная задача заключается в том, чтобы одной рукой отбивать нападение врагов, а другой—строить коммунистическое хозяйство.

2) **Германия, Австрия**, отчасти **Балканские** государства, где революция началась и где пролетарский переворот рождается с особенно мучительными трудностями.

3) **Англия, Франция, Италия**—страны с буржуазией победительницей, с наиболее старыми парламентскими традициями, где в рабочем классе происходит как раз сейчас глубочайшее расслоение и переоценка ценностей.

4) Угнетенные национальности и колониальные страны, как **Ирландия, Индия**, теперь отчасти **Турция** и др., где освободительное движение не может не окрашиваться вместе с тем в национальный цвет и где в связи с этим перед коммунистами стоят совершенно особые задачи.

Второй конгресс Коммунистического Интернационала учтет все это многообразие условий. Во всех своих решениях он будет исходить из этого многообразия и будет помнить, что переспроектировать весь капиталистический мир, державшийся и держащийся на

пресловутых буржуазных «кипак», — задача достаточно сложная.

Второй конгресс Коммунистического Интернационала, естественно, сосредоточил свое внимание на тех практических вопросах, которые стояли перед главнейшими странами передового **европейского** рабочего движения. Но он не забудет не только об Америке, но так-же и об Индии, Персии, Японии и других странах.

* * *

Одним из главнейших практических вопросов, которыми должен будет заняться наш второй конгресс, несомненно, будет вопрос о **парламентаризме**. По этому вопросу происходили горячие дебаты в Германии, Англии, в Италии и в ряде других стран.

Прежде всего, разумеется, необходимо ополчить себе opinion в том: о чем мы спорим? Мы спорим **не** о том, должен ли сохраниться парламентская система пролетариата, победивший буржуазии. Мы хорошо знаем, что парламентский режим есть режим **буржуазных** государств. Формой пролетарской диктатуры являются Советы, а не демократические парламенты. Парламентская «демократия» во всем мире была и остается формой **буржуазной** диктатуры. Среди коммунистов, стало быть, спор идет только и исключительно о том, можно ли, должно ли при известных обстоятельствах **использовать** буржуазный парламент **до тех пор пока он существует** — в интересах **борьбы за Советы и за пролетарскую диктатуру**? Так и только так стоит вопрос.

И тут, мы уверены, второй конгресс Коммунистического Интернационала ответит: не только можно, но и **должно** использовать буржуазный парламентаризм — совершенно так-же, как мы пользуемся, скажем, возможностью издавать легальные газеты при диктатуре буржуазии, совершенно так же, как мы должны использовать всякую другую легальную возможность при диктатуре капитала.

Во всем мире, кроме Советской России, т. е. кроме той страны, где пролетариат стоит уже у власти, пресса является органом угнетения масс, совершенно так же, как буржуазный парламентаризм. И тем не менее, никто из самых «левых» коммунистов не додумался еще до того, что при буржуазной демократии не следует пользоваться легальной рабочей печатью, хотя бы этой последней приходилось иногда считаться с условиями цензуры и приспособляться к буржуазным законам. Примерно так же для нас стоит вопрос о буржуазных парламентах. Шесть рабочих депутатов на 500 помещичьих и буржуазных депутатов черносотенной Государственной Думы в России оказали неоценимую услугу рабочей революции. В начале войны они были посланы царем на казнь, но, благодаря их работе, им сопутствовали симпатии сотен тысяч русских рабочих и крестьян.

И пусть не говоря нам, что это было возможно только в России! «Не говори: не могу — скажи: не хочу». Либкнехт один — на 500 депутатов буржуа, юнкеров и прожженных дельцов социал-демократов — оказал пролетарской революции в Германии незабвенные услуги, когда он один против всех голосовал против военных кредитов, когда краткими репликами с депутатского кресла он безжалостно разоблачал буржуазное государство.

Хегланд — один на несколько сот шведских помещиков и буржуа — оказал громадные услуги шведскому рабочему классу, когда он разоблачал проделки милитаризма и звал рабочий класс к борьбе. То же самое мы видели в Сербии, в Болгарии. То же самое мы скоро увидим во всех странах, где существует сколько-нибудь серьезная, сколько-нибудь заслуживающая уважение коммунистическая партия. Итти на штурм твердынь капитализма, претендовать на то, чтобы вести за собой миллионные массы и в то же самое время не находясь в себе достаточно силы и организованности для того, чтобы в буржуазном парламенте выковать себе хотя бы маленькую группу борцов коммунизма, неподдающуюся плетворным влияниям буржуазного парламентаризма, неспособную поскользнуться на гладком паркете «демократических» парламентов, — **значит** внушать о себе мысль: эти люди умеют **говорить** громкие фразы, но не умеют **делать** серьезного революционного дела.

И пусть не говоря нам, что у нас теперь и без того достаточно возможностей говорить с народом, что парламентская прибуда нам не нужна. Это точка зрения меньшинства. Это своего рода аристократизм. Это точка зрения тех, которые уже вкусили от древа познания и которые поняли основную механику буржуазного строя. Нам важны более широкие массы. Мы, коммунисты, должны теперь научиться оперировать с многозначными цифрами. Мы должны каждый шаг наш соразмерить с тем, какое влияние окажет он, не на тысячу, не на десять тысяч человек, а на миллионы и десятки миллионов людей. Кроме авангарда городских рабочих, которые знают уже цену буржуазной демократии, существует еще в городах миллионы людей, ослепленных буржуазией. А в мелких местечках, в деревне живут миллионы и десятки миллионов крестьян и мелкого трудящегося люда, которые до войны покорно тянули лямку и гнули шею под игом буржуазных монархов. Эти люди только теперь начинают просыпаться к новой жизни. Смелое слово, брошенное с прибуды парламента, смелое слово, которое не сможет замолчать ни местная буржуазная газетка, ни поп с амвона, для них имеет очень важное значение.

Но в вопросе об использовании парламентаризма для нас важен не только момент агитации, но и момент **организации**.

Мы вспоминаем, что, когда в Швейцарии в марте 1917 г. мы получили первую телеграмму о происшедшей первой революции в

России, тов. Ленин в своих первых телеграммах к петроградским нашим друзьям специально указал на необходимость прежде всего добиваться назначения муниципальных выборов в Петроградскую Городскую Думу. Чем вызывалось это указание? Тов. Ленину предносился прообраз Парижской Коммуны, родившейся, как известно, из муниципальных выборов. Тов. Ленин хорошо знал, что, хотя наша партия, существовавшая уже около 20 лет, имела уже тогда очень значительное влияние в России, мы тем не менее, были еще слабо подкованы в **организационном** отношении. Мы искали тех путей, которые дали бы партии возможность в каждом городе пустить широкие организационные корни, и мы приходили к той мысли, что выборы в городское самоуправление при революционной обстановке, несомненно, дают к этому возможность. Мы вспоминаем далее, как всего за каких-нибудь шесть недель до великой октябрьской революции 1917 г. в том же Петрограде происходили новые муниципальные выборы в Петроградскую Городскую Думу. Рабочие были уже в их большинстве на нашей стороне. Все вагоны трамвая в Петрограде в дни выборов вышли с громадными плакатами, призывавшими голосовать за список коммунистов. Все партии объединились против нас и, тем не менее, мы одержали крупную избирательную победу. Спрашивается: что же, такое использование парламентаризма мешало или помогло нашей октябрьской победе? Мы до сих пор были уверены, что не мешало, **а именно помогло**. В течение восьми месяцев, которые прошли со времени февральской буржуазной революции до октябрьской пролетарской революции в России, наша партия старалась каждый день, каждый час использовать для того, чтобы создать себе во всей стране **целую сеть организационных ячеек**, которые потом послужили фундаментом пролетарской диктатуры. Если бы мы за 8 месяцев не успели по всей стране создать крупных коммунистических фракций в Советах рабочих и солдатских депутатов, профессиональных союзах, в органах городского самоуправления, мы не смогли бы в октябре взять власть. И еще больше — мы не смогли бы эту власть удержать. Мы должны были иметь группы людей в каждом городе, которые на деле научились разрешать жилищный вопрос, продовольственный вопрос и всякие другие жизненно важные вопросы. Без этого мы остались бы только партией пропаганды и агитации. Без этого мы не смогли бы взять правления в свои руки.

И это несколько не помешало тому, что через несколько месяцев после нашей победоносной пролетарской революции наши Советы упразднили, местами просто разогнали, городские думы, избранные на основе всеобщего избирательного права, и заменили их отделами Советов рабочих и солдатских депутатов, избранных на пролетарской основе. Но именно в этот переходный период до взят

ия власти мы не оставляли ни одной возможности неиспользованной, мы цеплялись за каждую яддь «легальных» возможностей. Мы помнили, что коммунистическая партия должна постараться угнездиться в каждом крупном городе, в каждом значительном профессиональном союзе, на каждой фабрике, в каждом домовом комитете, в каждом органе городского самоуправления.

Хорошо известно также, что коммунистическая партия в России, уже держа власть в своих руках, назначила и провела выборы в Учредительное Собрание, участвовала в этих выборах, имела свою фракцию в Учредительном Собрании. И нет никакого сомнения, что наличием серьезной коммунистической фракции в Учредительном Собрании только помогла это Учредительное Собрание в должный момент убрать с пути пролетарской революции.

Коммунистический Интернационал держится того мнения, что из-за одного вопроса о парламентаризме ни в коем случае не следует допускать раскола коммунистов. Мы уверены, что второй съезд Коммунистического Интернационала встанет на ту же точку зрения. Но в то же время он совершенно недвусмысленно выскажется за то, чтобы коммунисты по правилу использовали парламентаризм во всех буржуазных демократиях, имея в виду, что это одно из лучших средств, чтобы открыть глаза массам на истинный характер этих капиталистических партий.

* * *

Другой важнейшей проблемой, которая будет стоять перед вторым конгрессом Коммунистического Интернационала, является вопрос о **профессиональных союзах**. Мы уже указывали выше, что если II-й Интернационал имеет еще сейчас какое-либо значение для буржуазии, то только потому, что профессиональные союзы Германии, Англии, Америки еще примыкают к этому II-му желтому Интернационалу. Некоторые ультра-«левые» товарищи из этого, пожалуй, сделают тот вывод, что тем хуже для профессиональных союзов и тем меньше следует нам на них обращать внимания. Этот вывод, однако, ничего общего с коммунизмом иметь не может. Если тот или другой факт нам не нравится, мы не можем опеделяться фразой, что тем хуже для данного факта. Наша задача заключается не только в том, чтобы объяснять тот или другой факт, но и в том, чтобы **изменить** его. В вопросе о профессиональных союзах задача коммунистов заключается не только в том, чтобы объяснить, как на фоне длительной, мирной, реформистской буржуазно-демократической эпохи родились и развились многомиллионные, мелкобуржуазные реформистские профессиональные союзы, ставшие оплотом буржуазии и ее агентов. Наша задача заключается в том, чтобы путем длительной, упорной и настойчивой работы создать сначала внутри этих

союзов крупные коммунистические ячейки, а потом через них повернуть и все эти союзы на другую дорогу.

Международное пролетарское движение теперь, можно сказать, прямо уперлось в вопрос о профессиональных союзах. II-й Интернационал распался. Это так. Но в то же время Интернационал «свободных», на самом деле желтых профессиональных союзов в Амстердаме начал возрождаться. Охромевши на одну ногу, буржуазия усиленно ступает на вторую ногу. Потерявши почти целиком впорой Интернационал, как международное объединение **политических** организаций, доживши до полного разоблачения старых социал-демократических партий, сослуживших самую верную службу капиталу, буржуазия теперь старается пересест на второго коня: на Интернационал **профессиональных** союзов. И можно сказать без преувеличения: разбойничья Лига Наций теперь менее опасна международной пролетарской революции, чем Амстердамский Интернационал желтых профессиональных союзов. Что Лига Наций есть шайка разбойников,—это начинают теперь понимать самые отсталые рабочие в Западной Европе и в Америке. А что Амстердамский Интернационал профессиональных союзов, в сущности говоря, является агентурой этой самой разбойничьей Лиги Наций, этого не понимают еще миллионы и миллионы даже организованных рабочих тех же стран. Можно сказать с уверенностью: привлеки на свою сторону те крупные профессиональные союзы, которые сейчас являются единственной массовой опорой для буржуазной политики, мы тем самым устранили бы главное препятствие для успешного и быстрого хода пролетарской революции. Международный пролетариат остался бы тогда с глазу на глаз с шайкой международных империалистских хищников. Буфера были бы убраны. Столкновение последовало бы неизбежно и немедленно. И победа, разумеется, была бы на нашей стороне.

Вот почему вопрос о нашем отношении к профессиональным союзам будет иметь первостепенное значение для II-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

Некоторые квази-«левые» коммунисты проповедуют массовый уход из профессиональных союзов. Эти левые фразеры полагают, что достаточно с пренебрежительной гримаской бросить в лицо германским профессиональным союзам презрительную кличку «свободно-желтых» союзов, чтобы считать этим нашу задачу выполненной.

Да, союзы, которые терпят в числе своих руководителей господ Легина, Зассенбаха, Роберта Шмидта и других приказчиков капиталла, да—эти союзы в данную минуту являются «свободно-желтыми» союзами! Это правда. Но если бы эти союзы были даже впрое «желтее» того, что есть сейчас, мы и тогда не имели бы права выходить из них, раз в этих союзах организованы миллионы пролетариев. Когда царское правитель-

ство через своих жандармских полковников, вроде пресловутого жандармского «социалиста» Зубатова, устраивало желто-поповские профессиональные союзы в России, большевики не уходили из этих союзов, а были и там, чтобы изнутри бороться с реакционными влияниями и чтобы открывать глаза рабочим на роль этих союзов. Когда царское правительствво ввело на фабриках и заводах инспекцию фабричных старост на основе реакционнейшего избирательного закона, большевики пользовались и этой организацией для своих целей. И только такая организация, которая боится своей собственной тени, которая не верит в свои собственные силы, которая недоспапочно организована и дисциплинирована для того, чтобы успешно противостоять всем разлагающим влияниям противников, только такая организация поборется иппи в реакционные рабочие союзы с целью использовать их в своих интересах.

В «свободно-желтых» профессиональных союзах Германии насчитывается сейчас 7 миллионов членов. Эти 7 миллионов членов, к сожалению, находятся почти целиком в руках профессиональной бюрократии. Весь организационный механизм германских «свободно-желтых» профессиональных союзов построен так, что профессиональная бюрократия может вертеть союзами так, как она этого захочет. Лишь постепенно, медленно, мучительно медленно передовые рабочие, организованные в этих союзах, начинают брать реванш над желтой профессиональной бюрократией. Но тем не менее, это факт: в «свободно-желтых» профессиональных союзах организованы **миллионы** германских рабочих. Неделя контр-революционного переворота г. Каппа показала воочию, какую громадную роль продолжают играть эти «свободно-желтые» профессиональные союзы, которые одни только и в состоянии оказались на время спасти корону Эберта и Шейдемана, а тем самым и корону буржуазии.

И что в организационном отношении могут противопоставить до сих пор «свободно-желтым» профессиональным союзам наши ультра-«левые» друзья? «Левые» германские коммунисты организовали свой «Всегерманский Рабочий Союз» (Arbeiterunion). Название громкое, вывеска шикарная, но что кроется за ней? Сами «левые» коммунисты заявляют, что в их Arbeiterunion'e по всей Германии организовано в лучшем случае около 100.000 рабочих. Германские синдикалисты так-же бросают очень много бранных слов по адресу «свободно-желтых» профессиональных союзов. Германский синдикализм вырос из полумещанских локалистских союзов. И что же? Сами германские синдикалисты заявляют, что впечатление целого ряда лет им удалось организовать в своих рядах только самое большее около 250.000 членов союза. И это все, что имеют противопоставить наши «левые» семи-миллионным союзам, руководимым господами Легинами!

Бросаясь звонкими фразами, словечками против «свободно-желтых» союзов дело легкое, но отнюдь не серьезное. Если бы русские коммунисты в борьбе с меньшевиками ограничивались только пусловизмом и швырялись лозунгами «вон из союзов», профессиональные союзы и до сих пор были бы в руках меньшевиков, т. е. русских Легионов. Наши «левые» друзья должны изучить историю нашей борьбы в России, и тогда они знали бы, что впечатление **ряда лет** профессиональное движение в России находилось в руках русских социал-предателей. Уже после свержения царизма, после февральской революции 1917 года на всероссийской конференции профессиональных союзов в июне 1917 г. русские меньшевики имели еще большинство в профессиональных союзах. Еще в августе 1917 г. на пресловутом Государственном Собрании в Москве, организованном русской буржуазией через своих агентов, Керенского и К^о, в делегации профессиональных союзов меньшевики были очень сильны. Русские коммунисты не бросали лозунга «вон из союзов». Напротив, они направляли в тогдашние «свободно-желтые» русские профессиональные союзы лучшие свои силы. Они организовали в каждом союзе, в каждом районе, в каждом отделении союза свою **коммунистическую ячейку**, свою большевистскую фракцию. Иногда вначале эта фракция насчитывала только каких-нибудь три человека. На каждом факте борьбы, на каждом повороте событий, на каждом изгибе пути, по каждому самому мелкому поводу эти коммунистические фракции профессиональных союзов вступали в открытый бой с «свободно-желтым» большинством. Постепенно вокруг маленькой коммунистической фракции профессиональных союзов собиралось все, что было честного и мыслящего в русских профессиональных союзах. Шаг за шагом велась борьба за каждое правление профессионального союза. С громадным трудом, с упорством и настойчивостью приходилось бороться за то, чтобы снять с постов наиболее ненавидимых профессиональных бюрокрагов. И такой упорной борьбой было достигнуто то, что постепенно профессиональные союзы были отвоеваны нами. И это сильнейшее оружие мы вырвали из рук «свободно-желтых» вождей.

Вот как серьезные партии борются с влиянием социал-предателей. И если бы мы умели только кричать против союзных чиновников, если бы мы ограничивались только тем, что более или менее оспроумно ругали их, как это делают теперь наши «левые» друзья в их борьбе против так называемых «Вонзеп» (божков, испуканов), воз остался бы и ныне там: мы остались бы при своих ругательствах, а желтые вожаки остались бы при миллионных союзах.

Бросать сейчас в Германии, или в Англии, или в Америке лозунг «вон из союзов», означает то же самое, что дать лозунг «вон из рядов организованных рабочих». В старых

«свободно-желтых» союзах организованы сейчас миллионы рабочих. Эти миллионы имеют тысячи предрассудков, они иногда целиком еще находятся в лапах тех прожженных дельцов, которые сплели во главе союзов и которые торгуют этими союзами, как цыгане торгуют лошадьми. Но эти миллионы членов в профессиональных союзах неизбежно отвернутся раньше или позже от этих дельцов и станут на путь пролетарской революции. Это столь же неизбежно, как неизбежна победа социализма над капитализмом. Одно невозможно без другого. Социализм не может победить, не вырвавши из под влияния буржуазии миллионы рабочих, ныне организованных в этих союзах. И это освобождение рабочих из под влияния буржуазии желтых вождей произойдет тем раньше, чем меньше мы будем швыряться лозунгом «вон из союзов» и чем более настойчиво мы будем работать **внутри** этих союзов.

Коммунисты должны быть всюду, где организованы массы рабочих. Коммунисты должны уметь быть и в меньшинстве. Коммунисты, во всяком случае, должны иметь свою особую организацию, независимую ни от каких «свободно-желтых», ни свободных, ни каких бы то ни было других союзов. Коммунисты должны иметь свою партию, копорая, как бы малочисленна она ни была, всегда защищала бы интересы рабочего класса в целом. Но коммунисты должны, всегда действуя организованно, действуя, как партия, выступая планомерно, бросать лучшие свои силы туда, где имеются массы обманутых рабочих. И чем более обмануты эти рабочие, и чем ловче устроен аппарат, при помощи которого обманывают этих рабочих, тем больше коммунисты должны налегать на то, чтобы освободить рабочих из под влияния этого аппарата. Охватить щупальцами коммунизма все без исключения рабочие организации, распространить влияние коммунистических идей в самом отдаленном провинциальном уголке, где существует какое-нибудь отделение «свободно-желтых» профессиональных союзов, это, конечно, будет пошруднее, чем бросить лозунг «вон из союзов» и создавать для своего утешения мнимый «Рабочий Союз», насчитывающий горсточку членов. Но ведь давно известно, что рисовать Потемкинские деревни, вообще говоря, гораздо легче, чем делать серьезную пролетарскую работу. Кто предпочитает первое, с тем коммунистическому Интернационалу не по пути.

В Германии и в других странах за последние месяцы родилась идея заменить старые профессиональные союзы так называемыми производственными советами (Betriebsräte — завкомы). Эти производственные Советы являются организацией, подобной той, какую мы имели и имеем в России в лице заводских комитетов. Это ячейки, выбираемые рабочими на самих предприятиях для руководства в первую голову заводскими делами.

Разумеется, Коммунистический Интернационал целиком поддерживает идею обра-

зованию таких производственных советов или заводских комитетов—особенно, создание этих комитетов самочинным путем на революционной основе, в революционной обстановке. Но вместе с тем ни на одну минуту нельзя думать, что эти заводские комитеты могут в какой бы то ни было мере **заменить** производственные профессиональные союзы. В советской России эти заводские комитеты **сами стали основными ячейками** производственных профессиональных союзов. Заводские комитеты (или производственные заводские советы) в России являются **первичными** организационными коллективами, на базе которых построены производственные профессиональные союзы.

Обновлению нынешних «свободно-желтых» профессиональных союзов эти заводские комитеты будут содействовать в сильнейшей степени. Перерождение нынешних «свободно-желтых союзов пойдет в значительной мере **через** эти производственные советы. Это так. Коммунисты должны направлять свое внимание на то, чтобы овладеть заводскими комитетами, этими основными ячейками перерождающихся профессиональных союзов. Но вместе с тем мы должны, во что бы то ни стало, завоевать и самые союзы. Нельзя завоевать власть и удержат эту власть, не овладев тем колоссальным аппаратом, который представляют теперь, например, грандиозные профессиональные союзы транспортных рабочих. В этом аппарате многое заржавело, в этом аппарате много хлама. Все это выбросит за борт пролетарская революция, все это переделает по своему пролетарская диктатура. Но наше внимание должно быть направлено именно на то, **чтобы этим аппаратом овладеть**, негодное из него выбросить и все переделать по образу и подобию революционного пролетариата.

Глубокое брожение началось в среде старых профессиональных союзов. Английские пред-юнионы уже не те, которыми они были пять лет тому назад. То же можно сказать даже о Гомперсовской Федерации Труда в Америке. В Германии процесс снятия с позиций старых заматерелых профессиональных бюрокрагов начался и находится в полном ходу. «Тройственное согласие», т. е. объединение трех крупнейших профессиональных союзов в Англии, явно начинает порывать со старой буржуазной традицией английского «классического» пред-юнионизма. Состоявшийся в марте 1920 г. в Лондоне во время конгресса пред-юнионов параллельный съезд левых депутатов английского профессионального движения является серьезным событием в истории английского пролетарского движения (см. отчет о нем в № 10 «Комм. Интерн.»). Если коммунистические партии в различных странах сумеют взять правильный курс по отношению к профессиональным союзам, это положение старых союзов будет расти не по дням, а по часам.

Нельзя оказывать большей услуги Легионам, Гомперсам и господам Жуо, как «левой» так-

пикой бойкота старых союзов и ухода из них. Легионам, Жуо, Гомперсам, Аплетонам и К^о только и нужно, чтобы лучшая часть рабочих ушла из «ихних» союзов и оставила их безраздельными хозяевами в этих организациях. Этого удовольствия Коммунистический Интернационал, однако, не доставит желтым вожакам. Второй конгресс Коммунистического Интернационала, несомненно, даст лозунг: создание маленькой коммунистической фракции хотя-бы в несколько десятков человек в каждом профессиональном союзе имеет глубоко революционное значение, а десяток звонких резолюций об уходе из «свободно-желтых» союзов имеет глубоко **реакционное** значение.

Коммунистический Интернационал, разбивши на голову II-ой Интернационал, как объединение политических организаций, теперь ставит на очередь борьбу за влияние на союзы. Профессиональные союзы переживут ту же эволюцию, какую пережили политические партии пролетариата. Дифференциация внутри профессионального движения уже началась и быстрым темпом пойдет вперед. Кое-где движение пойдет через прямой раскол профессиональных союзов. Где это неизбежно, Коммунистический Интернационал ничего не будет иметь против этого. Но пройдет сравнительно немного времени, и громадное большинство рабочих, ныне входящих в «свободно-желтые» союзы, будут на нашей стороне, овладеют этими союзами, переделают их в союзы истинно пролетарские, перестроят их по производственному принципу, прогонят из них агентов капитала, превратят их в боевые организации, которые станут, как стали в России, стеновым хребтом пролетарской диктатуры.

* * *

Наконец, второму конгрессу Коммунистического Интернационала придется высказаться с полной определенностью **о роли коммунистических партий**,—как до, так и после завоевания власти пролетариатом. Вопросы о взаимоотношениях между партией и классом, о диктатуре партии и диктатуре класса, о взаимоотношениях между массой и вождями—эти вопросы играют сейчас крупнейшую роль в дебатах между коммунистами в нескольких странах.

Как это ни странно, некоторые группы, считающие себя последователями Маркса, этого убежденнейшего из сторонников и проповедников пролетарского централизма, сомневаются в необходимости централизованной коммунистической партии, а иногда и в необходимости коммунистической партии вообще.

Первый Конгресс Коммунистического Интернационала высказался в том смысле, что, например, Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) **следует** привлечь к коммунистическому движению, как возможных союзников. И это, несомненно, было правильное ре-

шение. Индустриальные Рабочие Мира являются типичным порождением эпохи, когда старое рабочее движение зашло в тупик и попало целиком в лапы социал-предателей, а вместе с тем начинались уже потуги родов нового общества и появлялись первые признаки грядущей пролетарской революции. Союз Индустриальных Рабочих Мира приобрел значительное влияние как раз в Америке, т. е. в той стране, где вожаки профессионального движения были особенно продажны, где гнет «демократической» буржуазии становился особенно бесстыдным и где объективные предпосылки для пролетарской революции особенно назрели. Тактика Союза Индустриальных Рабочих Мира не продумана и не последовательна. Союз Индустриальных Рабочих Мира есть проявление того, что у отдельных групп рабочих, стоящих под двойным игом американского живодера-миллионера и американского продажного рабочего «вождей» типа Гомперса, — начинают сжиматься кулаки. Сжатый кулак, угрожающе поднятый против капиталистической живодерни — вот, что такое тактика Индустриальных Рабочих Мира. Нет никакого сомнения: сжатый кулак рабочего против капиталиста гораздо приятнее видеть, чем фигуру рабочего, застывшего в тупой покорности капиталистическому плантатору и его наемному приказчику социал-демократу. Но сжатый кулак не исчерпывает и не может исчерпать тактики угнетенного класса, который должен бороться против целого мира врагов и должен **ясно видеть весь свой путь** от начала до конца.

Индустриальные Рабочие Мира (I. W. W.) выступают против необходимости для рабочего класса иметь свою политическую партию, хотя бы и коммунистическую. Индустриальные Рабочие Мира иногда называют себя коммунистами, но выступают против всякой политической борьбы, смешивая ее с политиканством. Индустриальные Рабочие Мира хотят современное общество переделать, построив его на основе профессиональных союзов. В центре — главный Совет профессиональных союзов, на периферии — отдельные профессиональные союзы по профессиям или в лучшем случае по производствам. Всякая партия, в том числе и коммунистическая партия, с точки зрения Индустриальных Рабочих Мира есть зло, есть группа политиканов, есть коперия со своими самодовлеющими групповыми интересами. Всякий централизм, в том числе и централизм коммунистической партии, для последовательных сторонников Индустриальных Рабочих Мира является нестерпимым гнетом. Индустриальные Рабочие Мира отвергают не только парламентаризм, как одну из форм политической борьбы, но и политическую борьбу вообще.

И тем не менее, мы сказали, что Индустриальные Рабочие Мира **могут** быть попутчиками Коммунистического Интернационала. По сравнению с Гомперсом и с Леги-

ном Индустриальные Рабочие Мира представляют собою шаг вперед. Там — наемные приказчики капитала, здесь — люди, искренно ненавидящие гнет капитала, хотя еще не вполне понявшие, каким образом можно успешно свергнуть режим капитализма, построенный на сложном хитросплетении обмана и насилия.

Да, по сравнению со „свободно-желтым“ профессиональным движением, которое целиком находится до сих пор в руках агентов капитала, революционный синдикализм и тактика Индустриальных Рабочих Мира есть шаг вперед.

Но по сравнению с революционным марксизмом, по сравнению с **последовательным коммунизмом**, так называемый революционный синдикализм и тактика Индустриальных Рабочих Мира **есть шаг назад, есть реакционное движение.**

Без сильной коммунистической партии освободить пролетариат из под ига капитализма невозможно. Коммунистическая партия — мозг рабочего класса. Коммунистическая партия — глаза пролетариата. Отдельный человек, лишенный зрения, без головы на плечах, не выйдет на дорогу, не найдет своей цели, не добьется того, что нужно свободному человеку. Так же и рабочий класс без коммунистической партии не может исполнить ту историческую миссию, которая ему предначертана. Коммунистическая партия есть авангард рабочего класса. Коммунистическая партия есть все самое дальновидное, самое честное, стойкое, благородное, способное к самопожертвованию и к борьбе, что имеется в рабочем классе. Коммунистическая партия есть тот **рычаг** в руках авангарда рабочего класса, при помощи которого можно и можно двинуть на борьбу **весь класс**. Рабочий класс без коммунистической партии это то же, что могучее туловище без головы.

Когда мы видим человека, считающего себя коммунистом и в то же время желающего отказаться от идеи самостоятельной коммунистической партии, мы говорим такому товарищу: откажитесь от идеи необходимости партии это — то же, что самому отрубить себе правую руку. Представьте себе, что вам предстоит борьба с джигитом-разбойником. Что сказали бы вы такому джигиту-разбойнику, который пришел бы к вам и посоветовал: раньше чем начать борьбу с разбойником, возьми и отруби себе правую руку?

А ведь именно такие советы дают нам те «левые» повара, которые не понимают, что для борьбы с разбойничьим капитализмом надо, чтобы правая рука (партия) у нас была и чтобы рука эта была твердой, сильной, железной.

И этой то простой истины как раз и не поняли некоторые «левые» коммунисты, которые повторяют зады вслед за сторонниками Индустриальных Рабочих Мира. Нельзя без горькой усмешки читать, как, например,

«левый» Фриц Вольфгейм, один из вождей германских «левых» коммунистов с самой серьезной миной доказывает германским передовым рабочим, что в вопросе о роли партии им надо следовать за Индустриальными Рабочими Мира. Фриц Вольфгейм и его единомышленники мнят себя очень передовыми коммунистами. На деле они тащат движение назад от революционного марксизма к путанному, сбивчивому синдикализму. Нельзя без горечи читать, как «левые» германские коммунисты в своем программном заявлении от имени съезда, состоявшегося в апреле 1920 г. в Берлине, заявляют: мы образовали новую коммунистическую рабочую партию, но «это-де не партия в собственном смысле слова». Германские «левые» не договаривают своей мысли, но совершенно ясно, что и они идут здесь по стопам Фрица Вольфгейма и его единомышленников, которые, в сущности говоря, отрицают необходимость коммунистической партии вообще, и воображают, что можно совершить пролетарскую революцию при помощи какого то бесформенного, беспартийного «рабочего союза».

Лет 13 тому назад русские меньшевики после поражения первой революции в России выдвинули пресловутую идею беспартийного рабочего съезда, который по мысли многих из меньшевиков должен был **заменить** собою политическую партию пролетариата, т. е. партию «в собственном смысле слова». Передовые русские рабочие высмеяли тогда эту реакционную идею. Некоторые наши «левые» товарищи в Германии и в других странах, сами того не замечая, повторяют теперь реакционную дребедень, выдвинутую русскими меньшевиками в 1906—7 гг.

Коммунистическая партия нам необходима, как воздух для легких, как хлеб для голодных. Без нее рабочий класс, как без руля и без ветрил. Без нее мы не способны оказывать ни идейного, ни организационного сопротивления буржуазии и ее агентам. Но нам необходима не просто коммунистическая партия, нам нужна коммунистическая партия **строго централизованная, с железной дисциплиной, с военной организацией.** Да, с военной! Это показал опыт Российской Коммунистической Партии — той партии, которая пока единственная держит власть в своей стране. Эта партия создавалась в течение 20 лет путем естественного отбора лучших пролетариев, составивших ее основу. Устав этой партии провозглашает принцип «демократического централизма». Эта партия осуществляла железный централизм при самых различных условиях: в тяжчайшей обстановке царистской реакции, как и в годы гражданской войны. Российская Коммунистическая Партия насчитывает в настоящий момент около 600.000 членов. Профессиональные союзы в России насчитывают 4 с половиною миллиона. Число людей, осуществляющих свое избирательное право при выборах в Советы рабочих и крестьянских депутатов в России будет, примерно, около 80 миллио-

нов. Число людей, живущих на территории нынешней Советской России — около 120 милл. Таковы основные цифры.

Наши противники, русские Шейдеманы и Гомперсы, наши меньшевики и эс-эры все время обвиняют нашу партию в том, что она создала в России диктатуру партии, а не диктатуру «прудящегося народа». Но всякий сознательный пролетарий в России знает, что без железной диктатуры коммунистической партии Советская власть не продержалась бы в России не только при года, но и при недели. Всякий сознательный рабочий должен понимать, что диктатура рабочего класса, иначе и не может быть осуществлена как через диктатуру его авангарда — т. е. через коммунистическую партию. Когда рабочему классу пришлось отбиваться против сонма врагов, когда ему пришлось выдерживать бой с бесчисленным количеством вражеских сил, когда полмира объявили ему, войну, — Коммунистическая Партия России руководила этой его борьбой, была его генеральным штабом. Когда приходилось в партийном порядке мобилизовать десятки тысяч людей и бросать их на фронт, когда рабочим каждый день приходилось жертвовать своею жизнью, когда каждые 24 часа рабочему правительству приходилось принимать решения, из которых каждое было чрезвычайно величайшими последствиями, — нужна была централизованная партия с внутренней военной дисциплиной, с беззаветной преданностью делу, с абсолютным доверием членов партии к полновластному центру, со взаимной, товарищеской пролетарской спайкой. Только так могли мы победить, только при таких условиях партия могла бросать сегодня десяток тысяч членов на один фронт, завтра перебрасывать их на другой боевой фронт, после-завтра двигать лучшие силы на транспорти, еще через некоторое время перебрасывать десятки тысяч своих членов в производящие губернии, чтобы добывать продовольствие для голодающих центров и т. д., и т. д. Нельзя воевать против бесчисленного количества врагов, не имея своего властного генерального штаба, не имея своей строжайшей железной дисциплины, не создав такой организации, которая целиком направляется из одного центра.

Не о федеративном типе организации, не об «автономии» местных групп следует сейчас заботиться коммунистам тех стран, перед которыми вся борьба за власть еще впереди. Им следует заботиться о создании единой, строго централизованной партии, вылитой из одного куска, с железной дисциплиной и построенной на началах законченного пролетарского централизма. Без этого победить нельзя, без этого гибель революции неизбежна.

И не следует думать, что **после** завоевания власти роль коммунистической партии в какой бы то ни было мере уменьшается. Напротив, тот же пример русской пролетарской революции показал, что и после завоевания власти роль коммунистической партии

оснается гигантской и с каждым днем возрастает. Все вопросы хозяйственного строительства, военной организации, народного образования, продовольственной политики и пр., и пр.—все эти вопросы, от которых целиком зависит судьба пролетарской революции, разрешаются в России **прежде всего и более всего в рамках партийных организаций**. И так как в этих партийных организациях собрано все, что есть лучшего в рабочем классе России, все, что есть закаленного и испытанного в боях, то контроль партии над советскими органами, над профессиональными союзами, есть единственная серьезная гарантия того, что в жизнь будут проводиться не цеховые, не групповые интересы, а интересы пролетариата в целом.

Сторонники революционного синдикализма, Индустриальных Рабочих Мира и некоторых «левых» коммунистов черпают очень хорошие планы того, как они создадут «общество будущего» (Zukunftstaat) без излишнего централизма, без давления сверху, исключительно на основе товарищеской солидарности. Все это очень хорошо. Но не надо увлекаться утопическими романами в духе Белами. Надо помнить о той страшной гражданской войне, которая нам предстоит **раньше**, чем мы низвергнем капитал. А наши «левые» друзья забывают нам сказать, **при помощи какой организации** свалят они капитализм, объявят диктатуру пролетариата и **отстоят** эту диктатуру от нападения врагов—если у них не будет централизованной организации? Эти наши левые друзья забывают ответить на главный вопрос: на вопрос о том, в какие же организационные формы выльется диктатура пролетариата в этот ближайший переходный период, который займет не один год и внешне которого централизованная, военная пролетарская организация является *conditio sine qua non*.

Для пролетариата, который сколько-нибудь размышляет над вероятным ходом пролетарской революции в любой стране, должно быть совершенно ясно, что без создания пролетарской красной армии не может быть и речи о победе коммунизма. А каким образом можно создать серьезную красную армию иначе, как в масштабе всей страны, на началах строжайшего централизма и железной дисциплины? Не создавая же, в самом деле, особую красную армию металлистов, параллельную, самостоятельную красную армию шекспиров, деревообделочников и т. д. А ведь при последовательном проведении принципа союза Индустриальных Рабочих Мира и наших «левых», но неразумных товарищей пришлось бы прибегнуть именно к такой форме создания красной армии, т. е. пришлось бы заранее обречь пролетарскую революцию на верную гибель.

Все эти вопросы должен будет исчерпывающе осветить предстоящий второй съезд Коммунистического Интернационала. Он должен будет покончить с синдикалистскими предрассудками, в вопросе о роли коммуни-

стической партии; он должен будет безжалостно отбросить мелкобуржуазные мещанские взгляды, в вопросе о пролетарском централизме; он должен будет наметить правильные взаимоотношения между коммунистическими парламентскими фракциями и коммунистической партией в целом (разумеется, на основе **полного подчинения** коммунистов-парламентариев коммунистической партии—легальной или нелегальной все равно); он должен будет очистить коммунистическую пшеницу от синдикалистских плевел.

*
*
*

В последнюю минуту Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала прибавил новый пункт порядка дня, который он озаглавил: Отношение к новым течениям «центра», принимающим коммунистическую платформу лишь на словах, и об условиях вступления в III Интернационал.

Это—очень важный пункт порядка дня. Тезисы, опубликованные от имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, представляют собой важнейший идейно-политический материал, показывающий, как Исполнительный Комитет хотел бы ориентировать политику предстоящего второго конгресса. Мы хотим указать нашим «левым» товарищам на их ошибки, мы хотим их предупредить **самым решительным образом** против тех грубых промахов, которые они делают.

Особенно мы, русские коммунисты, обязаны это сделать. Не для того провели мы всю борьбу против «левых» нелепостей в рациональном масштабе, чтобы теперь отказаться от этой борьбы в интернациональном масштабе—раз эти вопросы стали интернациональными.

Мы не остановимся перед самой решительной идейной, а если понадобится и организационной, борьбой против «левых» противников коммунистической тактики. Но в то же время мы ни на минуту не забудем, что среди «левых» много преданнейших нашему делу людей, которые отдадут свою жизнь за коммунизм и которые завтра, поняв свои ошибки, будут всецело с нами.

Мы видим, как уже в нескольких странах намечаются группы «коммунистов», которые лишь на словах принимают принципы «коммунизма». 3-й Интернационал становится «модой». Находясь люди, которые пытаются забронировать себя вхождением в III Интернационал для того, чтобы **на деле** продолжать вести капиталистскую политику «центра». Находясь люди, которые считая себя «коммунистами», отодвигают перспективу пролетарской революции в туманную даль—как это когда-то делали некоторые «ортодоксы», для которых *Endziel* (конечная цель) была только красивой ширмой, музыкой отдаленного будущего.

Начинаются создаваться группы «государственных мужей» коммунизма, которые

успанавливают очередь: пусть сначала такая-то страна «сделает» советскую революцию, а потом очередь будет наша и т. п.

Против таких правых «коммунистов» мы поведем самую непримиримую борьбу.

...

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, найдя, что второму конгрессу надо будет сделать попытку выработать устав Интернационала. В этой области важна, конечно, не формальная, бумажная сторона, а существо дела. Нам нужно создать международную коммунистическую организацию, соответствующую духу времени т. е. способную **фактически** руководить борьбой пролетариата разных стран, борьбой, которая ходом вещей становится все более и более интернациональной.

Второму конгрессу Коммунистического Интернационала придется на наш взгляд предложить некоторым партиям, примкнувшим к Коммунистическому Интернационалу сделать **абсолютно все** необходимые практические выводы из этого вступления в Коммунистический Интернационал. Мы полагаем, что все партии, входящие в Коммунистический Интернационал, должны полностью принять программу и тактику Коммунистического Интернационала и соответственным образом переменить свое название. Это вопрос не маловажный. Нам нужно, чтобы перед последним отсталым сельским батраком, мелким крестьянином и работницей была совершенно ясна разница между коммунистами, стоящими за пролетарский переворот, и социал-демократами, которые помогают буржуазии душивать рабочий класс. Одна перемена названия, конечно, ничего не скажет, если содержание остается старым. Но кто переменяет содержание своей работы, кто вспал целиком на почву коммунизма, тот должен переменить и название своей партии.

Мы должны будем далее потребовать от партий, вошедших в Коммунистический Интернационал, чтобы они исключили из своих рядов тех господ социал-демократов, которые, хотя и составляют большинство этих, примкнувших к Коммунистическому Интернационалу партий, но остаются внутри этих партий для саботажа. Чтобы не далеко ходить, назовем пример итальянской партии, которая первая примкнула к Коммунистическому Интернационалу и которая имеет массу выдающихся заслуг перед пролетарской рево-

люцией. Мы совершенно согласны с швейцарским поварием Эмбер-Дроз (Humbert-Droz), который недавно в специальной статье пребодал исключения из рядов итальянской партии господ Турапи и К°. Турапи и его друзья являются определенными оппортунистами, сторонниками II-го Интернационала. Большинство итальянской партии вполне определенно стоит на почве зрения коммунизма. Но вместе с тем Турапи остается в недрах этой партии и формально числится членом Коммунистического Интернационала. Оставляя такое положение вещей невозможно. Это значило бы продолжать худшие традиции II-го Интернационала. Это значило бы — ради показного единства терпеть в своих рядах людей, которые в решающую минуту предадут пролетарскую революцию. Кто сказал А, тот должен сказать Б. Кто сказал: я вхожу в Коммунистический Интернационал, тот должен суметь расстаться раз и навсегда со своими собственными социал-демократиями. Кто примыкает к Коммунистическому Интернационалу не ради моды, не для того, чтобы сделать уступку настроением рабочих, не ради презренной «дипломатии», тот должен суметь сделать все до единого практические выводы из этого факта.

Два мира стоят друг против друга. Класс против класса! Пролетариат против буржуазии! Малейшая двусмысленность при таких положениях чревата губительнейшими последствиями. За малейшую идейно-политическую или организационную фальшь в такой ситуации, пролетариат будет расплачиваться тысячами лишних жертв. Ясность программы, четкость практической линии, точность организационного построения — все это абсолютно необходимо для Коммунистического Интернационала, если он хочет исполнить ту великую историческую миссию, какую он на себя взял.

Предстоящий второй конгресс Коммунистического Интернационала будет генеральной перекличкой передовых рабочих всего мира перед грядущими решающими битвами. Рабочие коммунисты всех стран должны сделать все от них зависящее для того, чтобы предстоящий второй конгресс смог вписать в историю освободительного движения пролетариата ту страницу, которую ему вписать надлежит...

Курск — Харьков.
14 мая 1920 г.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

О ТЕРРОРИЗМЕ.

«Революция приносит нам,—жалуется Каутский (в своей книге «Терроризм и Коммунизм»), — кровавый терроризм, проводимый социалистическими правительствами. Большевики в России вступили первые на этот путь и суровейшим образом осуждались поэтому всеми социалистами, не стоявшими на большевистской точке зрения, в том числе и социалистами немецкого большинства. Но как только последние почувствовали себя угрожаемыми в своем господстве, они прибегли к методам того же террористического режима, который они клеймили на востоке» (стр. 9). Казалось бы, отсюда следовало сделать вывод, что терроризм гораздо глубже связан с природой революции, чем это думали кой-какие мудрецы. Но Каутский делает вывод прямо противоположный: гигантское развитие белого и красного терроризма во всех последних революциях,—русской, германской, австрийской и венгерской,—свидетельствует для него о том, что эти революции отклонились от своего подлинного пути и оказались не теми революциями, какими они должны бы были быть согласно теоретическим сновидениям Каутского. Не углубляясь в обсуждение вопроса, «имманентен» ли терроризм «как таковой», революции «как таковой», остановимся на примере нескольких революций, как они проходили перед нами в живой человеческой истории.

Напомним сперва религиозную реформуацию, вошедшую водоразделом между средневековой и новой историей: чем более глубокие интересы народных масс она захватывала, чем шире был ее размах, тем свирепее развертывалась под религиозным знаменем гражданская война, тем беспощаднее становился на обеих сторонах террор.

В семнадцатом веке Англия проделала две революции: первая, вызвавшая большие социальные потрясения и войны, привела, между прочим, к казни короля Карла I, а вторая — благополучно завершилась восшествием на престол новой династии. Английская буржуазия и ее историки совершенно по разному относились к этим революциям: первая для них — бесчинство черни, «великий бунт»; за второй укрепилось название «славной революции». Причину такого различия в оценках разъяснил еще французский историк Огюстен Тьерри. В первой английской революции, в великом бунте, действующим лицом был народ, во второй — он почти «безмолвствовал». Отсюда вытекает, что в обстановке классового рабства трудно обучить угнетенные массы хорошим манерам. Выведенные из себя, они действуют поленом,

каменем, огнем и веревкой. Придворные историки эксплуататоров бывают оскорблены. Но великим событием в историю новой (буржуазной) Англии вошла тем не менее не «славная» революция, а великий бунт.

Величайшим после реформации и «великого бунта» событием новой истории, далеко превосходящим два предшествующие по значению, является Великая Французская революция XVIII столетия. Этой классической революции отвечал классический терроризм. Каутский готов простить террор якобинцев, признавая, что другими мерами им бы не спасти республики. Но от этого оправдания задним числом никому ни тепло, ни холодно. Каутские конца XVIII столетия (лидеры французских жирондистов) видели в якобинцах исчадие зла. Вот достаточно поучительное в своей банальности сопоставление якобинцев с жирондистами под пером одного из мешанских французских историков. «Как одни, так и другие хотели республики... Но жирондисты «хотели республики свободной, законной, милостивой. Монпаньяры желали (!) республики деспотической и ужасной. И те и другие стояли за верховную власть народа; но жирондисты справедливо понимали под народом всех; для монпаньяров же... народом был лишь трудящийся класс; поэтому одним этим людям и должно было, по мнению монпаньяров, принадлежать господство». Антипеза между великодушными рыцарями Учредилки и крокодиальными проводниками революционной диктатуры намечена здесь достаточно полно, только в политических терминах эпохи.

Желудная диктатура якобинцев была вызвана чудовищно-тяжким положением революционной Франции. Вот как рассказывает об этом буржуазный историк. «Иностранные войска вступили с четырех сторон на французскую территорию: с севера — англичане и австрийцы, в Эльзасе — пруссаки, в Дофинэ и до Лиона — пьемонтцы, в Руссильоне — испанцы. И это в такое время, когда гражданская война свирепствовала в четырех различных пунктах: в Нормандии, в Вандее, в Лионе и Тулоне». К этому надо прибавить внутренних врагов, в виде многочисленных тайных сторонников старого порядка, готовых всеми средствами помогать неприятелю.

Суровость пролетарской диктатуры в России — скажем тут же — была обусловлена не менее тяжелыми обстоятельствами. Сплошной фронт на севере и юге, западе и востоке. Кроме русских белогвардейских армий Колчака, Деникина и пр., против советской

России выступают одновременно или поочередно: немцы и австрийцы, чехо-словаки, сербы, поляки, украинцы, румыны, французы, англичане, американцы, японцы, финны, эстонцы, липовцы... В стране, охваченной блокадой, задыхающейся от голода, непрерывные разговоры, восстания, террористические акты, разрушение складов, путей и мостов.

«У правительства, взявшего на себя борьбу с бесчисленными внешними и внутренними врагами, не было ни денег, ни достаточного войска—ничего, кроме безграничной энергии, горячей поддержки со стороны революционных элементов страны и громадной смелости принимать все меры для спасения родины, как бы произвольны, незаконны и суровы они ни были». Такими словами характеризовал некогда Плеханов правительство... якобинцев («Социал-Демократ». Трехмесячное литературно-политическое обозрение. Февраль, книга первая. Лондон 1890 г. Стаття «Столетие Великой революции», стр. 6—7).

Образовалась к революции, которая произошла во второй половине XIX столетия, в стране «демократии», в Соединенных Штатах Северной Америки. Хотя речь шла отнюдь не об отмене частной собственности вообще, а только об отмене собственности на чернокожих, тем не менее учреждения демократии оказались совершенно неспособны мирным путем разрешить конфликты. Южные штаты, разбитые на выборах президента в 1860 году, решили какими-угодно мерами вернуть себе влияние, которым они до того располагали в интересах рабовладения, и, произнося, как полагается, звонкие слова о свободе и независимости, встали на путь рабовладельческого мятежа. Отсюда неизбежно вытекли все дальнейшие последствия гражданской войны. Уже в самом начале борьбы военная власть в Балтиморе заключила в форт Мак-Генри несколько граждан, сторонников рабовладельческого юга, несмотря на «habeas corpus». Вопрос о законности или незаконности подобных действий сделался предметом горячего спора между так называемыми «высшими авторитетами». Верховный судья Тэней решил, что президент не имеет права ни останавливать действие habeas corpus, ни давать на то полномочия военным властям. «Таково, по всей вероятности, правильное конституционное разрешение этого вопроса,—говорит один из первых историков американской войны.—Но положение дел было до такой степени критическое, и необходимость принять решительные меры против населения Балтимора до такой степени велика, что не только правительство, но и народ Соединенных Штатов поддерживал самые энергические меры» («История американской войны», соч. Флетчера, подполковника гвардейских шотландских стрелков, перевод с английского, С.-Петербург, 1867 г., стр. 95).

Некоторые предметы, в которых нуждался мятежный юг, доставлялись тайно се-

верными купцами. Конечно, северянам не оставалось ничего другого, как прибегнуть к репрессиям. 6-го августа 1861 г. утверждено было президентом постановление конгресса «о конфискации собственности, употребляемой для инсurreкционных целей». Народ, в лице наиболее демократических слоев, был в пользу крайних мер, республиканская партия имела на севере решительное преобладание, и люди, подозреваемые в сепаратизме, т.-е. поддержке расколистических южных штатов, подвергались насилиям. В некоторых северных городах и даже в славившихся своими порядками штатах Новой Англии, народ нередко врвался в конторы журналов, поддерживавших мятежных рабовладельцев, и разбивал их печатные станки. Случалось, что реакционных издателей вымазывали дегтем, украшали перьями и возили в таком виде по площадям, пока не вынуждали присягнуть на верность Союзу. Смазанная дегтем планшаторская личность мало походила на «самоцель», так что категорический императив Канта терпел в гражданской войне штатов немалый урон. Но это не все. «Правительство, с своей стороны,—рассказывает нам историк,—принимало разного рода карательные меры против изданий, которые держались несогласных с ним мнений, и в короткое время свободная до сих пор американская пресса очутилась в положении едва ли лучшем, чем в автократических европейских государствах». Той же участи подверглась и свобода слова. «Таким образом,—продолжает подполковник Флетчер,—американский народ отказался в это время от большей части своей свободы. Надо заметить,—нравоучительно прибавляет он,—что большинство народа было до такой степени поглощено войною и до такой степени проникнуто готовностью на всякого рода жертвы для достижения своей цели, что не только не сожалело об утраченной свободе, но даже почти этого не замечало» («История американской войны», стр. 162—164).

Несравненно беспощаднее действовали кровавадные рабовладельцы юга со своей разнузданной челядью. Повсюду, где образовалось большинство в пользу рабовладения,—рассказывает граф Парижский,—общественное мнение деспотически относилось к меньшинству. Всех, кто сожалел о национальном знамени... принудили замолчать. Но скоро и это оказалось недостаточным; как и при всякой революции, равнодушных принудили выразить свою преданность новому порядку вещей... Те, которые не согласились на это, были отданы в жертву ненависти и насилия народной толпы... В каждом центре рождающейся цивилизации (юго-западных штатов) образовались комитеты бдительности из всех тех, которые отличались крайностями в избирательной борьбе... Кабак был обыкновенным местом их заседаний, и шумная оргия смешивалась с презренной пародией держав-

ных форм правосудия. Несколько бешеных людей, сидевших вокруг конторки, на которой лежали джин и виски, судили своих присутствующих и отсутствующих сограждан. Обвиняемый, прежде чем был спрошен, уже видел, как приговаривали роковую веревку. Явившийся в суд узнавал свой приговор, падая под пулей палача, припавшего за углом леса... Эта картина очень напоминает сцену, какие изо дня в день разыгрываются в стане Деникина, Колчака, Юденича и других героев англо-французской и американской «демократии».

Как обстоит вопрос о терроризме в отношении Парижской Коммуны 1871 года, мы увидим ниже. Во всяком случае попытки Каутского противопоставить нам коммуны несостоятельности в корне и лишь доводят автора до словесных вывертов самого низкопробного качества.

Институт заложников, повидимому, надо признать «имманентным» терроризму гражданской войны. Каутский против терроризма и против института заложников, но за Парижскую Коммуну (Коммуна жила пятьдесят лет тому назад). Между тем Коммуна брала заложников. Получается затруднение. Но зачем же существует искусство экзегетики?

Декрет Коммуны о заложниках и об их расстреле в ответ на зверства версальцев возик, по глубокомысленному толкованию Каутского, «из стремления сохранить человеческие жизни, а не уничтожить их». Превосходное открытие! Его нужно только расширить. Можно и должно пояснить, что в гражданской войне мы потребляем белогвардейцев для того, чтобы они не потребляли рабочих. Стало быть, задачей нашей является не потребление жизней, а их сохранение. Но так как бороться за сохранение жизней приходится с оружием в руках, то это приводит к потреблению жизней — загадка, диалектический секрет которой был разъяснен спариком Гегелем, не считая еще более древних мудрецов.

Коммуна могла удержаться и окрепнуть только путем жестокой борьбы с версальцами. У версальцев же было значительное число агентов в Париже. Борясь с бандами Тьера, Коммуна не могла не потреблять версальцев — на фронте и в тылу. Если бы ее господство перешло за пределы Парижа, она в провинции встретила бы — в процессе гражданской войны с армией Национального Сопротивления — еще больше заклятых врагов в среде мирного населения. Коммуна не могла, сражаясь с роялистами, предоставлять свободу слова агентам роялистов в тылу.

Каутский, несмотря на все нынешние мировые события, совершенно не постигает, что значила война вообще, гражданская война в особенности. Он не понимает, что каждый, или почти каждый, сторонник Тьера в Париже был не просто идейным «противником» коммунаров, но агентом и шпионом Тьера, свирепым врагом, готовым стрелять в спину.

Врага нужно обезвреживать, а во время войны это значит уничтожать.

Задача революции, как и войны, состоит в том, чтобы сломить волю врага, заставить его капитулировать и принять условия победы. Воля есть, конечно, факт психического мира, но в отличие от митинга, публичного диспута или съезда, революция преследует свою цель посредством применения материальных средств, — хотя в меньшей мере, чем война.

Сама буржуазия завоевала власть при помощи восстаний, закрепляла ее путем гражданской войны. В мирную эпоху она удерживает власть в своих руках при помощи сложной системы репрессий. Доколе существует классовое общество, основанное на глубочайших антагонизмах, репрессии остаются необходимым средством подчинить себе волю противной стороны.

Если бы даже в той или другой стране диктатура пролетариата сложилась во внешних рамках демократии, этим отнюдь еще не была бы устранена гражданская война. Вопрос о том, кому господствовать в стране, т. е. жить или погибнуть буржуазии, будет решаться с обеих сторон не ссылаясь на параграфы конституции, но применением всех видов насилия. Сколько бы Каутский ни исследовал пищу антропологов (см. стр. 85 и след. его книжки) и другие близкие и отдаленные общественные причины определения причин человеческой жестокости, он не найдет в истории других средств сломить классовую волю врага, кроме целесообразного и энергичного применения насилия.

Степень ожесточенности борьбы зависит от ряда внутренних и международных обстоятельств. Чем ожесточеннее и опаснее сопротивление поверженного классового врага, тем неизбежнее система репрессий сгущается в систему террора.

Но тут Каутский занимает неожиданно новую позицию в борьбе с советским терроризмом: он просто-напросто отводит ссылки на свирепость контр-революционного сопротивления русской буржуазии. «Такой свирепости, — говорит он, — нельзя было заметить в ноябре 1917 г. в Петербурге и в Москве и еще меньше недавно в Будапеште» (стр. 102). При такой счастливой постановке вопроса революционный терроризм оказывается просто продуктом кровожадности большевиков, уклонившихся одновременно от традиций правого антрополога и от правдивных уроков каутскианства.

Первоначальное завоевание власти советскими, в начале ноября 1917 г. (по нов. стилю), совершилось само по себе с ничтожными жертвами. Русская буржуазия чувствовала себя настолько опороченной от народных масс, настолько внутренне бессильной, настолько скомпрометированной ходом и исходом войны, настолько деморализованной режимом Керенского, что почти не отважилась на сопротивление. В Петербурге власть Керенского была опрокинута почти без боя. В

Москве сопротивление запынулось, главным образом, вследствие нерешительности наших собственных действий. В большинстве провинциальных городов власть переходила к советам по одной телеграмме из Петербурга или Москвы. Если бы дело этим ограничилось, о красном терроре не было бы и речи. Но уже ноябрь 1917 г. был свидетелем начинавшегося сопротивления имущих. Понадобилось, правда, вмешательство империалистских правительств Запада для того, чтобы придать русской контр-революции веру в себя, а ее сопротивлению — все возрастающую силу. Это можно показать на крупных и мелких фактах, изо дня в день, за всю эпоху советской революции.

«Ставка» Керенского не чувствовала никакой опоры в солдатских массах и склонна была без сопротивления признать Советскую власть, прислушавшуюся к переговорам о перемирии с немцами. Но последовал протест военных миссий Антанты, сопровождавшийся открытыми угрозами. Ставка испугалась; подстрекаемая «союзными» офицерами, она встала на путь сопротивления. Это привело к вооруженному конфликту и к убийству начальника полевого штаба, генерала Духова, группой революционных мажоров.

В Петербурге официальные агенты Антанты, особенно французская военная миссия, рука об руку с эсерами и меньшевиками, открыто организовали сопротивление, со второго дня советского переворота мобилизуя, вооружая, направляя на нас юнкеров и вообще буржуазную молодежь. Восстание юнкеров 10 ноября породило в сотни раз больше жертв, чем переворот 7-го ноября. Вызванный тогда же Антантой авантюристский поход Керенского-Краснова на Петербург естественно внес в борьбу первые элементы ожесточения. Тем не менее генерал Краснов был опущен на честное слово. Ярославское восстание (летом 1918 года), стоившее столько жертв, было организовано Савинковым по заказу французского посольства и на его средства. Архангельск был захвачен по плану английских военно-морских агентов при помощи английских военных судов и самолетов. Начало царского Колчака, ставленника американской биржи, было положено чужеземным чехо-словацким корпусом, состоявшим на содержании французского правительства. Каледин и опущенный нами на свободу Краснов, первые вожди донской контр-революции, могли иметь частичные успехи только благодаря открытой военной и финансовой поддержке со стороны Германии. На Украине советская власть была низвергнута в начале 1918 года германским милитаризмом. Добровольческая армия Деникина была создана при помощи финансовых и технических средств Великобритании и Франции. Только в надежде на вмешательство Англии и при ее материальной поддержке была создана армия Юденича. Политики, дипломаты и журналисты стран Согласия с полной откровенностью дебатировавшие два года подряд вопрос о том,

допущено ли выгодным предприятием является финансирование гражданской войны в России. При этих условиях нужен поистине медный лоб, чтобы причину кровавого характера гражданской войны в России искать в злой воле большевиков, а не в международной обстановке.

Русский пролетариат первым вступил на путь социальной революции, и русская буржуазия, политически бессильная, осмелилась не мириться со своей политической и экономической экспроприацией только потому, что во всех спорах видела у власти свою старшую сестру, еще сохранявшую экономическое, политическое, а опочаспи и военное могущество.

Если бы наш ноябрьский переворот произошел через несколько месяцев или хотя бы через несколько недель после установления господства пролетариата в Германии, Франции и Англии, — нет никакого сомнения в том, что наша революция была бы наиболее «мирной», наиболее «бескровной» из всех вообще возможных революций на грешной земле. Но эта историческая очередь, наиболее «естественная» на первый взгляд и во всяком случае наиболее выгодная для русского рабочего класса, оказалась нарушенной — не по нашей вине, а по воле событий: вместо того, чтобы быть последним, русский пролетариат оказался первым. Именно это обстоятельство придавало — после первого периода замешательства — опочаянный характер сопротивлению господствовавших ранее в России классов и вынудило русский пролетариат, в моменты величайших опасностей, внешних наступлений, внутренних заговоров и восстаний, прибегать к жестоким мерам государственного террора. Что эти меры оказались недействительными, этого теперь не скажет никто. Но может быть их не потребуем считать... «недопустимыми».

Рабочий класс, взявший с бою власть, имел задачей и обязанностью утвердить эту власть неизбежно, обеспечив свое господство неоспоримо, опочить охоту у своих врагов к государственному перевороту и тем обеспечить за собой возможность социалистических реформ. Иначе незачем брать власть.

Революция «логически» не пребудет терроризма, как «логически» она не пребудет и вооруженного восстания. Какая широковещательная банальность! Но зато революция пребудет оп революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно — вооруженным восстанием, если пребудется — терроризмом. Революционный класс, который с оружием в руках завоевал власть, обязан и будет с оружием в руках подавить все попытки вырвать ее у него из рук. Там, где он будет иметь против себя вражескую армию, он противопоставит ей свою армию. Там, где он будет иметь против себя вооруженный заговор, покушение, мятеж, — он обрушит на головы врагов суровую расправу.

Может быть, Каутский изобрел другие средства? Или же он сводит весь вопрос к степеням репрессии и предлагает во всех случаях применять тюремное заключение вместо расстрела?

Вопрос о форме репрессии или об ее степени, конечно, не является «принципиальным». Это вопрос целесообразности. В революционную эпоху, отброшенная от власти партия, которая не мирится с устойчивостью правящей партии и доказывает это своей бешеной борьбой против нее, не может быть устращена угрозой тюремного заключения, так как она не верит в его длительность. Именно этим простым, но решающим фактом объясняется широкое применение расстрелов в гражданской войне.

Или же Каутский хочет сказать, что расстрел вообще не целесообразен, что «классы нельзя устращивать»? Это неверно. Террор — бессилён — и то лишь в «последнем счете», — если он применяется реакцией против исторически поднимающегося класса. Но террор может быть очень действенен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. Устрашение есть могущественное средство политики, и международной и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрояя остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи. В этом смысле красный террор принципиально не отличается от вооруженного восстания, прямым продолжением которого он является. «Морально» осуждать государственный террор революционного класса может лишь тот, кто принципиально отвергает (на словах) всякое вообще насилие — стало быть всякую войну и всякое восстание. Для этого нужно быть просто-на-просто лицемерным квакером.

«Но чем же ваша тактика отличается в таком случае от тактики царизма? — вопрошают нас попы либерализма и каутскианства.

Вы этого не понимаете, святоши? Мы вам объясним. Террор царизма был направлен против пролетариата. Царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистический строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот... оттенок? Да? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно.

„Свобода печати“.

Один пункт особенно беспокоит Каутского, автора великого числа книг и статей: это свобода печати. Допустимо ли закрывать газеты?

Во время войны все учреждения и органы государственной власти и общественного мнения спановятся, прямо или косвенно,

органами ведения войны. В первую очередь это относится к печати. Ни одно правительство, ведущее серьезную войну, не позволит, чтобы на его территории существовали издания, открыто или замаскированно поддерживающие врага. Тем более в гражданской войне. Природа последней такова, что каждый из борющихся лагерей имеет в тылу своих армий значительные круги населения, стоящие на стороне врага. На войне, где успех и неудача оплачиваются смертью, проникшие в тыл вражеские агенты подвергаются расстрелу. Это негуманно, но никто еще не считал войну школой гуманности, — тем более гражданскую войну. Можно ли в серьезнейшей борьбе, чтобы во время войны с белогвардейскими бандами Деникина, издания партий, поддерживающих Деникина, беспрепятственно выходили в Москве и Петербурге? Предлагаю это во имя «свободы» печати то же, что во имя гласности требовать опубликования военных тайн. «Осажденный город, — писал коммунары Артур Арну о Париже, — не может допустить, чтобы в его среде открыто высказывали желание его падения, чтобы призывали к измене бойцов, его защищающих, чтобы неприятелю сообщали движение его войска. Таково было положение Парижа при Коммуне». Таково положение советской республики в течение двух лет ее существования. Послушаем, однако, что говорит на этот счет Каутский.

«Оправдание этой системы (т.-е. репрессий по отношению к печати) сводится к наивному представлению, будто существует абсолютная истина (!) и только коммунисты ею обладают (!). Равным образом, — продолжает Каутский, — сводится она к другому воззрению, что все писатели являются от природы лжецами (!) и что только коммунисты — фанатики истины (!). В действительности же лжецы и фанатики того, что они считают правдой, — имеются во всех лагерьях». И пр., и пр., и пр. (стр. 119).

Таким образом, для Каутского, революция в своей самой острой фазе, когда дело идет для классов о жизни и смерти, попрежнему остается литературной дискуссией с целью установления... истины. Какая глубина!.. Наша «истина», конечно, не абсолютна. Но так как мы во имя ее сейчас проливаем кровь, то у нас нет ни основания, ни возможности вести литературную дискуссию об относительности истины с теми, кто «критикует» нас при помощи всех родов оружия. Равным образом задача наша не состоит и в том, чтобы наказывать лжецов и поощрять праведников печати всех направлений, но в том, чтобы задуть классовую ложь буржуазии и обеспечить торжество классовой правды пролетариата — независимо от того, что в обоих лагерях имеются и фанатики, и лжецы.

«Советская власть, — сокрушается дальше Каутский, — разрушила единственное средство, которое может помочь против коррупции: свободу печати. Контроль посредством неограниченной свободы печати один

мог держать в узде тех бандитов и авантюристов, которые неизбежно будут присасываться к каждой неограниченной неконролируемой власти...» (стр. 140). И так далее.

Печать, как верное орудие борьбы с коррупцией! Этот либеральный рецепт звучит особенно жалко при мысли о двух странах с наибольшей «свободой» печати, — Северной Америке и Франции, которые являются вместе с тем странами наивысшего расцвета капиталистической коррупции.

Питаясь устаревшими сплетнями политических заворочков русской революции, Каутский воображает, что без кадетски-меньшевистской гласности советский аппарат раздается «бандитами и авантюристами». Таков был голос меньшевиков год — полтора тому назад. Теперь и они этого не посмеют повторить. При помощи советского контроля и партийного отбора, в напряженной атмосфере борьбы советская власть справилась с бандитами и авантюристами, всплывшими на поверхность в момент переворота, несравненно лучше, чем справлялась с ними когда бы то ни было какая бы то ни было власть.

Мы воюем. Мы боремся не на жизнь, а на смерть. Печать есть орудие не отвлеченного общества, а двух непримиримых, вооруженных и сражающихся лагерей. Мы разрушаем печать контр-революции так же, как мы разрушаем ее укрепленные позиции, ее склады, ее коммуникации, ее разведку. Мы лишаем себя кадетски-меньшевистских обличений коррупции рабочего класса? Зато мы победоносно разрушаем основы капиталистической коррупции.

Но Каутский идет далее, развивая свою тему: он жалуется на то, что мы закрываем газеты эс-эров и меньшевиков и даже — бьваем и это — арестуем их вождей. Разве дело тут идет не об «оптенках» в пролетариате или в социалистическом движении? Школьный педант за привычными словами не видит фактов. Меньшевики и эс-эры для него просто течения в социализме, тогда как в ходе революции они превратились в организацию, которая находится в действенном союзе с контр-революцией и ведет против нас открытую войну. Армия Колчака создавалась социалистами-революционерами (каким шарлатанством звучит ныне это имя!) и поддерживалась меньшевиками. И те, и другие вели и ведут против нас войну полтора лет на северном фронте. Правящие на Кавказе меньшевики, бывшие союзники Гогенцолтерна, ныне союзники Ллойда Джорджа, арестовывали и рассстреливали большевиков рука об руку с германскими и английскими офицерами. Меньшевики и эс-эры кубанской Рады создавали армию Деникина. Участвующие в правительстве эстонские меньшевики принимали прямое участие в последнем наступлении Юденича на Петербург. Таковы эти «течения» в социализме. Каутский считает, что можно находиться в состоянии открытой гражданской войны с меньшеви-

ками и эс-эрами, которые при помощи созданных благодаря им же войск Юденича, Колчака и Деникина борются за свой «оптенек» в социализме, и в то же время предоставляют этим невинным «оптенкам» свободу печати в нашем тылу. Если бы спор с эс-эрами и меньшевиками мог быть разрешен путем убеждений и голосования, — то есть, если бы за их спиной не стояли русские и иностранные империалисты, — тогда не было бы и гражданской войны.

Каутский, конечно, готов «осудить» (лишняя капля чернил!) и блокаду, и поддержку Антантой Деникина, и белый террор. Но в своем высоком беспристрастии он не может отказать последнему в смягчающих обстоятельствах. Белый террор, видите ли, не нарушает своих принципов, тогда как большевики, применяя красный террор, изменяют принципу «святости человеческой жизни, который они сами провозгласили» (стр. 139).

Что означает принцип святости человеческой жизни на практике, и чем он отличается от заповеди «не убий», Каутский не поясняет. Когда разбойник заносит нож над ребенком, можно ли убить разбойника, чтобы спасти ребенка? Не будет ли этим нарушен принцип «святости человеческой жизни?» Можно ли убить разбойника, чтобы спасти себя самого? Допустимо ли восстание угнетенных рабов против своих господ? Допустимо ли купить свободу ценой смерти нищеземщиков? Если человеческая жизнь вообще свята и неприкосновенна, то нужно отказаться не только от применения террора, не только от войны, но и от революции. Каутский просто не отдает себе отчета в контр-революционном значении того «принципа», который он пытается навязать нам. В другом месте мы увидим, что Каутский обвиняет нас в заключении Брест-Литовского мира. По его мнению, мы должны были продолжать войну. Но как же быть со святостью человеческой жизни? Может быть, жизнь перестает быть священной, когда речь заходит о людях, говорящих на другом языке? Или же Каутский считает, что массовые убийства, организуемые по правилам стратегии и тактики, не суть убийства? Понятно трудно выдвинуть в нашу эпоху «принцип», более лицемерный и более глупый в одно и то же время. До тех пор, пока человеческая рабочая сила, а стало быть и жизнь, является предметом купли-продажи, эксплуатации и расхищения, принцип «святости человеческой жизни» является подлейшей ложью, имеющей целью держать в узде угнетенных рабов.

Мы боролись против смертной казни, введенной Керенским, потому что эта кара применялась военно-полевыми судами старой армии против солдат, отказывавшихся продолжать империалистическую войну. Мы вырвали это оружие из рук старых военных судов, разрушили самые суды и распустили старую армию, которая их создала. И стремясь в Красной Армии и вообще в стране

контр-революционных заговорщиков, стремящихся путем восстаний, убийств, дезорганизации восстановить старый режим, мы действуем сообразно железным законам войны, в которой хотим обеспечить победу за собой.

Если уж искать формальных противоречий, то, разумеется, их прежде всего надо искать на стороне белого террора, являющегося орудием тех классов, которые считают себя христианскими, покровительствуют идеалистической философии и твердо убеждены, что личность (их собственная) есть самоцель. Что касается нас, то никогда мы не занимались канниански-поповской, вегетариански-квакерской болтовней о «свято-сти человеческой жизни». Мы были революционерами в оппозиции и оспаривали ими у власти. Чтобы сделать личность священной, нужно уничтожить общественный строй, который ее распинает. А эта задача может быть выполнена только железом и кровью.

Есть и еще между белым террором и красным разница, которую игнорирует нынешний Каутский, но которая в глазах марксиста имеет решающее значение. Белый террор является орудием исторически-реакционного класса. Когда мы обличали бессилие репрессий буржуазного государства по отношению к пролетариату, мы никогда не отрицали того, что арестами и казнями правящие классы могут в известных условиях временно задержать развитие социальной революции. Но мы были уверены, что им не удастся восстановить ее. Мы опирались на то, что пролетариат есть исторически восходящий класс и что буржуазное общество не может развиваться, не увеличивая силы пролетариата. Буржуазия в нынешнюю эпоху есть падающий класс. Она не только не играет более необходимой роли в производстве, но своими империалистическими методами присвоения разрушает мировое хозяйство и человеческую культуру. Однако, историческая цепкость буржуазии колоссальна. Она держится и не хочет уходить. Тем самым она угрожает увлечь за собою в пропасть все общество. Ее приходится отрубать, опрубить. Красный террор есть орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать. Если белый террор может лишь замедлить историческое восхождение пролетариата, то красный террор ускоряет гибель буржуазии. Ускорение — выигрыш темпа — имеет в известные эпохи решающее значение. Без красного террора русская буржуазия совместно с мировой задушила бы нас задолго до наступления революции в Европе. Нужно быть слепцом, чтобы этого не видеть, или фальсификатором, чтобы это отрицать.

Кто признает революционное историческое значение за самым фактом существования советской системы, тот должен санкционировать и красный террор. А Каутский, исписавший за последние два года горы бумаги против коммунизма и терроризма, вынужден под конец своей брошюры смириться

перед фактом и неожиданно признать, что русская советская власть представляет собою теперь важнейший фактор мировой революции. «Как бы ни относиться к большевистским методам, — пишет он, — тот факт, что пролетарское правительство в большой стране не только пришло к власти, но и удержало ее в течение уже двух лет до настоящего времени среди величайших трудностей, этот факт необычайно повышает чувство силы в пролетариате всех стран. Для действительной революции большевики этим сделали великое дело (*Grosses geleistet*)...» (стр. 153). Это заявление поражает, как величайшая неожиданность, — как признание исторической истины с той стороны, откуда этого уже больше не ждешь. Большевики совершили великое историческое дело, продержавшись два года против объединенного капиталистического мира. Но большевики держались не только идеей, но и мечом. Признание Каутского есть невольное санкционирование методов красного террора и вместе с тем злейшее осуждение его собственной критической страны.

Влияние войны.

Одну из причин крайне кровавого характера революционной борьбы Каутский видит в войне, в ее ожесточающем влиянии на нравы. Совершенно неоспоримо. Это влияние со всеми вытекающими отсюда последствиями можно было предвидеть заранее, приблизительно в ту эпоху, когда Каутский не знал, нужно ли голосовать за военные кредиты или против них.

«Империализм насильно вырвал общество из состояния неустойчивого равновесия, — писали мы пять лет тому назад в немецкой книге «Война и Империализм». Он взорвал шлюзы, которыми социал-демократия сдерживала поток революционной энергии пролетариата, и направил этот поток в свое русло. Этот чудовищный исторический эксперимент, который одним ударом расшил позвончик социалистическому Интернационалу, включает в себе в то же время смертельную опасность для самого буржуазного общества. Молот изъят из рук рабочего и заменен мечом. Рабочий, связанный механикой капиталистического хозяйства по рукам и по ногам, внезапно вырывается из его среды и приучается ставить цели коллектива выше домашнего благополучия и самой жизни.

«С им же самым созданным оружием в руках, рабочий ставится в такое положение, при котором политическая судьба государства зависит непосредственно от него. Те, которые в обычные времена угнетали и презирали его, теперь льстят ему и заискивают перед ним. Одновременно он входит в интимные отношения с теми самыми пушками, которые, по Лассалю, образуют важнейшую составную часть конституции. Он переступает границы государств, участвует в насильственных реквизициях, под его ударами

города переходят из рук в руки. Происходят изменения, каких не видало последнее поколение».

«Если передовым рабочим теоретически было известно, что сила является матерью права, то политическое мышление их оставалось все же проникнуто духом пассивности и приспособления к буржуазной легальности. Теперь рабочий класс на деле учится презирать эту легальность и насильственно разрушать ее. Статические моменты в его психологии уступают место динамическим. Тяжелые орудия вбивают в его голову мысль, что в тех случаях, когда невозможно обойти препятствие, остается возможность его разрушить. Почти все взрослое мужское население проводится через эту страшную в своем социальном реализме школу войны, которая создает новый человеческий тип».

«Над всеми нормами буржуазного общества — с его правом, его моралью и его религией — возвышается ныне кулак железной необходимости. «Нужда не знает законов», заявил немецкий канцлер (4 августа 1914 г.). Монархи выходят на площадь, чтобы на языке уличных торговек обвинять друг друга в лживости; правительства попирают торжественно признанные ими обязательства, а национальная церковь приковывает своего господ-бога, как капоржника, к национальной пушке. Разве не очевидно, что эти обстоятельства должны произвести глубочайшие изменения в психике рабочего класса, радикально исцелив ее от гипноза легальности, который был создан эпохой политического застоя? Имущие классы скоро должны будут, к ужасу своему, убедиться в этом. Пролетариат, прошедший школу войны, при первом серьезном препятствии внутри собственной страны почувствует потребность заговорить языком силы. «Нужда не знает законов!» — бросит он в лицо тем, которые попытаются остановить его законами буржуазной легальности. А страшная экономическая нужда, которая воцарится в течение этой войны, и особенно по окончании ее, будет толкать массы на попрание многих и многих законов» (стр. 56—57).

Все это неоспоримо. Но к сказанному нужно прибавить, что война оказала не меньшее влияние и на психологию господствующих классов: насколько массы стали требовательнее, настолько буржуазия — неуступчивее.

В мирное время капиталисты обеспечивали свои интересы при помощи «мирного» грабежа наемного труда. Во время войны они служили этим же интересам путем уничтожения неисчислимых человеческих жизней. Это придало их хозяйскому самосознанию новую, «наполеоновскую» черту. Капиталисты за время войны привыкли посылать на смерть миллионы рабов, единоплеменных и колониаль-

ных, ради угольных, железнодорожных и иных барышей.

В течение войны из среды буржуазии, крупной, средней и мелкой, выдвинулись сотни тысяч офицеров, профессиональных воjak, людей, характер которых получил боевой закал и освободился от всяких внешних сдержек, — квалифицированных солдафонов, готовых и способных отстаивать привилегированное положение выдрессировавшей их буржуазии с ожесточенностью, которая по своему граничит с героизмом.

Революция была бы, вероятно, более гуманной, если бы пролетариат имел возможность «откупиться» от всей этой банды, как выразился некогда Маркс. Но капитализм во время войны возложил на трудящихся слишком великое бремя долгов и слишком глубоко подорвал почву производства, чтобы можно было серьезно говорить о таком выкупе, при котором буржуазия молчаливо примирилась бы с переворотом. Массы слишком много потеряли крови, слишком истощались, чтобы принять такое решение, которое им было бы не под силу экономически.

К этому присоединяются другие обстоятельства, действующие в том же направлении. Буржуазия побежденных стран ожесточена поражением, ответственность за которое она склонна возлагать на низы, на рабочих и крестьян, оказавшихся неспособными довести «великую национальную войну» до победоносного конца. С этой точки зрения очень поучительны те беспримерные по наглости объяснения, какие Людендорф давал комиссии Национального Собрания. Людендорфские банды горят стремлением отыграться за внешние унижения на крови собственного пролетариата. Что касается буржуазии победоносных стран, то она исполнена высокомерия и более чем когда-либо готова отстаивать свое социальное положение при помощи тех зверских мер, которые обеспечили ей победу. Мы видели, что международная буржуазия оказалась неспособной организовать раздел добычи промежду себя, без войны и разорения. Может ли она согласиться без боя на отказ от добычи вообще? Опыт последних пяти лет не оставляет на этот счет никакого сомнения: если и раньше чистейшим утопизмом было ожидать, что экспроприация имущих классов — благодаря «демократии» — пройдет незаметно и безболезненно, без восстаний, вооруженных столкновений, попыток контр-революции и суровых подавлений, то обстановка, унаследованная от империалистской войны, обуславливает вдвойне и втройне напряженный характер гражданской войны и диктатуры пролетариата.

Л. ТРОЦКИЙ.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

(6 марта 1919—6 марта 1920 г.)

Прошел уже год с тех пор, как был основан в Москве Третий Интернационал. Это колоссальной важности событие произошло в одной из скромных зал Кремля, где собрались человек сорок делегатов, большею частью русских или бывших политических эмигрантов из России. Давно уже все истинные революционеры всех стран с нетерпением ждали рождения нового Интернационала. И тем не менее, ни одного официального представителя от пролетариата латинских и англосаксонских стран Западной Европы и Америки не было на этом съезде, встреченном презрительным хохотом всемирной буржуазии и ее подобострастных лакеев, ренегатов Второго Интернационала.

Россия, разорванная на клочки, ослабленная, обескровленная тремя годами империалистской бойни и двумя годами гражданской войны, задыхающаяся в железных тисках контр-революционных армий, казалась, находилась при последнем издыхании. И вот, эта умирающая русская революция осмеливается призывать другие народы к социальной революции. Какая нелепость! Какое безумие!

В Лондоне, в Париже, в Нью-Йорке буржуазные и так называемые «социалистические» газеты хохотали до слез, рассказывая о ребяческой выходке «ничтожной кучки экстремистов», собравшихся в Москве. Они заявляли, что это просто новый блеф, придуманный Лениным, последний политический маневр погибающих большевиков. Буржуазия, опьяненная военной победой, бралась во всем мире восстановить порядок, т. е. подавить революционное движение и навсегда подчинить рабочих и крестьян господству капиталистов. Социал-предатели, опираясь на поддержку своих правительств, заявляли, что Второй Интернационал никогда не будет разрушен.

Между тем, стоящие в самом центре политического циклона, исполненные пылкой веры в революцию члены Московского Конгресса, не обращая внимания на крики и насмешки, спокойно закладывали фундамент того здания, под защитой стен которого международный пролетариат должен был ускорить экономический и политический распад капиталистического мира.

Вряде неопровержимых тезисов Коммунистический Интернационал доказывал заносчивой буржуазии стран Антанты, что она веселится на вулкане, что она не может даже, подобно Пирру, сказать: «Еще одна такая победа, и я погибла», что она осуждена на смерть, на гибель под тяжестью развалин, нагроможденных ее победоносной войной.

Он доказывал побежденным народам, народам маленьких государств, созданных из осколков царской империи и народам нейтральных стран, — всем рабам и вассалам, что они

могут освободить свои производительные силы, захваченные Антантой, добиться свободы и независимости, лишь объединившись в общую всемирную конфедерацию всех народов, единственным путем к установлению которой является социальная революция.

Он доказывал пролетариату всего мира, что для того, чтобы выйти из состояния разрухи и варварства, в которое ввергла его война, для того, чтобы вырваться из смертельных объятий голода и нужды, пролетариат должен уничтожить все привилегии, упразднить капиталистическую собственность и силой захватить власть в свои руки.

Он доказывал социалистам и синдикалистам, что грандиозное дело возведения социалистического здания будет невозможно до тех пор, пока рабочие не избавятся от опеки предателей-вождей, на словах признающих революционную тактику, а на деле продолжающих проводить политику сотрудничества классов, оказываясь, таким образом, пособниками буржуазии.

Прошел год.

Несмотря на ожесточенную войну, которую Советской России пришлось выдержать со всей мировой реакцией, Российско-украинская революция сейчас сильнее, чем когда бы то ни было. Она победила всех своих врагов. Она постепенно уничтожила наступавших на нее противников на севере, на востоке и на юге.

Теперь уже она не представляет собой осажденную крепость. Она добилась, наконец, почти полной свободы движений. Ей угрожает еще некоторая опасность только с запада. Она вышла победительницей из борьбы, хотя раньше враги ее были в десять раз сильнее, а она сама в сто раз слабее, чем сейчас. И в будущем она с несравненно меньшим напряжением сил расправится со всеми своими противниками, с поляками, румынами, венгерцами, которых правительства Антанты из всех сил стараются направить на нее, делая вместе с тем вид, что они собираются вступить с ней в мирные переговоры. Эти бандиты могут, конечно, причинить новые страдания населению России и Украины. Они могут на время приостановить сложную и трудную работу социального строительства, неожиданно заставляя граждан-солдат России и Украины переводить свои трудовые армии снова на военное положение. Они могут мимолетными победами задержать триумфальное шествие революции. Но воспрепятствовать окончательной победе революции, остановить ход истории — они не могут. Они приговорены к смерти.

Несмотря на блокаду, на осадные положения, военные суды, аресты и массовые расстрелы, новый Интернационал своими воззваниями и речами своих агитаторов зажг

пожар во всем мире. Благодаря Коммунистическому Интернационалу, проснулось сознание в широких массах пролетариата. Рабочие освободились от иллюзий о ценности буржуазно-парламентской демократии и о благодеятельности реформизма и оппортунизма. Они поняли, что освобождение рабочих будет делом лишь самих рабочих. Они поняли также — и это, пожалуй важнее всего, — что при том революционном положении, в котором находится сейчас весь мир, необходимо действовать без промедления. Быстро, и вместе с тем систематически, они мобилизуют и организуют свои силы, готовясь к решительному бою с буржуазией. Повсюду они усваивают себе лозунги Коммунистического Интернационала: диктатуру пролетариата и власть Советов.

Несмотря на отчаянное сопротивление и все свои уловки, вожди Второго Интернационала, Шейдеманн и Каутские, Ренодели и Лонгэ, Хендерсон и Макдональды окончательно потеряли всякое доверие масс. Яростно ополчившись сначала на Третий Интернационал, большинство их вынуждено теперь на словах признавать его программу и, стоя на коленях, униженно просить прощения за свои грехи перед ним. Но рабочих этим господам теперь уже — не провести; рабочие гонят их от себя прочь и клеймят именем предателей.

«Ничтожная кучка экстремистов», собиравшаяся в Москве в марте 1919 г., стала могучей армией, внушающей к себе всеобщее почтение.

Коммунистические партии России и Украины, Латвии, Эстонии, Армении, Норвежская Социал-демократическая Партия, Левые Социал-демократические партии Швеции и Дании, Итальянская Социалистическая Партия, Коммунистические Партии Австрии и Венгрии, Социалистическая Партия Болгарии, Голландская Коммунистическая Партия, Социалистическая Партия Югославии, Коммунистические группы Грузии, Азербейджана, Турции, Персии, Китая, Кореи и Греции, Польская Коммунистическая Партия, Коммунистическая Партия Америки, Мексиканская Социалистическая Партия, Британская Социалистическая Партия, Коммунистическая Партия Галиции, социалистические партии Богемии и Эльзас-Лотарингии и пр. и пр. — одна за другой примкнули к Третьему Интернационалу.

Даже организации, все еще находящиеся под злосчастным влиянием оппортунистов, как например Французская Социалистическая Партия, Германская Независимая Социал-демократическая Партия, Английская Независимая Рабочая Партия и им подобные вынуждены были под давлением своих членов — рабочих и крестьян — порвать со Вторым Интернационалом и обещать массам, что они вступят в переговоры для того, чтобы достигнуть соглашения с Третьим Интернационалом.

После одного лишь года своего существования Коммунистический Интернационал опрокинул споявший на глиняных ногах ко-

лосс Желтого Интернационала, гибель которого теперь уже настолько несомненна, что даже предатели — меньшевики ушли от него, как крысы, бегущие с тонущего корабля.

Единственная крупная партия, прикованная до сих пор ко Второму Интернационалу, как разбойник, приговоренный к кресту, это — германская Социал-демократическая Партия большинства, партия Шейдемана и Носке. Этот нерасторжимый союз с убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург, и сейчас еще обгагрившими рабочей кровью свои руки, покрывает несмываемым позором Вторым Интернационал, показывая рабочим, до какой степени падения дошла эта, некогда столь славная организация. И по мере того, как разлагается этот смердящий труп, Коммунистический Интернационал очищается и крепнет. Под его знаменем уже сплотилась миллионная армия пролетариата, весь пролетарский авангард всего мира.

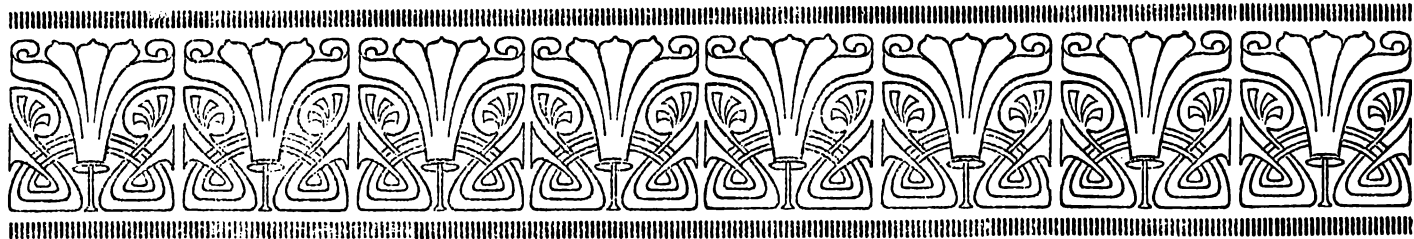
Родившийся от чудесного союза Революции с Российской Коммунистической Партией, наш молодой Интернационал уже теперь — гигант. Своей громовой агитацией он на смерть поразил реформизм и оппортунизм, пробудив во всех пролетарских сердцах дух революции. Теперь буржуазия уже не смеется. Она препещет. Она чувствует над собой дуновение смерти.

Бесчисленная армия эксплуатируемых вооружается по всему лицу земли. В политических стачках, захватывающих все более и более широкие круги, в стычках с полицией и правительственными войсками она испытывает свои силы. Не далек тот день, когда она перейдет в наступление по всему фронту. Пусть темные тучи заволакивают еще горизонт России и Украины, — они не в силах скрыть от нас лучи ослепительного яркого солнца, загоревшегося на Западе и наполняющего теплом и светом наши сердца, укрепляя в нас уверенность в победе и обещая нам скорое исполнение всех наших надежд.

Своей героической борьбой, продолжающейся уже три года и потребовавшей неслыханных жертв, революционеры России и Украины обеспечили будущность рабочих всех стран. И рабочие всех стран скоро на деле докажут, что они ценят и понимают это. Они перестанут ограничиваться оплакиванием мертвых. Они придут на помощь к живым. Они докажут, что международная солидарность пролетариата не пустое слово, и мощным выступлением навсегда обеспечат будущность российской и украинской революции.

Вечная слава Коммунистическому Интернационалу, сумевшему в тот момент, когда ход исторических событий возложил на пролетариат тяжелую задачу захвата власти, указать пролетариату путь к исполнению его исторической миссии, организовать его и повести в бой, подготовив таким образом победу Всемирной Социальной Революции и спасение всего человечества.

Жак САДУЛЬ.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СОВРЕМЕННОЙ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ФРАНЦИИ.

I.

Ни в одной из стран Антанты реакция не проявляет себя в настоящее время с такой яркостью и полнотой, как во Франции. Здесь мы видим полное соответствие между внутренней политикой и политикой внешней; одновременно со все усиливающимися зверскими репрессиями, совершающимися в Париже и по всей Франции по предписанию правительства диктатора Миллерана, польские легионы, под влиянием французских империалистов и капиталистов, предпринимают безнадежную атаку против Советской Республики. Совпадение — весьма знаменательное!

Уход Пуанкаре и падение Клемансо вызывают восторг лишь у тех, кто придает чрезмерное значение отдельным лицам и поверхностно оценивает ход событий, — укажем, например, на то, с каким шумным самохвалством парламентская социалистическая фракция, истинными представителями которой являются г.г. Поль Бонкур и Леон Блюм, кричала о своих заслугах в деле свержения «тигра». Но в действительности современная французская политика целиком диктуется крупными капиталистами и промышленниками, которые сейчас ставят себе две задачи: во что бы то ни стало помешать возрождению Германии и образовать прочный фронт против могучей волны большевизма.

Накануне того дня, когда ему пришлось оставить президентское кресло, Пуанкаре согласился занять менее видный, но зато сопряженный с чрезвычайными полномочиями пост председателя комиссии по восстановительным работам; комиссия эта не подчинена контролю парламента и пользуется особыми дипломатическими и иными привилегиями. Маршал Фош, который похож на Людендорфа до того, что их можно принять за близнецов, должен быть главной военно-технической силой контр-революции. Морис Баррес — духовный и академический выразитель надежд и чаяний империализма; с необыкновенной плодовитостью он пишет статьи во всех сколько-нибудь значительных журналах и газетах, выпускает множество книг и брошюр и чуть ли не каждый день произносит речи в парламенте. Газеты «Temps» и «Echo de Paris» своим ясным и

почным языком, а также «Action Française» которая не боится ничем не прикрытой резкости, — продолжают на все лады излагать программу трех академиков: Пуанкаре, Фоша и Барреса, осуществление которой берет на себя великий Миллеран, первый — по времени — из длинного ряда социал-предателей, верный защитник делцов и финансовых престолов, который, хотя и не обладает бурной силой и диктаторской повадкой Клемансо, но тем не менее является, пожалуй, еще более ожесточенным врагом большевизма, чем пресловутый тигр, находясь в более тесном и более постоянном контакте с магнатами французского финансового капитала. Не забудем, что после падения диктатора Клемансо, «Matin» опубликовала сенсационные «разоблачения», говорящие о том, что Клемансо не проявил достаточно драконовской жестокости в вопросе об условиях, поставленных Германии версальским «договором»; кроме того, целый ряд французских политических деятелей обвиняют «тигра» в малодушии, проявленном им по отношению к Англии, причем эти же деятели не стесняются открыто нападать на Ллойда Джорджа в парламенте и в печати.

После заключения мира, Франция стала вассалом Англии; откровенно говоря, эти отношения установились еще во время войны. Все больше и больше обостряются противоречия между этими двумя странами в наиболее существенных вопросах: в вопросах о выдаче «виновных» немцев, о разделе германского торгового флота, в русском вопросе, в вопросах турецком и польском, в недавно возникшем вопросе о занятии Гамбурга, Гану и Дармштадта. О предстоящей новой войне не приходится говорить только потому, что Франция заранее уже побеждена и вынуждена проситовать себя по отношению к английскому империализму. Характерна в этом отношении яркая речь, произнесенная 25-го марта в палате депутатов председателем комиссии по иностранным делам Барту.

Из всех государств, входящих в Лигу Наций, которой некогда пели такие хвалебные гимны самые опьяненные социал-империалисты, — разные Эдгары Мильо, Ренодели и Альберты Тома, — Франция с наибольшим остервенением ведет борьбу против Советской Республики и против коммунизма.

Можно считать несомненным, что приказ о походе имперского ополчения в вурский бассейн был отдан берлинским контр-революционным правительством с ведома и молчаливого согласия контр-революционного парижского правительства и что временное занятие германских городов французскими войсками, сопровождавшееся слезливыми и крикливыми протестами германского правительства, было простой комедией, предназначенной для широкой публики.

II.

Франция, превратившаяся в европейского жандарма, сумела наладить полицейский аппарат на своей собственной территории, обнажив при этом все устройство механической игрушки, называемой патриотизмом.

Очумившись лицом к лицу с катастрофическим финансовым положением, представители французской буржуазии наотрез отказываются от всяких, даже самых незначительных, уступок рабочим массам. Не только был отклонен прогрессивно-подходный налог, но правительство отказалось даже от обложения военной сверхприбыли, от введения налога на предметы роскоши и от обложения промышленных предприятий; все утверждения обратного характера, основанные на мерах, имеющих лишь видимость обложения, представляют собою заведомую ложь. Общий долг равняется двумстам тридцати восьми миллиардам, и бюджет на текущий год, несмотря на усиленное сокращение, выразившееся в сумме восьми миллиардов, достиг тридцати четырех миллиардов. На одну душу населения до войны приходилось 110 франков налогов, а теперь приходится 500 фр. Это в теории, а на практике, если исключить женщин и детей, в действительности не платящих налогов, сумма эта оказывается равной 1650 фр. Вообще говоря, стоимость жизни возросла на 400 %, а жалованье и заработная плата повысились всего на 157 %. Цифры эти объясняют гораздо лучше, чем всякие бесчисленные глупости, которые приходится читать в буржуазной прессе, причины недовольства рабочего класса, усиление стачечного движения, рост влияния профессиональных союзов и неукротимую тягу влево, наблюдающуюся во всех слоях французского пролетариата.

Весьма знаменателен тот факт, что в освобожденных местностях Северной Франции, в Па-де-Кале и Эльзас-Лотарингии, т.-е. как раз в тех департаментах, в которых пышнее всего расцвел массовый шовинизм, — шире всего развилось стачечное движение, наибольшего распространения достигли идеи коммунизма, и обнаружился наибольший приток новых членов в федерации социалистической партии.

Правительство Мильерана, отличающееся в противоположность правительствам, во главе которых стоят такие реалисты, как Ллойд Джордж и Ниппи, крайней близорукостью, сделало колоссальную глупость,

послав в эльзасские гарнизоны цветные войска, а солдат-уроженцев «отвоеванного» Эльзаса отправив в далекую Бретань и в Пуату. Недавно во время забастовки в Бельфорте солдаты стреляли в стачечников, и единственный, убитый при этом, как на грех, оказался местным уроженцем, эльзасцем. После этого случая генеральный секретарь объединения синдикатов Эльзаса (насчитывающего 170.000 членов), товарищ Имбс, еще недавно принадлежавший к эльзасским франкофилам, в редактивном манифесте, протестующем против совершаемых по отношению к рабочему классу зверств, писал следующее: «Какой позор для Франции! Франция, которую население с такой радостью и энтузиазмом приветствовало в ноябре 1918 г., рассстреливает мирных манифестантов, проливая кровь вернувшихся в ее семью братьев! Ради чего проливается эта кровь? Она проливается исключительно для того, чтобы заставить самых нищих из нищих, трудолюбивых рабочих, которых нужда принудила к забастовке, снова надеть на себя невыносимое ярмо; она проливается исключительно для спасения системы капитализма и барщины...»

Можно подумать, что агенты контр-революционного правительства специально изошряются в преследовании, путем арестов и насилий, ветеранов рабочего движения: арестованы и пострадали Виктор Мерик, Раймон Лефевр, Вальян-Купюрбе, Жиро и т. д.

Перед первым мая бессмысленные и бесплодные репрессии еще более усилились. В ответ на запрос ультра-реакционного депутата, Поля де-Кассаньяка, о применении войск, военный министр Андре Лефевр цинично заявил: «Согласно недавно изданному циркуляру, войска, несущие обыкновенную службу, не снабжаются боевыми припасами; частям же, предназначенным для охраны, напротив того, выдаются боевые припасы. До сих пор при появлении военного отряда публика оставалась в неизвестности, могут ли солдаты открыть огонь; теперь этой неизвестности должен быть положен конец. Пусть все знают, что армия, по прежнему, является силой, защищающей общество, и что, в случае необходимости, солдатам будут выданы патроны».

Накануне первого мая национальная федерация рабочих подземных промыслов угрожала палате депутатов и сенату забастовкой за то, что парламент оттягивал законодательное признание фактически осуществившегося во время войны уравнивания в правах всех рабочих копеей и каменоломень, работающих как под землей, так и на поверхности земли, в особенности — рабочих шиферных ломов. Железнодорожники, требовавшие национализации железных дорог, также решили объявить забастовку с 1-го мая; это решение было поддержано особой резолюцией Всеобщей Конфедерации Труда. Социалистическая партия провозгласила несколько более

революционные лозунги, чем две упомянутые организации, но и ее требования не выходили из рамок реформизма; в выпущенном ею манифесте к рабочим Франции были выставлены следующие пункты: 1. Полная и безусловная амнистия; 2. Распространение права союзов на всех чиновников; 3. Мир с Советской Россией; 4. Общее разоружение. Наконец, для поддержки железнодорожников, Всеобщая Конференция Труда решила объявить забастовку горнорабочих, военнообязанных моряков и портовых рабочих. Мы видим, таким образом, что требования стачечников и лозунги Всеобщей Конфедерации Труда оплодотворены яркой революционностью. Кроме того, все рабочие организации сами приняли необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия. В Париже решено было не устраивать шествия, а рабочие собирались только на собрания. Конпр-революционное правительство само позаботилось о том, чтобы придать движению революционный характер.

Накануне первого мая против газеты «Humanité» было возбуждено преследование за опубликование появившейся за несколько дней до того статьи Раймонда Лефевра, озаглавленной: «Товарищи призывают 18-го года». В первый раз за шестнадцать лет своего существования официальный орган партии был привлечен к ответственности министерством внутренних дел по приказу правительства. А первого мая, несмотря на то, что не было устроено ни одной уличной демонстрации, парижская полиция, применяя свою обычную разбойничью тактику, произвела множество арестов, проявив при этом самую глупую жестокость. На страницах «Humanité» был помещен моментальный снимок, изображающий полицейского, с остервенением топчущего ногами распростертого на мостовой раненого. Одна женщина, работавшая у себя в комнате, была смертельно ранена революционной пулей полицейского. Член палаты депутатов Александр Блан, бросившийся между полицией и толпой, был тяжело ранен, а депутат Вальян-Кутюрбе получил несколько контузий. Во всех больших городах и крупных пролетарских центрах, особенно в Марсели, С.-Этьенне, Лиможе и Бурже, празднование первого мая носило грандиозный характер.

Волна стачечного движения все росла, и правительство арестовало большую часть товарищей, принадлежащих к крайней левой: Пьера Монаппа, Фернанда Лорио, Анри Си роля, Гомбе, Делгранжа, Ре и др. Некоторые товарищи, разыскиваемые полицией, успели во время скрываться в безопасное место. Что правительство окончательно потеряло голову, видно из того, что оно вообразило о существовании целого заговора, направленного против безопасности государства, и отдало приказ об аресте бывшего секретаря Сенской федерации Рауля Верфейля. Рауль Верфейль — редактор газеты «Populaire», член партийной Административной Комиссии, спе-

циально заведывающий пропагандой, и при том лонгетист — правда, левый — но все же неисправимый лонгетист.

После этих репрессий движение приняло более революционный оттенок. Металлургисты парижского района забастовали против воли Всеобщей Конфедерации Труда, которая сначала довольно резко высказалась против этого «преждевременного выступления», но 48 часов спустя эта же, благоразумная и реформистская Всеобщая Конфедерация Труда отдала распоряжение о забастовке федерациям металлистов, строительных рабочих, рабочих транспорта, работников городского транспорта и авиации и тем из портовых рабочих, которые еще продолжали работать. Конпр-революционная Всеобщая Конфедерация Труда и на этот раз оказалась увлеченной революционным потоком.

III.

Страх правительства перед революционным движением и ужас, внушаемый ему большевизмом, особенно подчеркиваются арестом Лорио и Пьера Монаппа.

Ни Лорио, ни Монапп не состоят секретарями федераций, примкнувших к забастовке, и в частности ни тот, ни другой не имеют ничего общего с железнодорожниками. Но как раз эти два товарища, Лорио и Монапп, являются в настоящий момент наиболее яркими и последовательными представителями революционной программы. Монапп, редактор газеты «Vie Ouvrière» и секретарь синдикатов меньшинства, и Лорио, член синдиката учителей и давно всеми признанный глава левой фракции Социалистической Партии, — вместе с Сувариным состоят секретарями «Комитета III-го Интернационала». С 1-го марта 1920 г. комитет этот издает первый во Франции марксистский и коммунистический орган «Bulletin Communiste», в первом номере которого говорилось, между прочим, следующее: «Плодотворные уроки III-го Интернационала открыли глаза авангарду французского народа, который теперь не желает иметь ничего общего с ренегатами рабочего движения, отрицает сотрудничество классов, и считает своим долгом, руководясь испытанными методами коммунистической борьбы, занять место в ряду других борцов на международном революционном фронте. III-ий Интернационал становится внушительной силой и во Франции; и здесь его отряд непоколебимо исполнит свой долг, вдохновленный примером тех, кто пали в борьбе, отдав свою жизнь за дело освобождения труда».

Туман спутанных и неясных представлений, окутывавший до сих пор большую часть французских революционеров начинает теперь, повидимому, рассеиваться. «Bulletin Communiste» вносит во французскую революционную среду ясность, систематичность, твердость и решительность. Повышается дисциплина и среди коммунистов. Товарищи-коммунисты, входившие до сих пор в Адми-

нисправительную Комиссию партии, выходящую теперь из ее состава; гражданка Самоно, давно уже кокетничавшая с лонгепистами и проповедывавшая вступление Социалистической Партии в III-ий Интернационал без предварительной чистки рядов партии, после того, как она вздумала представить свой собственный список кандидатов в Исполнительную Комиссию Сенской федерации, была исключена из Комитета III-го Интернационала, причем оба социалиста, состоящих секретарями Комитета, Лорио и Суварин, предостерегают все организации по поводу действий гражданки Самоно. «Эта гражданка — заявляют они — не только потеряла всякое право выступать от имени участников коммунистического движения, но доказала, что она принадлежит к числу наиболее ожесточенных врагов нашего движения».

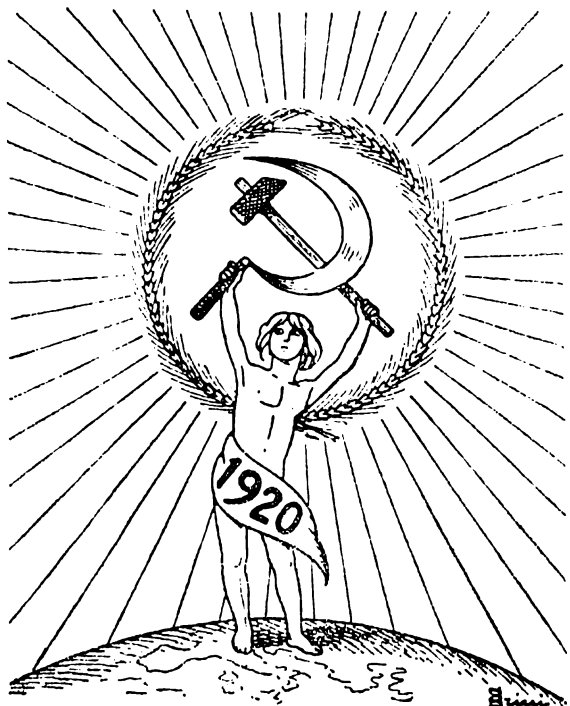
Было время, когда Лорио не внушал опасений. Французские газеты, которые называли Лонгэ «бошем» и большевиком — подражая в этом самому же Лонгэ — с презрением относились тогда к Лорио, считая его «экстремистом», лишенным всякого влияния, мрачным фанатиком, у которого нет ни одного приверженца. И буржуазная пресса призывала на головы одних лишь центровиков, Кашена, Лонгэ, Майераса, громы общественного гнева и казенной юстиции.

Арест Лорио (и Монатта) весьма симптоматичен. Не менее симптоматично решение

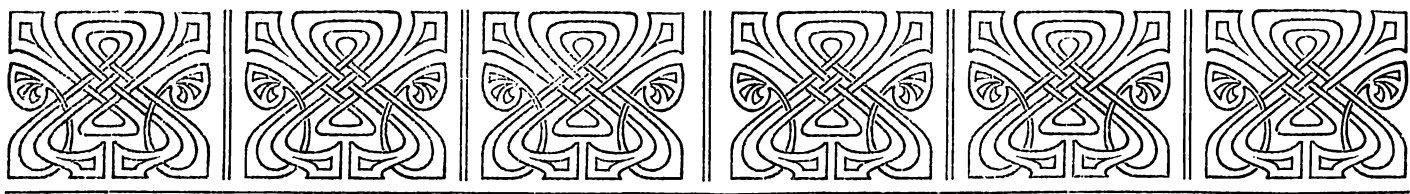
правительства Миллерана ограничить свободу профессиональных союзов и разогнать Всеобщую Конфедерацию Труда. Контр-революционное правительство жестокой буржуазии мечтает в области внешней политики лишь о колониальных экспедициях, авантюрах и завоеваниях, а в области политики внутренней — о подавлении рабочего движения. Французская буржуазия полагалась на своих защитников и думала, что она находится в полной безопасности: не даром ведь она давно уже взяла к себе на содержание вождей социалистической партии и рабочего движения. Поэтому она была уверена, что свободно может не только отказать массам в удовлетворении всех их требований, но и отнять у них эту свободу союзов, которую она им предоставляла до сих пор.

События первого мая и последовавших дней, это — первый раскат приближающейся грозы. Правительственные репрессии возвещают о предстоящих новых битвах и новых победах. Пусть правительство закрывает наши газеты, пусть оно сажает в тюрьмы любимых вождей пролетариата. Этим оно лишь агитирует за коммунизм и за революцию. Шарль Раппопорт на днях очень остроумно писал о том, что «при настоящих условиях тюрьма является преддверием к власти, а власть преддверием к тюрьме».

Анри ГИЛЬБО.

(Avanti, Milano.)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В АНГЛИИ.

Во всех капиталистических странах рабочий класс угнетается одинаково; в каждой из них он борется за свое освобождение по своему. Я позволяю себе эту перефразу известного изречения Толстого для того, чтобы снова напомнить товарищам, что при оценке текущих событий нельзя прикидывать к такой своеобразной стране, как Англия, российский шаблон и приходить в отчаяние от того, что в результате такой измерительной операции не получается ничего путного. Фактически Англия переживает сейчас такой же крипический момент, какой переживала Россия накануне февральской революции; только формы этого переживания иные, да и сама революция, когда она разразится, судя по всему, будет протекать иначе.

Англия, конечно, не голодает, и из этого не трудно сделать тот вывод, что до революции там далеко; но такое рассуждение и будет применением российского шаблона к английским условиям. Нельзя ведь забывать, что голод—понятие очень и очень относительное. То, что воспринимается как чувствительный недостаток для одного класса населения, зачастую представляет собою нормальное, привычное явление для другого класса; то же справедливо и по отношению к различным народам. Английский рабочий всегда жил гораздо лучше русского. Он питался и сытнее и разнообразнее, он одевался чище и изысканнее, и жилищные условия его существования были во всех отношениях лучше. Понижение этого уровня жизни—*standard of life*—до уровня русского или даже немецкого было бы для рабочего-англичанина тем же, что сокращение хлебного пайка для русского рабочего или лишение бутербродов для немецкого: это было равносильно «голоду». Поэтому английский рабочий, и не голодая в «русском» смысле слова, может испытывать сильные лишения, толкающие его к возмущению. Нечто подобное наблюдали мы уже до войны, когда усилившийся с началом столетия рост цен стал заметным образом понижать реальную ценность заработной платы. Конечно, до наступившего голода дело еще не дошло, но как заволновался английский рабочий класс! По всей стране, из конца в конец стали прокатываться волны забастовочного движения, одна выше и грознее другой, захватывая все более и более широкие массы, сплавляя их в неоправимые громады и сметая на своем пути все мелкие и крупные «пло-

тины», воздвигнутые капиталистическим классом в предыдущий период с помощью самих же рабочих. Все здание английского капиталистического общества колебалось под ударами разбушевавшегося пролетарского моря, и кто знает: если бы не война, то, может быть, не только в России, в столице которой на улицах уже появлялись баррикады, но и в Англии, ее экономически-социальном антитепе, разразилась бы революция. Ибо нигде в мире повывшательное движение цен не имеет такого революционизирующего значения, как именно в Англии, где зрелый и даже перезрелый капитализм только потому и держался так долго у власти, что прогрессивно понижавшиеся, начиная с середины XIX века, впечатление целого полувека цен, с одной стороны, задержали распад мелкой буржуазии и даже укрепили ее существование, и с другой стороны, мало-по-малу улучшили условия жизни рабочего класса, несмотря на медленный темп и даже застой в движении заработной платы. Оттого и забастовочное движение накануне войны носило такой своеобразный характер возмущения не только против предпринимательского класса, но и против всех прежних традиций профессиональной борьбы, против политики компромиссов, тайной дипломатии вождей, примирительных камер и претейских судов, против практики неограниченных полномочий, даваемых исполнительным комитетам и «мирным» делегациям,—короче говоря, носило характер разрыва с теми традициями «социального мира» и сотрудничества классов, которые создали такую славу английским рабочим.

Вот это-то движение, мало революционное на вид, но глубоко революционное по своему содержанию, наблюдалось, как я только что указал, еще до войны, и возобновилось опять чуть-ли не на другой день после заключения перемирия. Все эти массовые экономические движения углекопов, железнодорожников, транспортных рабочих и более мелкие по своему размаху, непрекращающиеся забастовочные движения рабочих других категорий, приковывающие к себе общественное внимание Англии,—все они имеют одну и ту же основную причину—рост цен—и все они скрывают в себе революционную тенденцию, которая неизбежно обнаружится на следующей, более высокой ступени движения. За время войны цены не только сделали чудовищный скачек, который сразу понизил «уровень жизни» рабочего класса, но этот

рост цен, кроме того, потерял, так сказать, свой безличный, таинственный характер,—он облекся в плоть и кровь живых лиц—спекулянтов и хищников всякого рода, начиная угольными королями и кончая мелкими лавочниками, связанных между собой вполне видимыми и осязаемыми узами, материальными и моральными, спланивающими их в один и тот же класс капиталистов. Оттого-то революционное классовое сознание, которое до войны зарождалось лишь в процессе самой борьбы, как результат сплочения все больших и больших масс, теперь вносится в умы рабочих самой жизнью, обнажающей все детали того механизма, который управляет ценами и, таким образом, влияет на материальные условия жизни рабочих. Это сознание пробуждает революционное настроение в самых отсталых слоях рабочего класса, которое еще более обостряется воспоминанием о лишениях, пережитых во время войны, об обещаниях, которыми тогда кормили народ, а также поведением правительства, цинически-бездеятельного в области защиты народных масс от хищничества и столь же цинически-деятельного в области охраны эксплуататорских интересов, и, наконец, доходящим до провокации необыкновенным упорством, с которым капиталистический класс, пополненный новыми, недавно разбогатевшими и поэтому наглыми и невежественными элементами, отстаивает завоеванные им за время войны позиции от всех, даже самых робких, посягательств рабочих.

Все это—явления экономической жизни. Но и в политическом отношении английский пролетариат получил за последнее время ряд уроков, имеющих революционное значение. Нужно заметить, что английский рабочий, подобно русскому, далеко не сразу «принял» войну. Он в течение многих месяцев отказывался считаться с нею, как это доказывалось забастовками, которые в первое время после объявления войны не прекращались даже в военной промышленности. Нужны были особые усилия вождей-предателей и всего официального и полуофициального агитационного аппарата, чтобы заставить, наконец, рабочих успокоиться и покориться требованиям классового перемирия. Но хотя рабочие и уступили, они все-же не совсем сдались и, за исключением одной или двух категорий, совершенно одураченных шовинистической агитацией вождей, они с угрюмым недоверием продолжали относиться к правящей клике и ко всей буржуазии во все время войны. Чувство озлобления, зароненное в их сердца предвдущей экономической борьбой, осталось в них и нередко находило себе выражение в угрозе, ставшей почти стереотипной: «Вот погодите, когда наши ребята вернутся с войны...» Подозрения, что народ обманывают, оказались более чем основательными. Тайная дипломатия парижского конклава, варварские условия версальского мира, наглая торговля территориями и народностями, комедия с

лигой народов, заключение нового военного союза между тремя главными державами, возрождение милитаризма и маринизма в еще более свирепой и угрожающей форме,—наконец, интервенция в России и после исчезновения «германской опасности» — все это, и многое другое, было таким циничным отказом от тех лозунгов, под которыми пропела война, таким предательством по отношению к народам, и чужим и своему собственному, что даже самые умеренные слои рабочего класса почувствовали нечто вроде унижения при мысли, что их оказалось так легко обмануть. В области внутренней политики рабочий класс был так же нагло обманут. В декабре 1918 г., всего через месяц после заключения перемирия, происходили всеобщие выборы в парламент, и либерально-консервативная коалиция под предводительством Ллойда Джорджа получила небывалое в Англии большинство. Во время самой избирательной кампании, проходившей под знаком воинствующего шовинизма, обществу, правда, ничего определенного не было обещано кроме взбискания с Германией военных расходов до последней копейки и суда над кайзером, но в памяти рабочих еще свежи были торжественные уверения Ллойда Джорджа в том, что после войны «мир будет перестроен так, чтобы герои могли жить в нем, пользуясь подобающим благосостоянием», и пр. и пр. И вот, все это оказалось сплошным обманом: не было проведено ни одной реформы, не было сделано ни одной серьезной попытки к обузданию спекулянтов и хищников, не было принято ни одной сколько-нибудь решительной меры для устранения страшной жилищной нужды. Вместо всего этого, рабочие увидели свободу полного разгула эксплуататорских аппетитов для капиталистов, и отказ в удовлетворении целого ряда насущных потребностей—для рабочих. Такой реакционной палатой и такого реакционного правительства рабочий класс в Англии давно уже не видел, и это несоответствие между тем, чего он был в праве ожидать, и тем, что в действительности получилось, сыграло, как мы увидим, решающую роль.

Комбинация всех этих факторов, экономических и политических, и создала ту обстановку в Англии, которую можно назвать революционной. Основные черты ее стали выявляться чуть ли не на другой же день после заключения перемирия. Уже в конце ноября произошел следующий мелкий, но весьма характерный случай. Небезызвестная рабочая газета «Daily Herald» задумала устроить в самом большом наемном помещении Лондона публичный митинг отчасти для рекламы, отчасти для пропаганды «демократического» мира. Все было налажено как следует: контракт с собственниками залы был подписан, залог был внесен, афиши были расклеены и билеты разосланы во все рабочие организации. В последний момент, однако, собственники залы вдруг «раздумали»: зала-де, к сожалению, не может быть сдана, так как

митинг может дать повод к беспорядкам со стороны многочисленных кругов инакомыслящей публики. Было совершенно ясно, что за спиной владельцев помещения стояло правительство, решившее воспрепятствовать собранию. «Ну, нельзя, так нельзя, что же делать, раз законные собственники не хотят уступить помещение», — так решила редакция. Вдруг — звонок по телефону: секретарь союза рабочих по электрическому освещению просит прислать несколько дюжин билетов. Ему отвечают, что, к сожалению, митинг не состоится по такой-то и такой-то причине. «Пустяки», отвечает секретарь, и немедленно же звонит к собственникам залы: «Вы не даёте помещения?» «Да, так и так, к сожалению, не можем». «Не можете? В таком случае, вы не получите больше освещения». И действительно, в тот вечер в зале был концерт, и публика внезапно очутилась в темноте. Пришлось послать за свечами, зажечь запасные газовые рожки и кое-как наскоро закончить программу. Это произвело колоссальную сенсацию. Тем более, что через несколько дней в той же зале должен был состояться великосветский «бал побед». Правительство вынуждено было раскрыть свои карты. В министерство труда были вызваны секретарь союза электриков и представитель редакции «Daily Herald»; им стали угрожать всеми карами уголовного уложения, но, в конце концов, собственники помещения не только взяли свой отказ обратно, но были вынуждены предоставить газете зал на два вечера, вместо одного. Оба митинга удались на славу.

Когда пишущий эти строки узнал о поведении электриков во всей этой истории, он вспомнил о солнце, отражающемся «в малой капле воды» и не мог удержаться от восклицания: это — начало английской революции! Я и теперь не отказываюсь от этих слов: такого стихийного и яркого проявления политического классового сознания со стороны рабочих Англия никогда еще не видала. Чтобы вполне оценить этот небольшой инцидент, необходимо вспомнить, что «электрики» принадлежат к так называемой аристократии рабочего класса и что Лондон — самый отсталый в революционном смысле город в Англии. Если подобные вещи возможны в Лондоне, да еще со стороны «электриков», подумал я, то каково должно быть психологическое состояние рабочих на более развитом пролетарском севере, в промышленных районах Ланкашира или Шотландии?

Через месяц после того происходили упомянутые выше выборы в парламент. Момент для них был выбран Ллойд Джорджем с ловкостью опытного политического стратега. Чад победы еще продолжал дурманить головы как крупной так и мелкой буржуазии. Пожалуй, и часть рабочих — в особенности «старика» — находилась еще под влиянием его. Большинство же рабочего класса совершенно не освоилось еще с новым положением, не успев собраться ни с мыслями, ни с силами. Ра-

бочие организации только что начали возрождаться после добровольной ликвидации во время войны, а о выборной организации партии рабочего класса не могло еще быть и речи. Не было еще ни программ, ни лозунгов, между тем как у Ллойд Джорджа все было тайком подготовлено еще за несколько месяцев до этого. Рабочие, очевидно, были застигнуты врасплох новыми выборами, а Ллойд Джорджу и его компании только этого и нужно было, чтобы получить мандат на пять лет, воспользовавшись растерянностью рабочих. Это было похоже на то преждевременное взрывание неприятельских подземных мин, которое практиковалось во время войны. Этот бессовестный политический маневр не мог не вызвать негодования среди рабочих, чем и объясняется то повальное воздержание от голосования в промышленных округах, которое было характерной чертой этих выборов. Это был бойкот со стороны рабочих масс — форма протеста, за которую инстинктивно хватаются избиратели, понявшие, что их хотят обмануть. Можно с полным правом сказать, что это была немалая тактика. Действительно, она помогла Ллойд Джорджу получить огромное большинство голосов и привела к разгрому левого крыла рабочей партии в тех округах, в которых бойкот особенно широко практиковался. Впрочем, рабочий класс, очутившись лицом к лицу с результатом своей тактики в виде реакционного парламента и испытав в скором времени на себе практическое значение этого факта, увидел, что он попался в ловушку; вместе с тем он понял иллюзорную сущность парламентаризма и заговорил о «непосредственном действии» (direct action), как о сверх-парламентском, сверх-«конституционном» способе борьбы за осуществление своих требований. Это уже была революционная ересь, пахивавшая не по «советизмом», не по синдикализмом, но, во всяком случае, революционная.

Известный «тройственный союз» углекопов, железнодорожников и транспортных рабочих первый начертал на своем знамени многозначительные слова: «direct action». И поводом для этого послужило не что иное, как интервенция в России. Кто знает прежнюю непроницаемость английских рабочих для каких бы то ни было интернационалистских влияний и лозунгов, того должна была поразить такая неожиданная позиция трех наиболее крупных профессиональных союзов Англии. Выступление в защиту России, рабочей и крестьянской России, да еще с угрозой по адресу правительства — пустить в ход экономическое оружие всеобщей забастовки! Поистине это могло казаться чудом для всех, кроме того, кто внимательно следил за резкими изменениями, происходившими в психологии рабочих до — и в еще большей мере — после войны. Одной угрозой «непосредственным действием» оказалось достаточно для того, чтобы заставить правительство дать обещание о выводе войска из России.

Мы знаем, что вся эта история произошла не в один день; мы знаем, что проистывающий союз сам не решился привести в исполнение свою угрозу, а передал вопрос на усмотрение общего съезда профессиональных союзов, специально созванного с этой целью, и что съезд — новое чудо! — в принципе одобрил и цель и предложенное средство; правда, съезд тоже не решился сразу применить это средство, а, в свою очередь, поручил разработку этого вопроса своему постоянному комитету. Сбравшись через некоторое время снова, съезд отложил окончательное решение еще на пару месяцев. Мы, в совершенно непонятном нетерпении, можем негодовать, и негодуем, на такую нерешительность и на эти вечные откладывания и проволочки. Но тот факт, что самые крупные профессиональные союзы и вся организованная в профессиональные союзы масса, бывшая до сих пор самой реакционной силой в Англии, провозгласили дело рабочей и крестьянской России своим собственным делом и обогатили свой арсенал таким средством политической борьбы, как всеобщая забастовка, — этот факт имеет первостепенную историческую важность.

Одновременно с этим о всеобщей забастовке заговорили и горнорабочие, решившие прибегнуть к этому средству для достижения крупной социально-экономической реформы, а именно, национализации — или вернее, социализации — всей горной промышленности, ибо дело идет не только о переходе предприятий в собственность государства, но и о введении рабочего контроля. Рабочие давно уже убедились в том, что они, постоянно предъявляя новые требования об увеличении заработной платы вызываемые ростом цен, вращаются, в сущности, в заколдованном кругу, так как до тех пор, пока угольные копи будут оставаться в руках частных владельцев, каждое малейшее повышение заработной платы, будет неминуемо вызывать еще большее повышение цен на уголь и, следовательно, повышение издержек производства и в других отраслях промышленности, от чего, в свою очередь, повышаются цены на все предметы потребления, и горнорабочие, вместе со всем прочим населением, еще больше страдают, а пользу извлекают только предпринимательские синдикаты угольной и остальной промышленности, живущие еще большие барыши. Еще во время войны горнорабочие стали поэтому выдвигать лозунг национализации копей, на что правительство отвечало уклончиво, не то соглашаясь на эту меру, не то отклоняя ее. Когда выяснился состав нового парламента, рабочие поняли, что ожидать национализации от такого правительства нельзя, но вместо того, чтобы, как они всегда это делали, подчиниться воле рока, на этот раз совершенно неожиданно предъявили правительству ультиматум, грозя, в случае неудовлетворения требований, немедленно же объявить всеобщую забастовку во всей горной промышлен-

ности. Этот шаг означал не что иное, как отказ от принципа парламентской демократии и попытку установления нового принципа, пахнущего, как это сейчас же почуяла буржуазная пресса, диктатурой рабочего класса. И принятие и отклонение ультиматума было одинаково опасно для правительства; не могло быть сомнения в том, что, в случае отклонения его, не только горнорабочие, но и железнодорожники и транспортные рабочие, входящие в состав «проистывающего союза», будут вовлечены в борьбу и дело легко может дойти до генерального сражения между трудом и капиталом и кончиться революцией. Правительство сумело всетаки увернуться от грозной опасности, предложив назначить публичную анкетную комиссию для выяснения действительного положения вещей в горной промышленности и заранее обязавшись исполнить ее решения. Предложение было принято, анкета была произведена, причем блестяще подтвердилась правдивость всех доводов рабочих в пользу национализации. Большинство членов комиссии, с самим председателем во главе, известным судьбою, который был назначен на этот пост правительством, приняло постановление о необходимости национализации всех копей, и лишь меньшинство, представлявшее шахтовладельцев, воспротивилось этой мере, предлагая, вместо нее, ничего не изменяющий компромисс и кое-какие паллиативы. Но правительство отказалось исполнить постановление большинства, став на сторону шахтовладельцев, и решительно заявило, что на национализацию она не согласится. На состоявшемся затем съезде горнорабочих было принято решение — не сдавать позиций, и в момент, когда мы пишем эти строки, ведется усиленная агитация в горнопромышленных районах и подготавливается новый съезд, на котором окончательно будет решен вопрос о всеобщей забастовке.

Не успело буржуазное общество избавиться от одной опасности, как на него обрушилась другая: железнодорожники, которые уже несколько месяцев вели переговоры с правительством по чисто профессиональным вопросам — об установлении одинаковых условий службы и окладов, — внезапно прервали эти переговоры, предъявили срочный ультиматум и, не получив удовлетворительного ответа, объявили всеобщую забастовку. Неслыханная «дерзость» такого поступка ошеломила буржуазную публику. Впрочем, потчас же выяснилось, что правительство было вполне подготовлено к этой забастовке: оно заранее организовало буржуазные отряды шпрейкбрехеров, приготовило запасы продовольствия, наладило военную охрану поездов и предприняло все необходимые шаги для введения, в случае беспорядков, военного положения и формирования белой гвардии. Ясно было, что правительство радо забастовке, может быть даже оно сознательно провоцировало ее для того, чтобы дать рабочему классу, в лице одного из его передо-

вых отрядов, чувствительный урок и заранее взорвать неготовую еще неприятельскую мину. Благодаря этому, движение, которое, по существу, должно было носить довольно безобидный профессиональный характер, сразу получило огромное политическое значение, — тем более, что на сторону правительства стало абсолютно все буржуазное общество: вся буржуазная пресса, все политические партии, все представители церкви, школы и пр. Такого единодушного и резкого отпора не встречала еще ни одна рабочая стачка; видно было, что буржуазия готова пойти на все крайности, чтобы сорвать забастовку. Но и рабочий класс поднялся как один человек. Транспортные рабочие и углекопы заявили, что и они объявят забастовку, если правительство не согласится на уступки, а наборщики буржуазных газет предложили редакциям переменить тон газет под страхом приостановки печатания. Таким образом, впервые в Англии, этой классической стране «гражданских» свобод, встал вопрос о свободе печати, и рабочий класс решил, что его интересы и права стоят выше всех «свобод». Это выступление газетных наборщиков, которые не в одной только Англии, но и во всех других странах, олицетворяются консервативностью своих взглядов, благодаря близости их к одному из главнейших источников идейного влияния буржуазии, было не менее характерно для новой психологии английского рабочего класса, чем упомянутое выше выступление электриков. Оно произвело очень сильное впечатление и значительно способствовало тому, что правительство в последний момент опомнилось, и отступило. Оно согласилось вступить в переговоры, как того требовали рабочие, и последние снова стали на работу. Таким образом, в первой серьезной схватке с объединенными силами капиталистического общества рабочий класс одержал блестящую победу. Вряд ли можно переоценить значение этого обстоятельства.

Забастовка эта, даже независимо от ее исхода, имела колоссальное воспитательное значение. Перед рабочими была на живом примере продемонстрирована солидарность всей буржуазии, без различия партий и отдельных слоев ее, и в особенности урок, преподанный прессой, был усвоен ими основательно. Они теперь, можно сказать в первый раз, поняли не только необходимость собственной рабочей прессы, но и смысл тех репрессивных мер, которые были применены в Советской России против буржуазной печати. Мало того, если буржуазная пресса могла так бесовски лгать, направлять все общество на рабочий класс в самой Англии, где до гражданской войны еще далеко и где на каждую ложь, на каждую клевету и на каждое обвинение можно немедленно же ответить, то какое значение могут иметь те «сведения» и обвинения, которые распространяются этой прессой в широкой публике по поводу далекой — рабоче-крестьянской России? Этот вопрос сплошь и рядом ставился теперь ра-

бочим, которые окончательно перестали верить ходячим басням о России. Это опять таки имело очень крупное значение, склонив английский пролетариат на сторону Советской России. Интервенция отошла теперь навсегда в область невозможного.

Вообще, отношение английского рабочего класса к России заслуживает внимания, ибо в нем отразилась перемена, происшедшая в сознании английских рабочих. Несомненно, что истинное значение октябрьской революции не сразу было понято английскими рабочими. Они серьезно думали, что большевики — агенты германского кайзера и что октябрьская революция не что иное, как авантюра шайки азартных игроков. Брест-Литовские переговоры впервые открыли им глаза, и с тех пор начинается медленная эволюция все растущих симпатий рабочих масс к Советской России. Влияние вождей и буржуазной прессы, усиленно забрасывавшей грязью Советскую Россию после окончательного разрыва дипломатических сношений в связи с раскрытием заговора Локкарта, все же тормозило эту эволюцию до самого заключения перемирия. Явившаяся, благодаря ослаблению цензуры и общему разряжению политической атмосферы после заключения перемирия, возможность сообщать публике правильные сведения о России сразу пробила брешь в образовавшейся было плотной завесе лжи. Сведения из России поступали тогда еще чрезвычайно скудно, но психика рабочих была уже такова, что и этих немногих крупниц оказывалось достаточно для того, чтобы озарить истину в глазах рабочих. Самый интерес английских рабочих масс к рабочему делу в другой стране был уже чем-то новым и необычным. Правда, это рабочее дело в данном случае было из ряда вон выходящим, и поэтому оно, конечно, сыграло роль будящего колокола даже в такой изолированной и умственно-косной среде, какую представляют собой английские рабочие массы. В этом то и заключается историческая заслуга октябрьской революции, что она зажгла огонь в сердцах даже наиболее отсталых элементов международного пролетариата, что видно хотя бы уже из того, как различно реагировал английский рабочий класс на октябрьскую революцию и на революцию в Германии, где формально, ведь, тоже власть перешла к представителям рабочего класса. Та быстрота и правильность, с которыми английские рабочие стали ориентироваться по отношению к Советской России среди искусственно созданного буржуазной агитацией удушливого мрака, освещаемого лишь отдельными искорками проникавшей сквозь все преграды истины, служат доказательством того, что сознание рабочих представляло благоприятную почву для восприятия истины. К тому времени дальнейшая открывшаяся отправка английских войск для борьбы с Россией фактически стала уже невозможной, и правительству приходилось для этой цели прибегать к обманам и уловкам. Декабрьские

выборы, показавшие рабочим всю ничтожность хваленной парламентской демократии, сыграли также свою роль в этом процессе прояснения сознания рабочих масс, давая наглядное объяснение и оправдание разгона учредилки, который до тех пор служил главным доводом для демагогов-интервенционистов против Советской власти. После декабрьских выборов довод этот потерял всякую убедительность, и рабочие стали сочувственно относиться к Советской власти вообще. Чем больше развивалась классовая борьба в самой Англии, тем определеннее становилось недоверие рабочих к интервенционистской политике правительства, и тем живее — его сочувствие к рабоче-крестьянской России и ее лозунгам. Несомненно, что тут происходило известное взаимодействие: обострение конфликта с правящими классами в собственной стране вело к обострению оппозиции рабочих к интервенционистской политике, и в свою очередь усиление агитации против интервенции ускорило рост революционного сознания в массах. Популярность Советской России и ее лозунгов росла с каждым днем; это можно было заметить по наслоению рабочей публики, посещавшей многочисленные собрания о России, и по тому приему, который она оказывала ораторам из противоположного лагеря. Сами вожди, до тех пор либо прямо поддерживавшие правительственную политику (не кпо иной, как Сидней Уэбб, председатель комиссии Рабочей Партии по иностранным делам, защищал летом 1918 года занятия чехо-словаками Сибирской ж. д.), либо хранившие двусмысленное молчание, теперь стали заговаривать о необходимости перемирия с Россией, и в сентябре съезд предюнионов формально пригрозил правительству всеобщей забастовкой, если английские войска не будут немедленно же выведены из российской территории. Но окончательный удар был нанесен делу интервенции железнодорожной забастовкой, сразу значительно поднявшей классовую сознательность английских рабочих и раскрывшей перед ними всю гнилость и все предательство буржуазной демократии. Теперь уже все демагогические нападения защитников «демократии» на диктатуру пролетариата в России не встречали отклика, и последний идейный оплот империалистов и интервенционистов был разрушен. Английский рабочий класс решительно перешел на сторону рабоче-крестьянской России, и правящие классы поняли, что все дальнейшие их старания задуть ненавистную социалистическую республику не только осуждены на неудачу, но могут также привести к весьма нежелательным осложнениям внутри самой Англии. Настаивая на коренном изменении политики союзников по отношению к России, Ллойд Джордж, которому отнюдь нельзя отказать в очень сильно развитом практическом чутье, руководствовался при этом не только соображениями о явной безнадежности дальнейших военных

авантюр в России, после всех побед, одержанных Красной Армией, но и совершенно основательными опасениями, что продолжение политики вмешательства ускорит процесс революционизирования английских масс и приведет в конце концов к восстанию рабочего класса.

Разумеется, сочувственное отношение английского рабочего класса к великой пролетарской революции в России — вполне естественно. Гораздо более поразительной является та популярность, какую Советская Республика пользуется среди английской интеллигенции. Как известно, нигде в Европе интеллигенция не находилась в такой тесной идейной связи с правящими кругами буржуазии, как в Англии, и поэтому нигде социалистическое и полу-социалистическое движение не было так бедно интеллигентными силами. Та горсточка интеллигенции, которая не довольствовалась уже традиционными политическими лозунгами — лозунгами буржуазного либерализма и радикализма — дальше «фабианства» не шла: это был вполне «приличный» род социализма для молодых людей, неудовлетворенных либерализмом и вместе с тем не решающихся, по снобизму или по робости мысли, окончательно порвать с ним. Теперь та же интеллигенция — в особенности ее литературно-идейные представители — настолько исполнилась восторгом перед Советской Республикой, что готова признать и ее коммунистические основы вплоть до теории и практики диктатуры пролетариата. Насколько это увлечение серьезно, трудно сказать. Весьма возможно, что в решительный момент, когда вопрос о власти пролетариата будет поставлен ребром в Англии, добрая часть интеллигенции сбежит в оппортунистический и соглашательский лагерь. Но пока ее сочувствие для нас весьма ценно, и, несомненно, ему мы, в первую голову, обязаны резким поворотом в отношении к России со стороны некоторых либерально-радикальных органов печати. Такому наслоению английской интеллигенции, кроме банкротства либерализма и все распуцей безработицы в области «свободных профессий», безусловно содействовало также разочарование исходом войны. И тут, по всей вероятности, Брест-Литовские переговоры с их вызовом изолгавшемуся и насильническому буржуазному миру не остались без последствий.

Из вышесказанного очерка рабочего движения в Англии за время, прошедшее после перемирия, ясно, что сознание и настроение рабочих масс в Англии коренным образом изменились. Английские рабочие теперь уже не те «пайнбки», на которых в былые времена не могла в достаточной мере нарадоваться вся международная буржуазия, с ее учеными и полу-учеными прихвостнями. Теперь это — революционная стихия, готовая ежеминутно ринуться на буржуазное общество и затопить его. Для этого достаточно было бы одного слова со стороны руководителей-вождей, смелой инициативы со сто-

роны какой-нибудь «одной» крупной личности, пользующейся доверием у масс и обладающей талантами революционного вождя. Но таких вождей в английском рабочем движении пока еще нет, и именно это отсутствие революционного руководства составляет ту, можно сказать, единственную плотину, которая сдерживает революционную стихию. Во главе рабочей массы, созревшей для социального переворота и сознавшей уже свою силу, стоят старые вожди, давно опорочившиеся от массы, давно присосавшиеся к груди буржуазии, на-половину купленные, на-половину развращенные ею, и эти-то вожди тормозят развитие революции и удерживают рабочую стихию в старом русле. Почему углекопы согласились на назначение анкетной комиссии, которая только затянула дело и дала правительству и шахтовладельцам возможность выиграть время для принятия необходимых мер? Почему, когда правительство с таким бесстыдством отклонило постановление комиссии, углекопы не забастовали, а опять дали себя уговорить, что нужен мол новый съезд и необходима новая усиленная агитация для выяснения вопроса о национализации широким кругам публики? А при забастовке железнодорожников — что помешало транспортным и другим рабочим действительно осуществить угрозу всеобщей стачки в тот момент, когда правительство все еще не решалось пойти на уступки? И почему, когда, наконец, после долгих переговоров, была найдена формула компромисса, далеко не соответствовавшая ожиданиям рабочих и встреченная ими весьма недоброжелательно, не вспыхнула вторично забастовка, а напротив, формула была принята рабочими? Далее, съезд пред-юнионов, вполне точно отражавший настроение широких рабочих кругов, принял резолюцию о всеобщей забастовке, которая должна была быть объявлена в том случае, если не прекратится вмешательство в дела России; почему же решение это не было проведено в жизнь? Почему резолюция эта оставалась платоническим заявлением вплоть до следующего съезда? Почему этот второй съезд ограничился лишь тем, что поручил своему комитету организовать делегацию для поездки в Россию, причем поручение это впечатление нескольких месяцев оставалось не выполненным, ибо комитет все вел «переговоры» с правительством о паспортах? Во всем этом саботировании воли рабочей массы решающую роль играли официальные «вожди», которые пуще всего боятся революции и прилагают все старания, пускают в ход все свое дипломатическое искусство, все свои навыки к интригам для того, чтобы не допустить революционного кризиса. Не успели, например, транспортные рабочие и наборщики обнаружить желание прийти на помощь бастующим железнодорожникам, как исполнительные комитеты их составили посредническую комиссию и бросились к правительству с проектами об улажении конфликта

и устранении опасности. Точно так же, когда увидела свет компромиссная формула, сильно взволновавшая железнодорожных рабочих, те же представители «тройственного» союза поспешили шепнуть своим коллегам, что они считают время для всеобщей забастовки неблагоприятным для себя. Саботажная тактика вождей по вопросу об интервенции слишком ясна для того, чтобы нуждаться в примерах. Чрезвычайно интересна тактика вождей в связи с разочарованием парламентскими учреждениями, охватившим рабочие массы после декабрьских выборов. Смелое революционное руководство со стороны вождей могло бы в тот момент без особенного труда направить это разочарование в русло решительной оппозиции ко всему буржуазному демократизму и способствовать укреплению в сознании масс зародившейся в нем идеи о применении вне-парламентского действия для свержения буржуазного государства. Но для этого необходимы были такие вожди, каких историческая судьба дала России, а не Хендерсоны и Макдоналды, которыми та же судьба наградила Англию. Пользуясь тем обстоятельством, что исход выборов в значительной мере зависел от массового воздержания рабочих избирателей от подачи голосов, Хендерсоны и Макдоналды поспешили повести усиленную агитацию среди рабочих в пользу парламентаризма и демократии. «Вы успеете еще разочароваться в парламентской борьбе и парламентских учреждениях», — говорили они рабочим, — «когда научитесь пользоваться ими; прежде вы должны убедиться на деле, что они вам ничего не могут дать». И рабочие массы принимают самое живое участие в выборах; блестящий успех, который кандидаты Рабочей Партии, благодаря этому, имеют на всех дополнительных выборах в борьбе против правительственных и независимо-либеральных противников, несомненно, служит еще одним доказательством политического пробуждения масс, но в то же время это участие отдаляет их от советской идеи государственности, ослабляет их интерес к революционным формам борьбы и снова внушает им веру в парламентские учреждения. Вместе с тем, однако, оно поддерживает в них идею завоевания политической власти рабочим классом и проведения им коренных социальных и экономических преобразований. С этой стороны выборный азарт, сейчас охвативший рабочую массу и дающий замечательные результаты; все же играет революционную роль; он уже привел к открытой постановке вопроса об образовании рабочего правительства, и мы сейчас увидим, какое это имеет большое значение.

Сам собой напрашивается вопрос: почему реакционные вожди имеют такое влияние на революционно-настроенных рабочих? Почему рабочие позволяют им саботировать свою волю? Чтобы уяснить себе это явление, необходимо вспомнить, что со времени крушения чартизма, т. е. примерно с сере-

динь прошлого столетия, вплоть до начала нынешнего столетия, организованное рабочее движение в Англии протекало почти исключительно под знаком профессиональной борьбы, и что поэтому единственной формой организации рабочих масс был профессиональный союз. С начала нынешнего столетия рабочее движение приняло и политическую форму, но и эта сторона движения, будучи, по существу, подсобной по отношению к экономическому движению, фактически поскользнулась на профессиональной организации: рабочая партия была, собственно говоря, политическая партия профессиональных союзов. Правда, в эту партию входили и социалистические группы, но социал-демократия скоро вышла из партии, а так наз. «Независимая Рабочая Партия», партия оппортунистов, будучи в незначительном меньшинстве, решила стремиться к постепенному «пропитыванию» социализмом профессиональных союзов или, лучше сказать, их бюрократии, подобно тому, как фабианцы когда-то мечтали сделать с либеральной партией. Окончилось это «пропитывание», конечно, тем, что Н. Р. П. попала в полную зависимость от пред-юнионистской бюрократии и применяла все свои социалистические принципы на парламентские мандаты. Так или иначе, но профессиональные союзы остались господствующей, если не единственной массовой организацией английского рабочего класса и, исполняя в одно и то же время профессионально-экономические и партийно-политические функции, удовлетворяли все потребности этих масс, пока сами массы пребывали еще в политическом полусне.

С тех пор, конечно, положение изменилось: массы шагнули далеко вперед, но форма их организации осталась та же. За время войны, правда, стали возникать фабрично-заводские комитеты, как новая форма организации экономической борьбы, и база рабочей партии развернулась, оторвавшись от профессиональных союзов, как таковых; партия перестроилась на основе местных партийных отделов, куда имеют доступ, как рабочие организации, так и отдельные лица. Но фабрично-заводские комитеты, несмотря на многообещающее начало, развиваются весьма медленно, напалкиваясь на традиционную лояльность широких масс по отношению к пред-юнионам, с которыми они фактически конкурируют на одном и том же поприще профессиональной борьбы, а в местных отделах Рабочей Партии продолжают преобладать, благодаря своей численной силе, те же профессиональные союзы. В результате этого исключительного положения, мы видим, что и в новейшей своей, революционной фазе рабочее движение в Англии вынуждено протекать в рамках профессиональных организаций, самый механизм которых (с его иерархией комитетов, бюрократической волокитой и особым характером должностного персонала, подобранного не по политическому, а по административному, бухгалтерскому кри-

перию, совершенно оторванного от массы и близкого к предпринимательской среде) рассчитан на подавление всякой революционной инициативы рабочих масс. Между тем, без профессиональных союзов, рабочий класс существовать не может и, пока, спало быть, они остаются единственным или главным органом рабочего движения, последнее будет саботироваться пред-юнионистской бюрократией и ее политическими представителями в рабочей партии. Вот почему, по нашему глубокому убеждению, профессиональные союзы так же мало окажутся пригодными к роли орудия пролетарской революции, как и сам парламент. Революция должна будет пройти мимо них, как она пройдет мимо парламентских учреждений, — или ее совсем не будет.

Но она будет: этому порукой та экономическая разруха, которая создана войной и последовавшим за нею «миром», которая неудержимо растет и в ширь и в глубь и с которой капиталистическое общество абсолютно не имеет никаких сил и средств справиться. Говоря это, мы, конечно, не хотим сказать, что капиталистическое общество рухнет само собой, автоматически, механически, как рушится здание, когда сгнивает его фундамент. Но мы хотим сказать, что эта все увеличивающаяся разруха, отражаясь на условиях жизни и труда пролетариата, должна неизбежно довести его до высшей степени отчаяния и озлобления и побудить его к восстанию. То воображение, что в Англии с ее большими ресурсами и с ее правящим классом, всегда обладавшим проницательностью, такого кризиса может и не быть, неосновательно уже потому, что это кризис всемирный, обще-капиталистический и поэтому он не может не захватить Англии, капиталистически развитой более других стран. Скорее наоборот: именно потому, что Англия — наиболее капиталистически развитая страна в Европе, кризис капиталистического хозяйства должен отразиться на ней особенно сильно. Все, что можно сказать об Англии, действительно отличающейся богатством своих экономических ресурсов и проницательностью своих правящих классов, — это то, что социалистическая революция там может принять иные формы и пойти иным темпом, чем на материке Европы. В самом деле, легко представить себе такое положение вещей: экономическая борьба доходит до высокой степени напряжения. Углероды преобладают национализации, железнодорожники выставляют такую же или подобную программу, рабочие других категорий труда требуют повышения заработной платы. Может даже статься, что все эти требования будут предъявлены в одно и то же время не случайно, а по предварительному уговору, ибо теперь уже идет речь об образовании «главного штаба» для всего организованного рабочего класса. Во всяком случае, нет ни одного человека в Англии, который не считал бы такой концентрации экономи-

ческой борьбы возможной или даже вероятной в близком будущем; мы видим ведь, что, как искусно правительство и вожди профессионального движения ни смягчают резкую постановку коренных пунктов программы, выставленных, например, углекопами и железнодорожниками, но рабочая масса и не думает отказываться от своих требований, — наоборот, по мере обострения экономической ситуации, она настаивает на них решительнее. Придет момент — и он не за горами, — когда и вожди должны будут примкнуть к требованиям рабочих (как это было при железнодорожной забастовке), и тогда будет неизбежна всеобщая забастовка во всех важнейших отраслях производства, которая может распространиться и на все остальные. Как поступит правительство, что предпримет правящая буржуазия? Уступят рабочим? Но как они могут уступить по таким первоочередным вопросам как национализация (или социализация) горных промыслов и железных дорог? А если они уступят, то разве этим дело кончится? Такая гигантская победа, да еще вырванная таким способом, только усилит боевое настроение в рабочих массах и повлечет за собой целый ряд других требований, которые еще сильнее затронут жизненные интересы капиталистического класса и всего буржуазного общества. Возможен и другой путь — путь компромисса; но если бы даже рабочие вступили на этот путь — что весьма мало вероятно, принимая во внимание атмосферу острого боевого напряжения, — то и тогда это будет лишь временной передышкой, а не окончательным разрешением кризиса. И в том и в другом случае воюющим сторонам придется снова померяться силами в решительной схватке, и нужно полагать, что если даже рабочий класс не понимает этого, то дальновидная буржуазия, во всяком случае, это поймет. Если вспомнить, что в ее среду за последние годы попало множество элементов, новейшей, «американской» формации, элементов, которых, с точки зрения «столбовой» английской буржуазии нельзя не назвать пришлыми, чуждыми старым английским традициям и привычкам, — то придется признать довольно вероятным, что правящие сферы пойдут на пролом, поднимут перчатку, брошенную пролетариатом, и объявят ему форменную войну, опменив «*habeas corpus*», провозгласив осадное положение и пр. и пр., как это делается в колониях, в Ирландии и как едва-едва не было сделано во время железнодорожной спячки. Тогда, несомненно, и в Англии разразится настоящая революция. Пишущий эти строки лично считает вполне возможным такое безумие со стороны нынешней английской буржуазии с ее Черчиллями, Геддесами, Нортклифами и прочими рыцарями воинствующего империализма. Но, с другой стороны, старая Англия еще не совсем умерла и, вероятнее всего, что в последний момент она «уважат» себя заставить» и возьмет верх над новой. Так, по крайней мере, было во время железнодорож-

ной забастовки, когда Ллойд Джордж, представитель старых традиций, внезапно — почти накануне передачи всей власти лорду Хогу, бывшему английскому главнокомандующему на войне — выступил вперед и, опменив Черчилля и Геддеса, послал парламентариев к рабочим. Если дело примет такой оборот, то наиболее вероятным практическим приемом правительства будет отставка министерства, сопровождаемая советом королю поручить Хендерсону или иному «популярному» вождю рабочих образование рабочего правительства: пускай, мол, рабочие и их вожди сами расхлебывают заваренную ими кашу. Так как у такого правительства не будет большинства в парламенте, то оно немедленно же распустит его и назначит новые выборы, которые, несомненно, дадут желаемое рабочее большинство.

Все это, конечно, лишь гипотеза, но гипотеза, которая имеет за собою весьма много вероятного. Сама буржуазия убеждена в том, что рабочее правительство в близком будущем неизбежно. К этому ведет, помимо отмеченных выше обстоятельств, еще и внутреннее разложение нынешней коалиции, совершенный распад старой либеральной партии и необыкновенный интерес рабочих к парламентской борьбе. Можно быть уверенным, что если правительство Ллойд Джорджа вздумает, наперекор ярко проявляемой на дополнительных выборах воле рабочих, остаться у власти до конца своего пятилетия, то следующие всеобщие выборы дадут рабочее большинство. Буржуазия и думает, что рабочие придут к власти года через два-три. Но она при этом упускает из виду растущее возмущение рабочего класса и вероятное наступление в самом близком будущем того кризиса, который мы выше описали. Она упускает из виду также и страшное обострение целого ряда вопросов внутренней и внешней политики, с которыми ни правительство Ллойд Джорджа, ни какое другое правительство не сможет справиться: мы говорим о таких вопросах, как вопрос ирландский, вопросы египетский и индийский, финансовый и валютный вопросы и т. д. Думается, что кто-кто, а Ллойд Джордж, наиболее светлая голова в современной буржуазной Англии, отлично понимает все это, и поэтому уже теперь строит планы о том, чтобы взвалить бремя разрешения этих вопросов на рабочее правительство. Мы несколько не удивимся, если, предваряя тот момент, когда все эти вопросы, включая и рабочий, неизбежно сплетутся в один клубок, в котором невозможно будет найти ни конца ни начала, Ллойд Джордж либо сам распустит парламент, либо передаст бразды правления представителям рабочего класса. Именно потому, что английский правящий класс так дальновиден, трудно допустить, чтобы он дал кризису развиваться до конца, до настоящей революции, не постаравшись заранее, во время приступа его остроты своевременной уступкой.

Само собою разумеется, что буржуазия при этом и не подумает отказаться от своего фактического господства. Напротив того, отлично зная рабочих вождей, она номинально уступит им власть в расчете на то, что они через самое короткое время обанкротятся, ничего путного не сделав и только разочаровав рабочих, а тогда буржуазия снова возьмет в свои руки власть, но на этот раз при поддержке самих рабочих. Первая часть этого расчета безусловно правильна. Рабочее правительство, которое сформируется, будет правительством Хендерсонов и Макдональдов, т. е. вождей профессионального движения, и такое правительство ровно ничего не сделает для рабочего класса. На обещаниях, анкетах и мелких паллиативах нынче далеко не уедешь, а к революционным решениям, без которых невозможно справиться с задачами современной, внутренней и внешней политики, эти Хендерсоны и Макдональды совершенно неспособны. На это у них нет ни смелости мысли, ни смелости духа, ни даже достаточно знаний и ума. Но если такое правительство и окажется самым жалким недоноском, то ошибочно думать, что разочарованный рабочий класс повернет поэтому направо. Не может быть никакого сомнения в том, что пребывание рабочего правительства у власти еще больше усилит революционное брожение в рабочем классе, который теперь только и создает свою настоящую силу и не замедлит предъявить свои требования. На этой почве могут возникнуть даже конфликты с правительством, которые примут тем более бурный характер, чем больше оппозиционная буржуазия будет наускивать правительство на рабочий класс и чем больше правительство будет раболепствовать перед нею. Не вправо, а влево пойдут рабочие, когда правительство Хендерсона и Макдональда разочарует их, и следующей стадией будет не возвращение буржуазии к власти, а новая революция—революция через головы профессиональных союзов—за социализм. По всем вероятностям, эта революция будет иметь своей предшественницей какую-нибудь попытку буржуазии произвести государственный переворот, на подобие корнизовит или капповской попытки; но это не изменит хода истории.

Таким образом, по нашему убеждению, образование рабочего правительства будет иметь решающее значение: оно «развяжет» революцию и будет первым ее актом. Оно, так сказать, переведет поезд на другие рельсы, и поезд пойдет к своей исторической цели, несмотря ни на какие препятствия. Это будет английская «февральская» революция, за которой неизбежно последует и октябрьская. Своеобразие английских условий в том и скажется, что первая революция будет не только бескровная, но и мирная, «конституционная», и только вторая произойдет в условиях гражданской войны.

Тяжелая и ответственная задача выпадает при таком положении вещей на социа-

листические партии. Всем известна трагедия социалистического движения в Англии, и распространяться о ней мы не будем. В настоящее время в Англии существуют две крупные социалистические партии: Независимая Рабочая Партия, предводимая (после смерти Кир-Харди) Сноуденом и Макдональдом, и Британская Социалистическая Партия, преемница старой социал-демократической партии (Федерации). Первая—гораздо более сильна численностью и политическим престижем, нежели вторая, но она анти-марксистская, оппортунистическая, а вторая—марксистская, стоящая на левом фланге. Первая чрезвычайно прилично вела себя во время войны, но, главным образом, из пацифистских мотивов. Она не примыкала к Циммервальду, ограничивалась пассивной борьбой против войны во имя свободы совести (по вопросу о военно-гражданских обязанностях), и правое крыло ее дало несколько министров, в том числе Джорджа Барнса и Клайнса. Британскую Социалистическую Партию постигло то несчастье, что все стоявшие во главе ее старые вожди и основоположники английского социализма, с Гайндманом во главе, оказались с самого же начала войны в «патриотическом» лагере, и растерявшаяся партия была парализована впечатление почти полутора года. Более решительным элементам ее удалось однако восстановить организацию, наладить собственный орган и в самое короткое время сгруппировать вокруг себя подавляющее большинство членов, так что гайндманцам осталось лишь торжественно ретироваться и основать свою собственную «Национально-Социалистическую Партию». Но за то партия осталась без вождей, без единой личности, скольконибудь одаренной талантами руководителя. Несмотря на это, она выжила, даже усилилась во время войны, примкнула к Циммервальду и на съезде прошлого года приняла коммунистическую программу, впоследствии решив огромным большинством голосов присоединиться к III Интернационалу.

Упомянутые две партии составляют правую и левую социалистического движения, но нужно признать, что Н. Р. П., благодаря своей долголетней связи с рабочей партией и своей политике «приспособления», до сих пор пользовалась гораздо большим влиянием среди масс, чем ее более старая соперница, которая яростно боролась с оппортунизмом Рабочей Партии и, даже вернувшись в лоно ее незадолго до войны, когда рабочая масса стала более чутко откликаться на ее пропаганду, продолжала резко подчеркивать свою социалистическую программу. Не мало «умников», в том числе и Каутский, обвиняли ее за это в «сектантстве», приписывая ее неуспех в массах ее «сектантскому» духу. Какowymi оказались не-сектанты вроде бельгийских «социалистов», умевших работать в одной партии с не-социалистическими массами, показала война. На деле, конечно, главными причинами неуспеха английской социал-демократии были та политическая индифферентность

и на бессознательность масс, которые характеризовали предвоенный период времени. Но, кроме того, Б. С. П. имеет множество конкурентов в лице других левых групп, либо отколовшихся от нее в тот или иной момент, либо образовавшихся самостоятельно. Такова, в первую голову, т. н. «Социалистическая Рабочая Партия», бывшая группа «импосибилистов», изгнанных из тогдашней социал-демократической федерации, не столько по принципиальным мотивам, сколько из за личных мотивов; затем эта группа приняла полусиндикалистскую окраску, а теперь она стоит на вполне определенной коммунистической позиции. Она значительно меньше Б. С. П., но в некоторых частях Великобритании, как напр., в Шотландии и Южном Уэльсе, пользуется большим влиянием, чем Б. С. П., благодаря своим заслугам в деле организации фабрично-заводских комитетов и своему непримиримому отношению к Рабочей Партии, встречающему сочувственный отклик в некоторых радикальных рабочих слоях. Кроме того, есть еще несколько независимых организаций, вроде южно-уэльского «Социалистического Общества», близкого по духу к С. Р. П., но не разделяющего ее взглядов на Рабочую Партию и насчитывающего всего пару сотен членов (правда, весьма энергичных и прошедших марксистскую школу) и «Социалистической Федерации Рабочих», преемницы женской федерации «суфражисток», утратившей теперь характер чисто женской организации. Такая распыленность левого крыла социалистического движения чрезвычайно затрудняет решение тех задач, которые уже теперь ставит перед ним история. Поэтому уже прошлым летом, когда Б. С. П. приняла советскую платформу и примкнула к III Интернационалу, возникла мысль объединить все левые группы в одну коммунистическую партию. Расчет при этом был тот, что, с одной стороны, ни одна из существующих организаций в отдельности не располагает нужными силами и способностями для выполнения предстоящей трудной работы—у Б. С. П. нет людей, обладающих достаточной энергией и почином, у других групп слишком мало сил, у третьих мало теоретической подготовки и т. д.—а с другой стороны, такая новая партия сможет привлечь в свои ряды всех сочувствующих, не только «одиночек», которых так много в индивидуалистически настроенной Англии, но также и членов Независимой Рабочей Партии, рядовые элементы которой во многих местах очень недовольны оппортунизмом своих вождей и обнаруживают тяготение к лозунгам Советской России. К сожалению, добиться объединения оказалось не так легко. В Б. С. П. большинство членов и слышать не хочет о том, чтобы порвать с Рабочей Партией. Они думают, что при отсутствии собственной определенной программы Рабочая Партия позволит и коммунистической партии принимать участие в ее блоке, что даст коммунистам возможность отстаивать свою политику в рабочих орга-

низациях и провести своих кандидатов в парламент на ближайших выборах, исход которых решит вопрос о рабочем правительстве и о характере той оппозиции, которая будет с ним бороться. Между тем С. Р. П. считает, что пребывание в Рабочей Партии будет вредно отражаться на революционной борьбе и что между коммунистами и Рабочей Партией не должно быть ничего общего. Со своей стороны, Социалистическая Федерация вообще против участия в парламентской борьбе и за бойкот парламентских выборов. Южно-Уэльская организация принципиально разделяет точку зрения Б. С. П., но фактически становится на сторону С. Р. П., полагая, что Б. С. П. слишком увлекается парламентаризмом и реформизмом. В Б. С. П. действительно есть крыло, которое ценит связь с Рабочей Партией, преимущественно, с точки зрения парламентских мандатов и реформ, но это крыло представляет собою незначительное меньшинство, которое к тому же осталось теперь без своего вождя, Ферчайлда, вышедшего из партии, после того как она приняла коммунистическую платформу. Большинство партии совершенно искренно хочет бороться в Рабочей Партии за коммунистическую программу и продолжать эту борьбу, если удастся, и в самом парламенте, куда она не имеет в настоящий момент никакой возможности попасть самостоятельно. В тот момент, когда Рабочая Партия станет у власти, с ней Б. С. П. придется порвать, в том случае, если Рабочая Партия начнет ставить ей препятствия в ее агитации за свою программу. Но, покуда это будет возможно, она хочет использовать буржуазный парламентаризм. Меньшинство С. Р. П. понимает это, и вполне согласно с такой тактикой. Это меньшинство, состоящее как раз из самых деятельных и наиболее выдающихся членов партии (Вильям Поль, Бель, Макманус, и др.), фактически уже присоединилось к Б. С. П., но большинство продолжает критически относиться к Б. С. П., находя позицию ее оппортунистической. Оно отвергло даже компромисс, предложенный Б. С. П. и принятый меньшинством; смысл этого компромиса был следующий: вопрос об участии в Рабочей Партии должен быть подвергнут всеобщему голосованию всех членов новой партии через три месяца после основания. Другими словами, большинство С. Р. П. хочет заранее ограничить с уверенитет новой партии. С. Ф. Р. готова оспаривать вопрос о парламентаризме открытым с сохранением за собою права поднять его в новой партии, но так как С. Р. П. не хочет сливаться с Б. С. П., то и С. Ф. Р. отказывается сделать этот шаг, боясь, по ее словам, оказаться в меньшинстве против «умеренного» крыла. Ее поддерживают Южно-Уэльсцы, которые без С. Р. П. не хотят сделать ни шагу. Конфликт еще не разрешен и поныне, но он долго продолжаться не может. Возможно, что меньшинству С. Р. П. в конце концов удастся перетянуть на свою сторону

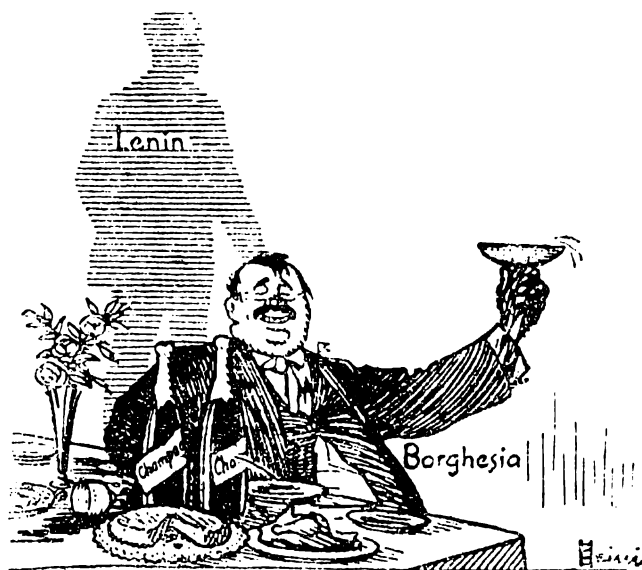
и остальную часть партии, члены которой очень плохо разбираются в спорном вопросе и не могут преодолеть старого антагонизма к Б. С. П. Если это удастся, то для остальных двух групп не будет ни основания ни предлога оставаться в стороне. Если же спартаки меньшинства не увенчаются успехом, то Б. С. П. вместе с ним образуют коммунистическую партию, предоставляя остальным поступать, как они найдут нужным.

Так или иначе, и в Англии скоро образуется коммунистическая партия, которой выпадет на долю подготовить рабочий класс к «октябрьской» революции. Задача партии будет заключаться не только в теоретической пропаганде программы интернационального коммунизма, но и в решении целого ряда трудных тактических вопросов. Коммунистическая партия должна будет признать, что ближайшее будущее, во всяком случае, принадлежит не ей, а английским шейдеманам, и что рабочая масса учится не на теориях, а на опыте. Соответственно этому, лучшая тактика будет заключаться в том, чтобы помочь рабочему классу как можно раньше и как можно быстрее проделать опыт с рабочим правительством шейдемановского типа, избегая всего того, что может помешать рабочему классу изжить этот опыт в самый короткий срок. Коммунистическая партия должна решительно требовать «всей власти рабочему классу», не взирая на то, что осуществление такого требования, в первую голову, поставит у власти злейших ее врагов. С другой стороны, она должна остерегаться заразы оппорту-

низма, который из стремления коммунистов «развязать» революцию путем образования рабочего правительства легко постарается сделать тот вывод, что они должны помогать ему, воздерживаясь от всякой критики и всяких самостоятельных выступлений. С одной стороны, бороться вместе со всем рабочим классом за рабочее правительство; с другой, путем агитации за коммунистическую программу, подготавливать с самого же начала умы рабочего класса к борьбе против соглашательской политики, — такова задача, которую наша партия должна будет поставить себе и решение которой в Англии будет тем труднее, что бунтарство и оппортунизм не только в массах, но и в отдельных личностях нигде не переплетаются так тесно между собою, как в Англии, классической стране индивидуализма.

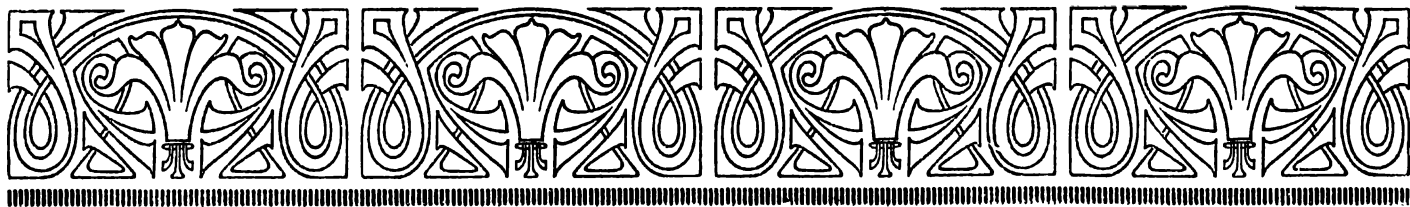
Впрочем, выработка программы действий коммунистической партии в Англии не входит в задачу настоящей статьи, цель которой заключается лишь в том, чтобы наметить ближайшие перспективы революционной борьбы английского пролетариата. Резюмируя в нескольких словах вышеизложенное, можно сказать, что одной из первых стран, которые последуют примеру России, где капитализм был развит менее всего, может легко оказаться Англия, в которой капитализм достиг своего наивысшего развития. Такая историческая симметрия не окажется случайной.

Английский Коммунист.

Валтазаров пир.

(«Аванти»).

СЪЕЗД БРИТАНСКИХ КОММУНИСТОВ.

Недавно в Лондоне состоялся девятый годичный конгресс Британской Социалистической Партии — главной коммунистической организации Великобритании. Этот конгресс был во всех отношениях — как по своему составу, по глубине и серьезности прений, так и по революционной энергии и воодушевлению участников его, — несомненно наиболее выдающимся из всех когда-либо имевших до сих пор место собраний британских коммунистов.

Заседания конгресса происходили в помещении Тоун-Голл, в Бетнал-Грине — восточном предместье Лондона, в муниципалитете которого преобладающим влиянием пользуются представители Рабочей Партии. Мер Бетнал-Грина, большевик, товарищ И. И. Воган, приветствовавший конгресс от имени рабочих пригорода, был единогласно избран председателем съезда. Воган — старый революционер — социалист, один из вождей пред-юниона электриков, принадлежавшего к числу наиболее революционных британских пред-юнионов. Его вступительная речь представляла собою мастерское изложение мировых событий с точки зрения III Интернационала и коммунистического рабочего класса.

Он указал, что кризис капитализма несколько не уменьшился за последнее время, а еще более обострился с ускорением темпа исторического развития. Классовая борьба не приняла более мягких форм. Напротив того, она стала еще более ожесточенной. Государственным деятелям пришлось снять маску лицемерия, и они вынуждены были открыто выступить как враги трудящегося рабочего класса, отказавшись от своей прежней роли благожелательных третейских судей, стоящих в стороне от схватки. Коснувшись различных экономических конфликтов, имевших место впечатление истекшего года, и воздав должное официальным вождям рабочего класса Англии за их изменническую компромиссную и оппортунистическую политику, — Воган указал, что хозяйственная разруха и экономический распад в Великобритании являются не только наследием войны, но также последствием разрушения экономической жизни европейского континента, — разрушения столь великого, что при капитализме нет средств для его преодоления. Капиталистические страны не в состоянии ни продавать, ни покупать что бы то ни было. Это какая-то «пляска смерти», участники которой неизбежно должны погибнуть один за другим. Капитализму, остается жить всего лишь несколько часов, он корчится уже в предсмертных судорогах.

Ни один общественный строй не соглашался добровольно умереть — и капитализм, недавно еще справлявший кровавую оргию, полон безумной жажды жизни; он борется со смертью с диким ожесточением. Вспомним, например, о том, какую упорную борьбу он вел в течение последних двух лет в России, с какой опьяняющей энергией он боролся за свое существование в Венгрии и Баварии, с какой настойчивостью он отстаивает каждую пядь своей власти в Германии! Поскольку об этом можно судить по спорам, Россия, по видимому, пока все еще остается единственной страной, в которой революция сделала значительные успехи. Капитализм оказался достаточно сильным для того, чтобы нанести поражение капитализму же, — но он оказался не в силах победить социализм, — вот великий урок истории. Россия указывает тот путь, на который мы все должны будем вступить: сначала революция, затем труд на общую пользу. Через несколько лет Россия станет самой богатой и самой счастливой страной в мире. Поразительный рост III Интернационала, — второго замечательного создания русских коммунистов, — служил красноречивым доказательством того, что революция развивается гораздо быстрее, чем это может показаться поверхностному наблюдателю. Куда мы ни обращаем наш взор, всюду мы видим сильное брожение масс и несомненную тягу социалистических партий к коммунизму. Конечно, в каждой стране есть не мало элементов, подобных Независимым социалистам Германии и французским социалистам большинства, которые все пытаются усесться между двух стульев. Но то обстоятельство, что большинство этих господ решило уже махнуть рукой на «правый стул», — достаточно ярко характеризует создавшееся положение, и всякие разговоры об образовании IV-го или смешанного, на половину третьего, на половину четвертого Интернационала представляются лишь пустой тратой слов. Товарищ Воган закончил свою речь вдохновенными возгласами в честь революционного коммунизма и Третьего Интернационала, вызвавшими просекратный взрыв аплодисментов.

В рамках настоящей статьи мы можем лишь вкратце рассказать о наиболее важных моментах работы съезда.

Первым пунктом порядка дня был вопрос о дальнейших шагах, необходимых для того, чтобы заставить британское правительство убраться со своими лапами прочь от Российской Со-

циалистической Республики и выступить в окончательные переговоры о мире с Советским Правительством. В связи с этим вопросом автор настоящей статьи ознакомил конгресс с пламенным воззванием, полученным нами от Амстердамского Бюро Третьего Интернационала и содержащим призыв к устройству всеобщей забастовки первого мая.

Затем тов. Мэри Бэмбер от имени Исполнительного Комитета внесла следующую резолюцию:

«Съезд Британской Социалистической Партии выражает свое восхищение безграничным мужеством и славными подвигами русских рабочих и крестьян, которые показали всему миру пример, создав Социалистическую Республику и этим впервые в истории осуществив заветную мечту человечества. Съезд с негодованием осуждает правительство Британии и союзных держав за помощь, оказанную ими царским генералам и капиталистам контр-революционерам, и шлет свой привет Советскому правительству, поздравляя его со все новыми и новыми военными успехами Красной Армии, продолжающей оказывать сопротивление соединенным силам мирового капитализма. Съезд обращает внимание организованных рабочих Англии на воззвание, выпущенное Зап.-европейским Секретариатом Коммунистического Интернационала о всеобщей забастовке в день Первого Мая, с целью поддержания требований о мире с Россией и полном признании Советского Правительства; съезд принимает в обязанность всем группам и отдельным членам Британск. Соц. Партии сделать все, что в их силах, для достижения полного прекращения работ в Майский День в знак солидарности британских рабочих с Российской Советской Республикой».

Эта резолюция, которую поддерживал также товарищ Джордж Эбери, один из наших национальных организаторов и пропагандистов, была принята единогласно при громких криках одобрения.

От России мысль всех участников съезда сама собой обратилась к Германии, к той отважной борьбе, которую революционные германские рабочие ведут против коалиции социал-предателей и буржуазных политиков, стоящих сейчас у власти в германской республике. По этому вопросу товарищем Ф. Уиллис, издателем партийного органа «Призыв» («The Call»), была предложена резолюция следующего содержания:

«Съезд Брит. Соц. Партии, еще раз подчеркивая все значение международной солидарности рабочего класса, с радостью приветствует восстание германских рабочих против милитаристско-капиталистической клики, которая стремится сохранить свое господство над ними. Съезд заявляет, что он считает своим долгом употребить все свое влияние на организованных британских рабочих для того, чтобы прекратить всякую поддержку реакции со стороны Англии и всеми возможными средствами помешать постыдной блокаде, которую британский и американский капитализм угрожают Советской Германии. Вместе с тем, съезд с возмущением клеймит деятельность этих предателей социал-демократов, которые изменой и обманом помогли германским капиталистам разбить революционное движение. Германская революция не есть отдельное событие национального характера; это — одна из фаз мировой революции и поэтому, мы заявляем о своей солидарности с нею и шлем привет нашим товарищам, борющимся за освобождение рабочего класса.

Эта резолюция была также принята единогласно с поправкой, предложенной товарищем Джоном Маклином, в которой говорится, что если союзники перейдут Рейн, то Брит. Соц. Партия приложит все усилия к тому, чтобы вызвать всеобщую забастовку всего британского рабочего класса.

Затем на заседании было прочитано письмо представителя Коммунистической Рабочей Партии Америки, находящегося в настоящее время в Англии — и обращающегося к британским рабочим с просьбой о поддержке американских коммунистов, подвергающихся жестокому преследованию со стороны капиталистического правительства Америки.

Была единогласно принята резолюция с выражением протеста и сочувствия, в которой, между прочим, упоминалось о деле Дебса и говорилось о том, что съезд поручает Исполнительному Комитету обсудить вопрос о национальной кампании протеста против белого террора в Венгрии, Германии и Америке.

В ряде резолюций конгресс заклеил Версальский договор, как разбойничий мир, заключающий в своих условиях явные и тайные аннексии, угнетение малых народностей и превращение их в жалкие марионетки в руках империалистских великих держав; конгресс выразил свое негодование по поводу британской империалистской политики в Индии, Египте, Ирландии и в др. странах и обратился с приветствиями от имени рабочих Англии к народам этих стран; далее, признавая, что лишь коммунизм может положить конец войне народов, дать всем национальностям гарантию независимости и побудить их к мирному сотрудничеству, он обратился ко всем членам Брит. Соц. П. с призывом — напрячь все силы к поднятию масс на борьбу за победу Третьего Интернационала во всем мире.

Поводом к самым интересным прениям о партийных задачах и партийной политике послужила следующая резолюция, внесенная товарищем Г. Ф. Ходгсоном от имени Исполнительного Комитета:

«Съезд Брит. Соц. П. еще раз подтверждает признание Партией коммунистической платформы, что является существенно важным моментом ее революционной позиции по отношению к государству при условиях текущего момента. Наступило время для уничтожения капиталистического строя и для установления коммунистического общества, в котором каждый будет работать на общее благо и каждый будет иметь свою долю в общем продукте труда и в общих благах жизни. Для этой цели рабочий класс должен установить свое собственное безраздельное господство, вместо господства капиталистического и помещичьего классов, и преобразовать государство на основе перехода всей государственной власти к рабочим советам, непосредственно избранным рядовыми рабочими по предприятиям и подчиненным их непосредственному контролю. Съезд не питает веры в то, чтобы парламентские учреждения оказались способными к осуществлению этой политической и социальной революции, так как они по самому своему смыслу, по своему устройству и порядку функционирования предназначены исключительно

для того, чтобы служить интересам одних только капиталистических классов; съезд считает всемирную организацию рабочего класса в такие советы и их непосредственное действие единственным путем к осуществлению такой революции. Съезд возлагает на обязанность Партии—вести неустанную пропаганду этих взглядов среди рабочего класса, пользуясь для этой цели, наряду с другими средствами, и самым парламентским и другими учреждениями, которые она хочет уничтожить, в качестве общественной трибуны и таким образом, вместе с Третьим Интернационалом, к которому она принадлежит, помогать рабочему классу устроить коммунистическую революцию и создать коммунистическое общество».

При обсуждении этой резолюции выступали и представители той небольшой группы, все еще остающейся в рядах Брит. Соц. П., которая не хочет безоговорочно признать программу революционного коммунизма. Главный оратор этой группы на конгрессе, товарищ Ф. А. Брод, председатель «Товарищества специалистов, изготавливающих научные инструменты», внес поправку, которая, не отвергая основ коммунистической программы—диктатуры рабочего класса, советской системы и революционного массового действия, — особенно подчеркивала необходимость применения парламентских и так называемых «конституционных» методов. Точка зрения подавляющего большинства членов партии была, однако, совершенно ясна и не двусмысленна. Поправка была отвергнута большинством 80-ти голосов против 20-ти, а резолюция Исполнительного Комитета была принята большинством 82-х голосов против 16.

Другим, — и не менее важным, — предметом обсуждения послужил на съезде вопрос об объединении организаций левого революционного крыла в единую коммунистическую партию. В представленном по этому вопросу автором наспоющей статьи от имени Исполнительного Комитета докладе был изложен ход затянувшихся переговоров в течение последних девяти месяцев; в своем докладе я дал подробный отчет о разных совещаниях, происходивших совместно с другими организациями (Социалистической Рабочей Партией, Социалистической Федерацией Рабочих и Южно-Уэльским Социалистическим Обществом) и указал на пункты расхождения, которые все сводились к вопросам о тактике, как это рано или поздно оказывалось. Б. С. П., считаясь с мнением своих членов, которое было выражено как на конгрессе, так и путем голосования, признала необходимым присоединение к Брит. Рабочей Партии, для того, чтобы революционное движение могло сохранять связь с массами организованных рабочих. Тем не менее, для того, чтобы достигнуть объединения, наша партия пошла в этом пункте на значительные уступки, и по предложению делегатов Социал. Рабочей Партии было решено, что вопрос об отношении новой Коммунистической Партии к Рабочей Партии должен быть окончательно решен путем референдума в новой партии, спустя три месяца после ее основания. Однако, Исполн. Комитет

Соц. Раб. П. потом отверг весь этот проект и отказался от послышки делегатов на Объединительную Конференцию. Позже Брит. Соц. Партия опять выпалась возобновить переговоры и пошла даже на еще более значительные уступки, так что теперь уже не должно было быть никаких препятствий к объединению всех коммунистов. Она согласилась даже не настаивать на решении вопроса о присоединении к Рабочей Партии в общепартийном масштабе, с тем, чтобы отдельным группам Коммунистической Партии была предоставлена автономия, т.е. право самостоятельно организовывать свои отношения к местным организациям Рабочей Партии (предложение это вначале также было выдвинуто делегатами Соц. Раб. Партии), и чтобы мы, в качестве отдельных членов Коммунистической Партии, имели право отстаивать идею вхождения в Рабочую Партию. Однако, и эта уступка не была принята; Соц. Раб. П. категорически заявила, что она ни в каком случае не согласится объединиться с Брит. Соц. П., и мы к сожалению, должны были убедиться и в том, что Социалистическая Федерация Рабочих (W. S. F.) также не желает объединения. Ни для кого, однако, не было тайной, что значительная часть членов Соц. Раб. П. была глубоко возмущена отношением к этому вопросу Исполнительного Комитета Партии, находившегося под сильным влиянием партийных традиций и старой вражды, давно потерявшей всякую реальную почву; и эта часть дала понять, что она склонна продолжать переговоры с Брит. Соц. П. Ввиду этого, я просил съезд, если он одобрит сделанные нами уже в этом направлении шаги, принять постановление в том смысле, что несущественные разногласия по тактическим вопросам не должны служить помехой к объединению, и уполномочить нас вести дальнейшие переговоры. Конгресс, большинством 90 голосов против 16, принял предложенную мною резолюцию и дал Исполнительному Комитету требуемые полномочия. Не следует, однако, думать, что эти 16 голосов были поданы противниками объединения. Напротив, они были поданы инициаторами, которые боялись, что Исполнительный Комитет не будет действовать достаточно быстро и которые желали, чтобы ведение переговоров было поручено особой комиссии, избранной съездом.

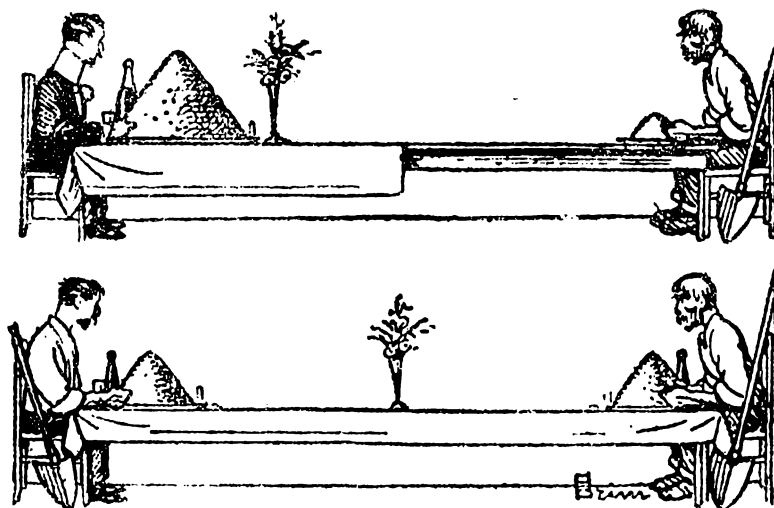
В настоящее время мы получили сведения о том, что движение в пользу объединения уже приняло в среде Соц. Раб. П. вполне определенную форму и что имевшая место в Ноттингэме неофициальная конференция Соц. Р. П., на которой присутствовали представители из всех округов страны — в том числе все выдающиеся агитаторы и пропагандисты Соц. Р. П., — выбрала комиссию для переговоров об объединении с Бр. С. П. Мы должны теперь попытаться возобновить переговоры с другими организациями, и, поскольку это зависит от нас, никакие мало-важные вопросы тактики не послужат пре-

написавшем к полному объединению всех коммунистов. Между прочим, наши взгляды на отношение коммунистической партии к широкой массе организованных рабочих, представляемой Рабочей Партией, нашли себе полное подтверждение в письме о «Парламентаризме и борьбе за Советы», опубликованном товарищем Зиновьевым от имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. В письме этом доказывается необходимость использования коммунистами буржуазного парламента, как превосходной трибуны для пропаганды идеи про-

летарской революции. «Находясь в стане врагов», говорит Зиновьев, «они (коммунисты) закладывают мины под врага». Именно так, — и находясь внутри политической организации медленно пробуждающихся масс, мы также «закладываем мины под наших врагов» — социал-патриотических и оппортунистических лже-вождей, и медленно, но верно привлекаем массы на свою сторону.

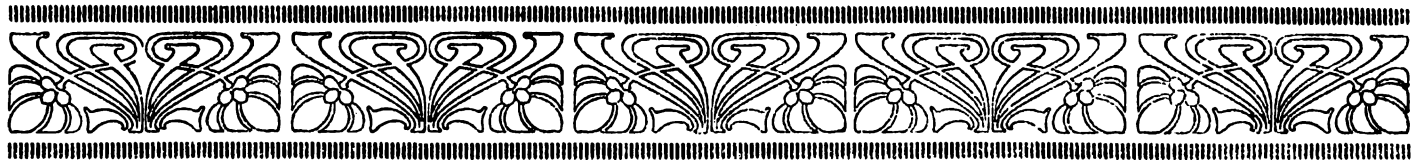
Альберт Инклин.

Секретарь Б. С. П.

От капитализма к коммунизму.

(«Аванти»).

БОРЬБА С ГОЛОДОМ В РОССИИ.

В момент, когда голод грозит стать мировым явлением, как яркое выражение несостоятельности капиталистического общественного строя и как прямое последствие империалистической мировой войны, представляется чрезвычайно важным проследить историю борьбы с ужасающей продовольственной нуждой в России, которая раньше других стран очутилась лицом к лицу с голодом и которой пришлось испытать на себе различные системы борьбы с голодом, отвечающие различным социально-политическим системам. Сделав это тем более необходимо, что материалов для беспристрастного исторического изучения продовольственных мероприятий в России накопилось немало, и они ждут своего освещения.

История борьбы с голодом в России может быть разбита на три периода, имеющих самостоятельное значение. Первый период относится к эпохе царского правительства, когда страна задыхалась в тисках бюрократического, полицейского режима; второй — к недолгой эпохе временного правительства, осуществлявшего диктатуру буржуазии; наконец, третий — к эпохе советской власти, являющейся выражением диктатуры пролетариата и бедного крестьянства.

Продовольственный кризис начал давить о себе знать уже в первые месяцы мировой войны. При этом обострение продовольственного положения явилось не как результат недостатка продуктов, а как результат особой экономической конъюнктуры, созданной войной и оказавшей весьма благоприятной для развития спекуляции.

В то время, когда рабочие и крестьяне вынуждены были из под палки приносить неисчислимые жертвы на алтарь бессмысленной и преступной войны, затеянной правящими классами, капиталисты крупного и мелкого размера и помещики наживались на военных заказах, на всевозможных выгодных комбинациях с государственными бумагами и на тендерции всех рыночных цен к беспрепятственному и неуклонному повышению. В частности, рыночная стоимость хлебов за первые 9 месяцев войны, по отношению к средним ценам за 1913—1914 г. поднялась на 23—109%.

Надо ли доказывать, что царское правительство, опиравшееся на помещичий класс и немногочисленную плутократию, органически не в состоянии было проявить необходимую чуткость к продовольственной нужде широких трудящихся масс, усилившейся изо дня в день, благодаря непрерывно возрастающей дороговизне? Оно должно было проводить такую экономическую политику, которая не лишала бы господствующие классы

открывшейся возможности безграничного и легкого обогащения.

Вот почему царское правительство не сразу обратило внимание на непомерный рост цен. Вот почему оно сначала подошло к решению продовольственного вопроса лишь с точки зрения обеспечения армии, и только потом уже, когда вздорожание жизни начало вызывать ропот со стороны прудящихся, сделало попытку охватить нарастающий продовольственный кризис во всем его объеме.

Понятно, что, в зависимости от этого, и мероприятия, которые в продовольственной области проводились царским правительством, носили случайный и паллиативный характер. Кроме того, — и это самое главное — они были проникнуты не столько желанием действительно преодолеть продовольственные трудности, сколько стремлением не обидеть хищников и шакалов, наживавшихся на войне и на нужде неимущих классов.

Организация заготовки хлеба для армии через особых уполномоченных, которыми в большинстве случаев являлись представители земства, т. е. землевладельцы, заинтересованные в высоких хлебных ценах; установление предельных цен на хлеб и в то же самое время предоставление уполномоченным возможности обходить эти цены; урегулирование торговли продовольственными продуктами через губернаторов, которым было предоставлено право устанавливать таксу на главные продукты потребления — таковы продовольственные мероприятия, на которые опоживалось царское правительство до второй половины 1916 года. Держатели продуктов и поваров быстро приспособлялись к каждому правительственному мероприятию, превращая его в конечном итоге в средство для дальнейшего повышения цен.

Только в конце 1916 года, когда в городах и промышленных центрах наступил форменный голод, вызвавший ряд забастовок на фабриках и заводах, и когда армия осталась почти без запасов, царское правительство, после долгих колебаний, решилось стать на путь принудительного изъятия хлеба посредством разверстки.

Но мера эта, во-первых, оказалась запоздавшей, — дни царского самодержавия уже были сочтены, — во-вторых, проведение ее было не по силам правительству, опиравшемуся на немногочисленную клику капиталистов и помещиков, так как для этого необходимо было применение вооруженной силы по отношению к крестьянству, которое война приучила не только к высоким хлебным ценам, но и к революционным выступлениям.

Все продовольственные мероприятия царского правительства были построены на основе свободной торговли, в которую им вводились лишь незначительные коррективы, и мероприятия эти, как показал опыт, положительных результатов не дали. Свободная торговля и «свободная игра — соревнование экономических интересов» не могли предотвратить развитие продовольственного кризиса, создавая для нарастания последнего в условиях мировой войны чрезвычайно благоприятную почву.

Неудачной попыткой царского правительства получить хлеб путем принудительной разверстки закончился первый период борьбы с продовольственным кризисом в России. С образованием временного правительства продовольственная политика вступила в новую стадию развития.

Промышленная буржуазия отнюдь не желала путем неизбежного повышения заработной платы, необходимости которого вынуждалась непрекращавшимся ростом цен на продовольственные продукты, перекладывать часть прибыли из своего кармана в карманы помещиков и зажиточных крестьян, и поэтому за несколько месяцев до революции она подняла кампанию за установление твердых цен на хлеб и за урегулирование всего дела снабжения населения главнейшими продуктами питания. Естественно, что, получивши власть в свои руки, буржуазия не замедлила перенести решение продовольственного вопроса в новую плоскость.

Мартовским законом 1917 г. о хлебной монополии временное правительство объявило хлеб собственностью государства, установив обязательность сдачи государственным органам хлебных излишков по твердой цене. Этим актом был сделан шаг вперед по отношению к хлебной разверстке царского правительства: пробивалась первая серьезная брешь в твердыне свободной торговли, на почве которой процветала спекуляция, создавая продовольственные затруднения; при этом помещики, утратившие власть, а также и крестьянство в порядке повинности призывались приносить жертвы на алтарь отечества в целях облегчения продовольственного кризиса.

Оказавшись у кормила государственного корабля промышленная буржуазия представляла себе дело чрезвычайно просто. Она думала, что можно, установив твердую цену на хлеб и уничтожив свободную хлебную торговлю, оставить в руках спекулянтов предметы обрабатывающей и добывающей промышленности, необходимые деревне, не нарушая принципов свободной торговли, вообще, и не покушаясь на капиталистические основы производства, что на практике означало экономическое закабаление сельского хозяйства промышленному капиталу.

Если бы власть буржуазии была не прозрачной и если бы у временного правительства была реальная сила, то намеченный курс продовольственной политики, может

быть, и увенчался бы успехом. Но «бодливой корове», история в данном случае, «не дала рогов».

Революция пробудила творческие силы в рабочем классе, который не мог остановиться на полумерах. Что касается революционно настроенной деревни, то, сбросив политическую власть помещичьей клики, крестьянство стремилось, во что бы то ни стало сбросить с себя старые экономические цепи и идти в новую кабалу не имело никакого желания.

Все это, взятое вместе, заставляло правительство лавировать между Сциллой и Харибдой. Временное правительство, с одной стороны, объявило хлеб собственностью государства и приступило к введению государственной хлебной монополии, с другой — вынуждено было пойти на уступки и передать дело осуществления хлебной «реформы» в руки крестьянства, преимущественно зажиточной части его, заинтересованной в свободной хлебной торговле; вынужденное считаться также и с требованиями голодающих рабочих, временное правительство, чтобы подкупить деревню, пыталось наладить товарообмен, но, в то же самое время, верное интересам представляемой ею буржуазии, оно не способно было, да и не хотело провести ни одной меры, которая в этом отношении могла бы дать реальные результаты.

Нет ничего удивительного в том, что продовольственная политика временного правительства, направленная своим острием против крестьянства и в то же самое время покоящаяся на соблюдении интересов промышленного капитала, требовавшего сохранения свободной торговли и прежних частных правовых отношений в промышленной жизни, провалилась с таким же треском, с каким провалились и продовольственные мероприятия царского правительства. Характерно, что последним заключительным аккордом в продовольственной деятельности временного правительства была угроза применения силы для извлечения хлеба из деревни: временное правительство кончилось тем, чем кончилось и царское правительство, тоже угрожавшее насильем не желавшей подчиниться правительству деревне; но ни то, ни другое правительство не имело возможности осуществить свою угрозу.

Продовольственный вопрос превратился в сложный узел запутанных политических и экономических вопросов, разрубить который мог только класс, заинтересованный в разрушении старого и в создании нового социально-политического строя. Только этот класс мог противопоставить свободной конкуренции и свободной торговле силу государственного принуждения, во имя борьбы с голодом.

Таким классом был рабочий класс, взявший вместе с крестьянством власть в свои руки в октябре 1917 г. Ему не зачем было потворствовать хищническим аппетитам обще-

ственных групп, наживавшихся на войне и на народной нужде, и то, на что органически не способны были царское правительство и временное правительство, оказалось вполне возможным для правительства рабочих и крестьян.

Все продукты массового потребления должны быть взяты на учет государством и распределяться по принципу—кто не работает, тот не ест; все производители должны получить за отчуждаемые у них предметы справедливую твердую цену; крупные и средние производственные предприятия должны быть национализированы, также как и частная торговля. Такова продовольственная политика советской власти, которой характеризуется претерпевший период истории борьбы с голодом в России.

Враги рабоче-крестьянского правительства указывают на то, что новый курс продовольственной политики не спас Россию от голода. Это—верно: голод в России стал сильнее в последние годы.

Но что же отсюда следует? то ли, что продовольственная политика советской власти не отвечает интересам голодающего населения? Или то, что сложный узел вопросов, составляющих продовольственную проблему, спутан, а сами вопросы, производным которых является продовольственная задача, далеко еще не разрешены?

Для всякого должно быть ясно, что голод в России—не побежден, так как новый общественный строй, идущий на смену капиталистическому, рождается в невероятных муках. Победить голод в современных условиях, значит, окончательно и бесповоротно сломать сопротивление буржуазии, изжить последствия империалистической войны и главнейшие отрицательные стороны переживаемого переходного времени и построить—как политическую, так и хозяйственную жизнь страны на совершенно новых началах.

А это—задача, которая не может быть разрешена в короткий срок. Для разрешения ее надо затратить многие и многие годы труда. Трудность этой задачи усугубляется еще и тем, что, сжатая железным кольцом врагов, советская Россия представляет из себя в настоящее время осажденную крепость, и рабоче-крестьянскому правительству приходится употреблять героические усилия для самозащиты.

Оценивать советскую продовольственную политику в отношении настоящего момента надо с иной точки зрения. Надо спросить себя: что получили бы трудящиеся массы в условиях, созданных империалистической войной, если бы у власти стояла помещичья клика или если бы власть находилась в руках буржуазии?

Если свободная торговля не могла предотвратить назревание продовольственного кризиса ранее, когда народное хозяйство еще не было потрясено до основания войной, то, разумеется, при теперешнем обесценении денег и бесповороти она и подавно не могла бы

остановить возрастания продовольственной нужды. Свободная торговля в условиях современности обеспечила бы только свободу наживы и улучшила бы снабжение имущих классов, ничего не давая трудящимся.

Все то немногое, что попадает от производителя на рынок, если бы власть в стране не принадлежала рабочим и крестьянам, доставалось бы буржуазии. Имущим же доставались бы и те жалкие остатки товаров, которыми в настоящее время располагает страна.

Основной задачей советской продовольственной политики является: дать рабочему, дать беднейшему и среднему крестьянину все, что можно, и давать буржуазии лишь постольку, поскольку это не нарушает интересов рабочих и крестьян. Разрешение указанной задачи было бы невысказано при отказе от тех основ продовольственной политики, которые указаны выше.

Пусть советская власть дает мало рабочим и крестьянам. Но она дает все, что есть у нее, и ни от какой другой власти они не получили бы того, что получают от нее.

Переходя к главному вопросу, стоящему в центре продовольственной проблемы, к вопросу о хлебе, надо указать, что, несмотря на трудность получения хлеба от крестьянина при полном обесценении денег и отсутствии товаров, советской власти удалось то, что не могло удасться ни царскому, ни временному правительству, а именно—ввести хлебную повинность. Впечатление десяти месяцев 1917—1918 гг. советские органы в порядке повинности получили у деревни для голодающего населения только 30 милл. п., в 1918—1919 гг. (за год)—110 милл. п.; в текущую заготовительную кампанию за 9 месяцев, начиная с 1-го августа 1919 г. по 1 мая 1920 г., заготовлено хлеба 165 милл. пудов.

Получить хлеб у крестьянина—самая трудная задача. Если с указанной задачей советская власть справляется, а теперь это уже можно сказать,—из года в год лучше, то, следовательно, избранный ею в продовольственной области путь является правильным.

Голод становится мировым явлением. Всюду буржуазные правительства пытаются бороться с ним средствами, испытанными господствующими классами в России, и всюду голодные рабочие массы разочаровываются в этих средствах.

Русский рабочий класс первый взял власть в свои руки. Он первый пошел тяжелым путем, преодолевая неслыханные трудности и стремясь к уничтожению нужды в будущем и ослаблению голода в настоящем за счет буржуазии...

Рабочие всюду неуклонно идут к власти; полкаемые голодом они пойдут в борьбе с продовольственной нуждой именно тем путем, на который вступили русские рабочие. И голод будет побежден—во всем мире!..

А. СВИДЕРСКИЙ.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ.

I

Болгария страна крестьянской мелкой собственности. Поэтому успех коммунистического движения в Болгарии принято считать невозможным, и болгарская буржуазия уверяет Европу, что в Болгарии большевизм не имеет почвы.

Несмотря на это, в стране существует сильное коммунистическое движение, непрерывно возрастающее.

Где кроются причины этого, и каковы возможности пролетарской революции в Болгарии?

После мирного договора народонаселение Болгарии вряд ли превысит 4 миллиона. 80% этого населения составляют крестьяне и 20% — городские жители.

Частно-владельческие земли составляют около 45 миллионов декаров *) и распределены между 495.000 сельскими хозяйствами, т. е. на каждое хозяйство приходится около 91 декара земли.

30.000 хозяйств имеют земли	до 20 декаров
145.000 « « «	от 20 « 50 «
175.000 « « «	50 « 100 «
95.000 « « «	100 дек. и больше.

Крупных земледельческих имений с землей более 1.000 декаров насчитывается 936.

В социальном отношении первые две категории хозяйств с землей до 50 декаров, обслуживаются группами малоземельных и безземельных, т. е. тех крестьян, которые главным образом занимаются наемным трудом, или хотя и обрабатывают свои хозяйства, но все же вынуждены искать, чтобы прокормиться, дополнительного наемного труда. Это — класс сельских пролетариев и полупролетариев.

Третью группу образуют средняки с землей от 50 до 100 декаров; они сами, без наемного труда, обрабатывают свои хозяйства; это класс трудового крестьянства.

Четвертая группа, с землей от 100 декаров и больше, составляет категорию богатых крестьян, которые для обработки своей земли пользуются и наемным трудом; это класс сельских эксплуататоров, «кулаков».

Число этих трех социальных групп в деревне (считая вместе рабочее и нерабочее население) находится в следующем отношении: безземельных и малоземельных 45%, трудовых крестьян около 36% и группа сельских эксплуататоров — около 19% всего сельского населения.

Городское население, насчитывающее всего около 900.000 человек, распределяется приблизительно следующим образом: пролетарский и малоимущий классы составляют около 62%, трудовая мелкая буржуазия, не эксплуатирующая чужого труда, около 25% и эксплуататорская буржуазия около 13%.

Таким образом, во всей стране класс рабочих и малоимущих составляет больше половины всего населения; трудовой класс, не эксплуатирующий чужого труда — около 33% всего населения, и класс городской и сельской буржуазии — не более 17% всего населения. Чисто пролетарский класс составляет более 20% всего

населения. Таково, приблизительно, соотношение классов в Болгарии.

До войны (1911 г.) все национальное богатство страны исчислялось в 10 1/2 миллиардов левов, общий же национальный доход в 1.650.000.000.

Торговый баланс страны в 1911 г. был: ввоз 199 миллионов левов, вывоз 185 миллионов левов. Три четверти ввоза составляли продукты промышленности, а четыре пятых вывоза составляли сельскохозяйственные продукты.

II

До балканской войны в экономической жизни страны не наблюдалось особых кризисов. Промышленность развивалась довольно интенсивно и привлекала пролетаризированные городские и сельские массы, в особенности женщин и детей. Малоимущие крестьяне находили дополнительное приложение своему труду на железных дорогах и т. п. Трудовое же крестьянство кое-как справлялось со своим хозяйством. Хотя косвенные налоги были довольно тяжелы, но в общем налоги не были непосильными для масс. Массовые бедствия и недовольство появлялись только при неурожаях.

Но это положение совершенно изменилось после войн 1912—1918 г.

Живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь частью был уничтожен, частью изнашивается. Благодаря этому, теперь засеивается значительно меньшее количество земли, чем до войны. Следовательно, часть трудового крестьянства теперь переходит в категорию малоимущих и принуждена искать дополнительного дохода и прибегать к наемному труду; то же надо сказать и относительно большей части городской мелкой буржуазии. С другой стороны, область приложения наемного труда в настоящее время значительно сужена: новая промышленность не развивается, существующие промышленные предприятия расшатаны, транспорт разрушен и сильно сокращен, а строительство железных и шоссе дорог, пристаней и проч. совершенно прекращено. В городах и деревнях сильная безработица, которая создает условия для развития пауперизма.

В настоящее время страна производит значительно меньше, чем до войны, и ввоз в три раза превышает вывоз. Государственные расходы (не считая уплаты по новым долговым обязательствам) за 1919 г. возросли на 2 миллиарда 300 миллионов левов, а государственные долги, по болгарскому экономисту Гешеу, дошли до 27 миллиардов левов к концу 1919 г. Бумажное обращение со 110 милл. л в 1911 г. возросло до 3 миллиардов левов к концу 1919 г. Болгарская казна не знает других ресурсов для покрытия своих текущих расходов, как выпуск все новых и новых бумажек. Благодаря этому, болгарский лев теперь ценится на швейцарской бирже в 6—7 сантим. Финансовое положение страны теперь настолько отчаянно, что ни одно буржуазное правительство не берет поправит его, и об его оздоровлении не может быть и речи.

Главная тяжесть этого положения ложится, конечно, на рабочий и малоимущий классы, которые изнемогают от страшной дороговизны. Все вздорожало в среднем в 25 раз. Городское и сельское малоимущее население совершенно не может прокормиться. Благодаря этому, на общинные самоуправления было возложено задание продовольствовать население хлебом по дешевой цене; но и эта мера не может быть выполнена, так как общинные самоуправления не в состоя-

*) Декар = 0,092 десяти.

нии нести огромные затраты, нужные на это. Молоко (8 лев. за литр) совершенно недоступно для детей пролетариата, а малоимущие классы донашивают последние тряпки, оставшиеся еще от довоенного времени, так как цены на одежду теперь совершенно недоступны для них.

Бедствует также и трудовое крестьянство. Хотя цены на сельско-хозяйственные продукты также возросли, но цены на необходимые для крестьянства промышленные продукты возросли еще в большей мере. Кроме того, оно только теперь начнет уплачивать колоссальные долги обанкротившегося государства, всем бременем ложащиеся на труд и землю крестьянина. Непосильный труд, неограниченная эксплуатация и рабство ожидают его в самом близком будущем.

Зато буржуазия чувствует себя отлично. Она разбогатела и продолжает богатеть головокружительно. В руках опелельных лиц сконцентрировались капиталы американских размеров. Создалось бесчисленное множество банков и разных акционерных обществ, по всей стране происходит бешеная спекуляция, все закупается и после выбрасывается на рынок по бешеным ценам. Разгульная жизнь и роскошь, в которой тонет плупократия, является резким контрастом с черной нищетой прудаящихся.

С другой стороны, буржуазные партии потеряли весь свой политический кредит у масс. Они не только не осуществили «национальных идеалов», которыми привлекали к себе массы, но последовательно навлекли на страну две катастрофы.

III.

Сейчас же после перемирия буржуазные партии почувствовали свое бессилие. Они продали режим военного положения и цензуры и прибегли к опеке оккупационных войск Антанты. В то же время они попробовали преобразиться политически, войдя в союз с левыми, еще не управлявшими до войны, партиями, а именно с «земледельческим союзом» и «широкими социалистами». Эта стратегия обанкротившейся буржуазии увенчалась успехом. Так как недовольство масс не успело еще вылиться в определенную революционную программу, то «широкие социалисты» и Земледельческий Союз сумели сыграть роль отдушины. И действительно, эта коалиция, большинство которой составляли левые партии, благополучно управляла целый год и задержала взрыв народного негодования.

Прежде всех из «левых» пошатнулись «широкие социалисты». Городские рабочие массы, непосредственно испытывающие все бедствия и более восприимчивые в идейном отношении, первыми перешли под влияние коммунистической партии и выработали революционное сознание. Они быстро покинули «широких социалистов», после чего последние стали ненужны и буржуазии, и она удалила их от власти. Партия «широких социалистов» в настоящее время представляет уже политический труп. Ее лидеры, опозоренные перед прудаящимися массами и вышвырнутые буржуазией, принужденны были искать объединения с коммунистической партией. Последняя, протянув братскую руку всем здоровым рабочим элементам и организациям этой партии, принимающим программу и методы борьбы Коммунистического Интернационала, заявила, что с опозоренными и обанкротившимися социал-предателями, лидерами этой партии, она не может объединиться. Нет никакого сомнения, что полное и окончательное объединение и сплочение всех рабочих и революционных сил в Болгарии под знаменем коммунизма является вопросом ближайшего времени.

После того, как звезда «широких социалистов» закатилась, очередь за Земледельческим Союзом. Выросший на почве недовольства крестьянских масс управлением буржуазных партий, Союз усиливался во время хозяйственных кризисов и слабел после их ликвидации. Как представитель массового движения, он имел демократическую программу, но как выразитель интересов отсталой деревни, он в эту программу вносил реакционное социальное содержание. Во время войны Земледельческий Союз голосовал за военные кредиты и поддерживал правительство, отказавшись от оппозиционной деятельности. И только к концу войны, когда

банкротство правительства стало уже явным, он возобновил оппозиционную деятельность.

К этому времени, однако, произошла существенная перемена. Сельская буржуазия разбогатела во время войны, как от роса цен на сельско-хозяйственные продукты, так и от спекуляции ими. Она перешла в город, вмешалась в торговые сделки, начала участвовать в создании банков и акционерных предприятий. Поэтому она почувствовала огромное значение власти для своих интересов, и, таким образом, аппетит ее к власти возрос. После краха буржуазных партий единственным пригодным для этого орудием был Земледельческий Союз. Так как он до тех пор не стоял еще у власти, то имел еще кредит у широких масс, а как союз земледельческий, он обеспечивал сельской буржуазии полное господство в нем. Попытка основателя этого союза и признанного его лидера Драгиева сохранить мелкокрестьянский и демократический характер союза окончилась полной неудачей и сам Драгиев был выброшен из союза кулаками, поргамами и сельскими буржуазиями. Его единственным шефом остался Стамболийский. Он лучше всех олицетворяет стремление к власти невежественной сельской буржуазии и кулачества и обладает способностью демократическими приемами привлекать к себе несознательное племя крестьянства.

Буржуазные партии, испуганные надвигающейся волной коммунизма, прикурили под крыло Земледельческого Союза. Но в то же время они поставили себе целью приручить его и уговорить поделить власть с ними. И действительно они обуржуазили Союз, и усиление мощи коммунистической партии заставило его вступить в коалицию с буржуазными партиями и, в коалиции с ними, управлять.

Таким образом «Земледельческий Союз» в настоящее время находится уже на склоне своей политической карьеры. Правда, он оказался устойчивее «широких социалистов», потому что крестьянские массы реагируют медленнее на политические перемены, чем городской пролетариат, но и его провал — дело ближайшего будущего. Ведь недостаточно размахивать кулаками против коммунистов и этим вызывать восторг всей буржуазии; нужно будет приспосылать к неопложным делам, к разрешению наболевших хозяйственных и социальных проблем; но так как Союз ничего не в силах будет сделать, а только предоставит буржуазии широкую возможность грабить, то и кризис будет все больше и больше обостряться, а недовольство масс расти все выше. Земледельческий Союз уже успел напастить против себя городские массы. Большая часть сельского населения также недовольна им. Скоро его деятельность оттолкнет от него и остальных крестьян.

Буржуазия потеряла почву в городах, она скоро будет лишена поддержки и со стороны деревни. Перед буржуазией останется одна лишь открытая пропасть.

IV.

Болгарская Коммунистическая Партия хорошо понимает переживаемую революционную эпоху и глубоко сознает свои революционные задачи. Речь идет не о крупных или мелких реформах в рамках буржуазного общества; нужно вырвать всю власть из рук капиталистов, чтобы организовать власть трудящихся, — нужно установить диктатуру рабочих и малоимущих крестьян, как средство к осуществлению коммунизма. Формой этой диктатуры может быть только власть рабочих и крестьянских советов. Этим революционным духом пропитана вся агитационная и пропагандистская деятельность Болгарской Коммунистической Партии. Коммунистические лозунги широко распространены среди масс, и они охотно идут под красивые знамена Партии. В своей безумной алчности, буржуазия сама подрывает под собою почву, а коммунистическая партия усердно подготавливает те силы, которые сбросят ее в пропасть.

Партия постаралась возобновить связи с другими коммунистическими и социалистическими партиями соседних балканских стран. Ей удалось созвать Балканскую Коммунистическую Конференцию, которая состоялась в Софии в Январе 1920 г. с участием делегатов Болгарской Коммунистической Партии,

Югославянской и Греческой Социал. Партии; на ней была возобновлена Балканская Коммунистическая Федерация. Румынской социалистической партии помешали принять участие в конференции, но мы не сомневаемся, что и она присоединится к Б. К. Федерации. Балканская Коммунистическая Федерация должна служить первым оборонительным валом балканской революции против международной контр-революции.

V.

Еще со времени раскола с «широкими социалистами» в 1903 г. болгарские революционные социалисты «тесняки» приняли следующие основные положения революционного социализма:

1. Непримируемая классовая борьба в противовес классовому сотрудничеству или коалиции;
2. Борьба за осуществление конечных целей социализма в противовес реформизму и оппортунизму;
3. Единство профессионального и политического движения пролетариата в противовес нейтральности профессионального движения рабочих.

Для того, чтобы организовать зарождающееся рабочее движение на вышеупомянутых основах, «тесняки» нуждались:

- в крепкой сплоченной дисциплинированной партии;
- в усиленной пропаганде идей революционного социализма;
- в тесном единении партии с профессиональными союзами.

При проведении своей программы в этих трех областях они наткнулись на индивидуализм части партийной интеллигенции и на мелко-буржуазную идеологию ремесленных рабочих, вследствие чего из партии выделились известные группы, с ограниченным, впрочем, числом членов. Эти группы нашли себе место в рядах «широких социалистов».

Таким образом, цепой непрерывной самокритики и острой внутренней борьбы создалась болгарская тесняцкая социал-демократическая партия, которая, несмотря на свою немногочисленность, представляла собою организацию образцовую по дисциплине, теоретической подготовке и активности ее членов.

При экономической отсталости страны и при малочисленности пролетариата, политическое влияние болгарской революционной социал-демократии не могло быть большим. Тесняки оплочно понимали это и потому никогда не стремились к быстрой количественному расширению. Они прилагали все усилия, чтобы распространить свое влияние среди быстрого умножающегося пролетариата, организовать и воспитать его в классовом духе, и все надежды на усиление своего политического влияния в стране возлагали только на него.

В 1903 году болгарская националистическая и монархическая буржуазия организовала п. н. македонское восстание, которое должно было быть прелюдией войны с Турцией. Мы усиленно агитировали против этой авантюры, разоблачая завоевательные интенты болгарской буржуазии и монархизма и спавя на вид ее опасность, которыми грозит болгарскому народу такая политика.

В 1908 г., после объявления болгарской независимости, разразился кризис. Тесняки снова разоблачили болгарских монархистов и империалистов, которые под предлогом борьбы за «независимость» Болгарии, фактически спавили страну в еще большую зависимость от русского абсолютизма и дали возможность австро-венгерскому империализму упрочиться на Балканах аннексией Боснии и Герцеговины.

Когда разразилась Триполицанская война, балканская буржуазия, предугадывая наступление благоприятного момента для начала действий против Турецкой Империи, стала усиленно готовиться к войне. В то же время усилилось и движение в пользу союза балканских народов. Тесняки не ошиблись в значении этих фактов: они видели всю опасность этого заговора балканских династий и буржуазии с русским воинствующим абсолютизмом против свободы балканских народов и начали ожесточенную борьбу как против русских домогательств на Балканах, так и против завоевательных намерений балканской буржуазии. Накануне балканской войны тесняки вынуждены были воззвать, которое содер-

жало пророческое предупреждение, вполне оправдавшееся развитием дальнейших событий.

До этого времени влияние революционной С. Д. в Болгарии было еще слишком слабо, чтобы связать руки политикам господствующих классов. Народные массы были слишком отравлены национализмом, разобщены и инертны, чтобы оказать какое-либо сопротивление воинствующему монархизму и империализму.

Балканские войны, однако, в корне изменили это положение. Они нанесли страшный удар монархизму и милитаризму, разоблачили полную негодность и тупоумие болгарской буржуазии и дали возможность углубить классовые противоречия между буржуазией и рабочими массами. Одновременно с этим возрастал престиж революционной С. Д. и впервые стало чувствоваться ее влияние на широкие народные массы. Поскольку вообще по избирательным голосам можно судить о влиянии партии, о внезапном росте этого влияния могут свидетельствовать следующие цифры: в 1908 г. тесняки получили всего 3.000 голосов; в 1911 г. число голосов, поданных за них, достигло 13.500; в 1912 г. 14.000, а после балканской войны за тесняков было подано 52.000 голосов, что дало им 18 мандатов. 3 месяца спустя, неслыханный правительственный террор смог уменьшить число голосов только до 43.000.

По всей стране уже пронеслась могучая социалистическая волна и во всех вопросах жизни страны поведение революционной Соц. Д. имело большое значение. В парламенте наша группа вела непримиримую войну как против германофильского правительства, так и против руссофильской буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции. Мы разоблачали воинственную политику обеих буржуазных лагерей. Несмотря на военное положение, партия развернула широчайшую агитацию против вовлечения страны в войну и развила огромное народное движение против планов монархизма и всех буржуазных и мелкобуржуазных партий. Накануне мобилизации, мы выпустили энергичное воззвание против войны. Эта агитация дала хорошие результаты: мобилизация проходила вяло, и мобилизованные не подчинялись дисциплине. Испуганное правительство посягнуло тогда открыто на партию, арестовав всю парламентскую группу, подписавшую воззвание.

VI.

Последовавшие военные победы заславили руссофильскую оппозицию свернуть свое знамя и провозгласить «священное единство»; не составили исключения и «широкие социалисты». Комм. Партия, однако, осталась заклятым врагом войны. Она отвергала все военные кредиты, категорическим образом противилась всем военным мероприятиям и в самые критические моменты оставалась непоколебимой на своей революционной позиции. Она полагала, что только революционное восстание масс положит конец войне, и твердо верила, что империалистическая война всколыхнет стихию пролетарской революции. Поэтому, как на фронте, так и в тылу она вела революционную пропаганду, а за рубежом прилагала все усилия для воссоздания революционного интернационала. Ее революционные выступления особенно усилились после русской революции, и больше всего после октября. Она успела бросить и на фронте и в тылу большевистские революционные лозунги и создала большевистское настроение на фронте. Все это взбесило правительство и все буржуазные и мелкобуржуазные партии. Все партии, от правительственных до социал-патриотов включительно, объединились для борьбы против большевизма и болгарских большевиков. Начались массовые аресты, тенденциозные процессы, жестокие приговоры и расстрелы на фронте.

VII.

При таких обстоятельствах наступил разгром фронта (15-го сентября 1918 г.). Настроение среди войск было таково, что при первом незначительном неуспехе, они бросили фронт и в беспорядке кинулись домой. В окрестностях Софии произошел так наз. Радомирский бунт, в котором наша партия не принимала прямого участия. Это дало повод некоторым обвинять ее в недостатке революционности. Такое обвинение, однако, совершенно несостоятельно. Революция, к которой

стремилась Коммунистическая Партия, в то время была немислима вследствие следующих обстоятельств.

1) Силы Антанты двигались по пятам наших отступающих войск и уже через двое суток они могли быть в Софии. Маленькие территориальные размеры Болгарии не давали возможности революции развернуться и укрепиться под огнем многочисленных наступающих неприятельских войск. Для них был выгоден простой солдатский бунт, который окончательно уничтожил бы силу сопротивления страны, но они и дня не потерпели бы пролетарской и крестьянской революции.

2) В Софии имелись значительные германские части, в особенности артиллерийские, которые были посланы против взбунтовавшихся войск и разбили их. При германской оккупации в Болгарии не была возможна никакая революция.

3) Теснякая коммунистическая организация в это время насчитывала не более 600 немобилизованных членов во всей стране, из которых в Софии было не более 50 человек. При этом, за неимением аммуниционной или какой-либо другой военной промышленности, в Софии не было сконцентрированного пролетариата. При таких условиях партия оказалась бессильной предпринять какое бы то ни было массовое действие. Сам же бунт был слишком короток, чтобы дать возможность и время развернуть какую бы то ни было деятельность.

4) Участвовавшие в бунте солдаты в большинстве своем были крестьяне, горевшие желанием вернуться домой. Они пришли в Софию потому, что их путь лежал через нее. Они остановились около Софии потому, что правительство испугалось их, и после того, как ему не удалось уговорить их вернуться на фронт, встретило их пулеметами и пушками. Они наступали с оружием против Софии потому, что иначе не могли пройти домой. Если бы им даже и удалось занять Софию, они все равно разошлись бы. Это был только бунт, который в лучшем случае мог привести к власти Земледельческий Союз, и сейчас правящий в Болгарии. Никим образом он не мог бы развернуться в пролетарскую Советскую Революцию, о которой не могло быть речи в парламентской Болгарии.

После того, как бунт был потушен еще до прибытия в Софию войск Антанты, царь Фердинанд отрекся от престола. Земледельческий союз принес присягу новому царю и этим доказал, что он был только против царя Фердинанда, но не против монархизма вообще. И в настоящее время лидеры «Земледельческого Союза» прекрасно уживаются с царем Борисом и состоят его министрами.

Военная оккупация нашей страны войсками Антанты поставила нашу партию в чрезвычайные трудные условия борьбы. Военная диктатура и цензура были продолжены. При всем этом для партии наступил период бурной деятельности.

Нужно было прежде всего восстановить и поднять организации, развить их и приспособить к условиям массовой борьбы, нужно было развить революционное сознание среди демобилизованных и бунтарски настроенных масс, которые непрерывно приливали в партийные ряды и в скором времени превратили маленькую дотопле партию в могучую революционную организацию. Так, напр., если до мобилизации (1915 г.) в состав партии входило 82 городских и 22 сельских организаций с общим числом членов 3435, то к 1-му мая 1919 г. прибавилось новых 582 организации с общим числом членов в 21.577 человек. На этой важной просветительной и организационной задаче было сосредоточено внимание партии, которая успела уже создать себе один могучий и прекрасно действующий организационный аппарат, непрерывно совершенствующийся и ведущий неупоминемую устную и печатную пропаганду. Все это происходило в обстановке крупных массовых выступлений и политической борьбы.

Углекопы из угольных копей Перника начали волноваться и требовать улучшения своего положения. Болгарская буржуазия начала гнусную кампанию против этого движения, распространяя заведомую ложь, будто Антанта прекратила высылку наших пленников, так как углекопы бастуют. А «широкие социалисты» (меньшевики), шеф которых Я. Сакизов был министром труда и промышленности, старались посредством грязных

интриг разбить могучую профессиональную организацию углекопов и также нашу партийную организацию. Углекопы были милитаризованы, их систематически провоцировали, пока, наконец, властям не удалось создать инцидент, который правительство при содействии меньшевиков использовало, чтобы послать против углекопов войска с артиллерией и пулеметами, с целью разбить там нашу организацию, арестовать и послать в крепость «Сливницу» несколько сот самых сознательных рабочих. Одновременно с этим, оно возбудило процесс против вождей и требовало вынесения им смертных приговоров.

Это подлое нападение со стороны правительства вызвало бурю негодования и протесты по всей стране. Открытие судебного процесса в Софии дало повод для непрерывных демонстраций... Под их влиянием и под впечатлением победоносного наступления красных войск на Украине весной 1919 года процесс закончился сравнительно мягким приговором. Организация же углекопов окрепла еще больше и влияние нашей партии среди них возросло.

День 1 мая превратился в грандиозную народную манифестацию трудящихся масс по всей стране. Правительство было вынуждено пойти на уступки в этом вопросе и разрешить манифестацию. В этот день фактически было приостановлено все производство в стране, были закрыты все правительственные учреждения и весь трудящийся народ демонстрировал под нашими революционными знаменами.

На 27 июля партия была организована повсеместные выступления и митинги протеста против реакционной политики правительства и во имя наших партийных коммунистических лозунгов. В митингах и демонстрациях должны были участвовать и наши сельские организации и группы. В этом нашем партийном выступлении правительство усмотрело начало революции. «Социалистический» министр Пастухов, который имел претензию стать балканским Носке, не только воспретил митинги, но в буквальном смысле слова поднял на ноги все военно-полицейские силы страны и приказал задушить во что бы то ни стало теснякую попытку революции. Он объединил вокруг своей «спасательной» деятельности всю буржуазию, приглашая все буржуазные партии помогать войскам, а на свою партию «широких социалистов» возложил почетную миссию организовать шпионскую службу. Рабочая Болгария, решившая демонстрировать 27 июля с голыми руками, оказалась осажденной со всех сторон огромной военной силой. Рабочие были объявлены мятежниками, каждый, появившийся на улице, подвергался аресту, и таким образом в Софии и в других городах демонстрации не могли состояться. Центральный Комитет распорядился избегать ненужных жертв и соображаться с местными условиями. Несмотря, однако, на все это, во многих городах состоялась демонстрация, причем кое-где произошли кровавые инциденты.

«Широкие социалисты» проявили себя отчаянными контр-революционерами и окончательно опозорили себя в глазах трудящихся масс. Все их связи с массами были порваны. Законодательные выборы, назначенные на 17 августа, блестяще доказали это.

В то же самое время вся страна была залита волной систематических стачек. Рабочие всех почти профессий последовательно бастовали для увеличения заработной платы, и все стачки проходили и заканчивались с полным успехом. Благодаря этому, все профессиональные организации значительно окрепли.

Наша партия, которая была уже переименована в коммунистическую, не преувеличивая значения избирательного бюллетеня и буржуазного парламента, в котором мы всегда видели оружие буржуазии, тем не менее также повела энергичную выборную кампанию, смотря на нее лишь, как на средство для разоблачения и критики буржуазии и как на средство агитации за наши революционные лозунги. Замечательнее всего было наше влияние в деревне. Сельские пролетарии и беднейшие крестьяне встречали наше слово с несравненным энтузиазмом. Вся выборная кампания превратилась в один непрерывный коммунистический триумф. Трудовой народ не желал слушать других ораторов, разгонял их, а местами и преследовал. Выборы дали «Земледельческому союзу» 180 тысяч голосов — 85 мандатов, коммунистам 120.000 голосов — 47 мандатов и полицейским социалистам 80.000 голосов с 39 мандатами

Это было поражением как для Земледельческого Союза, так и для партии «широких социалистов», из которых каждый в отдельности ожидал, что будет иметь большинство. Но наихудшее всего было по обстоятельству, что почти во всех городах партия коммунистов шла первой, а широкие социалисты были отодвинуты на задний план. Это была заслуженная пощечина, которую им дал городской пролетариат за их предательскую политику.

Сейчас же после выборов, вследствие жилищной нужды в Софии, возникло движение бездомных. Обезумевшая «широко-социалистическая» полиция стреляла в рабочих и убивала троих. Страшное озлобление охватило трудовые массы. Во время похорон этих жертв, многочисленная толпа вела борьбу с войсками и полицией на улицах, чтобы пробить себе дорогу к кладбищу.

В сентябре, по поводу вручения нашей мирной делегации условий мирного договора, болгарская коммунистическая партия опять устроила по всей стране грандиозные митинги и демонстрации. На сей раз правительство предпочло не вмешиваться, несмотря на то, что мы самым беспощадным образом бичевали убийственную и предательскую политику болгарской буржуазии.

25 мая 1919 года был созван годичный съезд партии, — впервые после демобилизации. Этот съезд показал огромный рост партии во всех отношениях, но он основан на историческом еще и потому, что на нем партия приняла свою новую революционную программу, переименовалась в коммунистическую и единодушно присоединилась к III Интернационалу в Москве. Заседания конгресса представляли собою сплошную манифестацию в пользу коммунистических лозунгов. На этом съезде было ликвидировано так называемое антипарламентское течение в партии. Болгарская Коммунистическая партия никогда не была парламентской партией в том смысле, что она никогда не верила, что пролетарская революция произойдет через парламент. Она участвовала в выборах, потому что в выборной борьбе она видела могучее оружие для энергичной критики буржуазного общества, для разоблачения буржуазных партий и для агитации в пользу социалистической программы, а в парламенте находила прекрасное оружие для пропаганды социализма среди трудовых масс. И в настоящую революционную эпоху, пока не наступил момент открытой революционной борьбы для овладения властью, партия парламентария может играть довольно полезную роль. Так думало громадное большинство партии. Одна небольшая группа, однако, недостаточно осведомленная по этому вопросу, полагала, что Коммунистический Интернационал во всех случаях отвергает парламентское оружие и требовала, чтобы партия не участвовала в парламенте. После детального обсуждения этого вопроса съезд единодушно решил, что партия участвует в выборах в парламент, сохраняя за собою, однако, право во всякий момент, когда события этого потребуют, оставить парламент и прибегнуть к массовому революционному действию. Дальнейшие события подтвердили правильность решения съезда и теперь в партии более не упомянутых «антипарламентариев».

После выборов, на которых выдвинулись, как самая многочисленная группа, «земледельцы», — «широкие социалисты» пытались все-таки удержаться у власти. Они предлагали образовать трудовой блок, в который должны были войти: «земледельцы», как правые, «широкие социалисты», как центр и коммунисты, как левые. Коммунисты тут были включены лишь для успокоения оппозиции внутри партии «широких социалистов». На самом же деле «широкие социалисты» намеревались заключить коалицию только с земледельцами, но их планы не сбылись. Не только коммунисты отвергли их предложения, но и «земледельцы» после продолжительных переговоров, отвернулись от них и предпочли сославшись кабинет с народниками и цанковистами, — двумя консервативными буржуазными партиями.

О «Земледельческом Союзе» за границей имеют превращение понятия. Его считают чуть ли не революционной организацией, чем по вроде русских с. р. Такое впечатление сложилось вследствие некоторых бунтарских приемов его лидеров. «Широкие социалисты» также

способствовали распространению этого заблуждения, преследуя этот союз, как трудовую организацию. Такой взгляд является совершенно неправильным. Мы, коммунисты, всегда видели в Земледельческом Союзе партию сельской буржуазии и кулачества. Его действия, как правящей партии, вполне подтверждали это.

Чувствуя себя бессильным смягчить хозяйственный кризис и облегчить народные бедствия, правительство решило справиться с недовольством масс грубой силой. Оно создало многочисленную жандармерию, издавало ряд драконовских полицейских приказов и решительно поставило себе целью задушить коммунистическое движение, в чем и получило полную поддержку всех буржуазных партий.

На 7-е декабря были назначены муниципальные выборы. Из боязни, чтобы общинные советы не попали в руки коммунистов, правительство, при содействии буржуазных партий, провело закон об обязательном голосовании. С привлечением незначительных и индифферентных масс к предвыборной борьбе, буржуазия надеялась упоить коммунистическое движение. Увы, выборы принесли ей страшное разочарование. Коммунистическая партия опять вышла с победой. Мы победили в массе городов, а в остальных явились самой сильной партией. Муниципальные советы в городах: Варна, Русчук, Шумла, Плевен, Ловеч, Лом, Троян, Дубница, Пловдив, Сливен, Бургас, Ямбол и еще мн. др. уездных городах, как и многих сельских общинах, очутились в наших руках. Наша победа была настолько ярка и поразительна, что правительство нашло нужным отложить назначенные на 21 декабря выборы в Окружные Советы до более благоприятного времени.

Еще в июне 1919 г., вероятно, по требованию Антанты, правительство дало Деникину оружие в обмен на муку. Позже подобный случай повторился. Как в первом, так и во втором случае «широкие социалисты» входили в состав правительства и несут полную ответственность за помощь, оказанную русским контрреволюционерам. Коммунистическая партия нашла случай разоблачить это в парламенте и энергично протестовала. Но и после того высылка оружия и снаряжения продолжалась. Чем более критическим становилось положение Деникина, тем более услужливым делалось болгарское правительство. В Болгарии было учреждено представительство Деникина, открылось интендантство, был основан военный лагерь, началась запись добровольцев, не давшая, впрочем, никаких результатов, так как массы относились враждебно к русским контр-революционерам. Прибыло много агентов, открывших русское телеграфное агентство, которое кормило публику ложью. Буржуазия с радостью встречала этих контр-революционеров, а масса их ненавидела.

Болгарская коммунистическая партия решила усилить 21 декабря митинги протеста против действий этих контр-революционеров и их пособников в Болгарии. Для этой цели было выпущено специальное воззвание. И действительно на этот день по всей стране состоялись демонстрации. В Софии произошло столкновение демонстрантов с жандармерией, которая бросила бомбу в группу демонстрантов, причем был убит один и несколько ранено. Эта провокация была предвестником нового курса правительства.

VIII.

Дороговизна в Болгарии превзошла всякие нормы. Хлеба и других продовольственных продуктов в стране имеется довольно много, вывоз воспрещен, и несмотря на все это, цены стоят на невероятной высоте. В среднем цены на продовольственные продукты поднялись в 25 раз и непрерывно продолжают расти. Нам неизвестна такая дороговизна в другой стране, за исключением, быть может, Австрии, где дороговизна находит себе оправдание в недостатке продуктов. Главной причиной нашей дороговизны является сильная спекуляция. Во время войны, вследствие грабежа и спекуляции, в руках дельцов скопились огромные капиталы. Вновь было открыто более 200 банков, акционерных обществ и проч., с крупными капиталами. В этих банках и предприятиях концентрируется не менее 1 миллиарда франков. Этот финансовый капитал захватил в свои руки промышленность, но она не была в состоянии удовлетворить его и он направился в сторону

обмена, где организовал чудовищную спекуляцию. Банки закупают все, вывозят контрабанду и посредством спекуляции неимоверно поднимают цены. Все видные члены всех буржуазных партий являются личными участниками в банках и лично в этом заинтересованы. Вот почему они являются сторонниками «свободной торговли». Не составляет исключения и «Земледельческий Союз». С переходом к нему власти он даже еще более усиленно приступил к ликвидации изданных во время войны ограничительных постановлений. Правда, «земледельческое» правительство грозит, что будет вешать спекулянтов, и иногда производит шумные аресты, но все это делается с демагогической целью. На самом же деле оно развязало руки спекуляции, и его видные деятели сами замешаны в разных гешефтах. Благодаря этому, и теперь в стране наблюдается новое поднятие цен на все продукты.

От дороговизны больше всего страдает городское население. Но она захватывает и большую часть сельского населения, которая недостаточного производит. Из городского населения самыми несчастными являются государственные и другие служащие с определенным жалованьем. В то время, как частные и наемные работники до известной степени реагируют на дороговизну и добиваются увеличения заработной платы, государственные служащие, которые зависят от государственной казны, находятся в беспомощном положении.

Все народные движения в стране происходят в связи с дороговизной и недостатком продуктов. В этих движениях активное участие принимают также и государственные служащие, делающие большие усилия для достижения увеличения жалованья. Все правительство упорствовал в своих отношениях к ним, но упорнее всех оказались «земледельцы», которые по традиции преследовали государственных служащих, как паразитов.

Железнодорожники давно волновались, и в июле 1919 г. дело дошло до забастовки. Последняя была погашена благодаря «широким социалистам», которые были у власти; забастовка скомпрометировала их участие в правительстве. В декабре наступил новый кризис. На этот раз заволановались все государственные служащие. По случаю открытия парламента 24 декабря нейтральная организация чиновников пригласила всех чиновников на демонстрацию перед парламентом. Болгарская коммунистическая партия по этому случаю организовала массовые митинги по всей стране. Эти демонстрации правительство представило как мятеж и попытку революции, воспретило их, объявило всю страну на осадном положении и решило во что бы ни стало не допустить их. Для этой цели, не доверяя вполне войскам, оно сформировало из незнакомых крестьян, за большое вознаграждение, белую гвардию, вооружило ее и 24 декабря противопоставило ее демонстрантам. В Софии демонстрантам не удалось прорваться сквозь плотный военный кордон, который обложил центральные части города. Также и в некоторых городах, во избежание кровопролития, демонстрации не состоялись. В большинстве мест, однако, произошли грандиозные манифестации, а в некоторых городах произошли кровавые столкновения с большим числом раненых и убитых. Несмотря на то, что Центральный Комитет всегда рекомендовал избегать кровавых столкновений, в некоторых местах не обошлось и без них. В некоторых городах власть вполне капитализировала, предоставив демонстрантам свободу действий. Эти демонстрации окончательно озлобили правительство. Оно решило уволить всех демонстрировавших чиновников. Но кровопролития и запугивания правительства еще более ожесточили государственных служащих. Еще 25 декабря во многих городах железнодорожники частично бастовали. В Софии в тот же день им удалось устроить демонстрацию в центре города и предъявить свои требования правительству. Б. К. Партия и Синдикальный Союз поддержали их. Правительство надменно отказалось вести переговоры. 27 декабря была объявлена общая забастовка железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, к которым присоединились также и углекопы в Пернике. Через несколько дней к забастовке присоединились и портные рабочие, а также рабочие из множества частных предприятий и государственных учреждений

во многих городах. Забастовка спала массовой и политической. Нажим на правительство был колоссален. Рабочие проявили удивительную готовность к борьбе и самопожертвованию. По транспорту и почте забастовка была полной; в частных предприятиях в провинции — также. К сожалению, в Софии общая забастовка не могла быть проведена в частных предприятиях полностью, благодаря измене «широких социалистов». Благодаря их покровительству, и пресса наглейшим образом клеветала, бранилась и наускивала массы на стачечников, пользуясь полной безнаказанностью. Софийский пролетариат дорого расплачивался за долготеплую соглашательскую тактику. Спустя неделю, массовая политическая стачка была прекращена, и продолжалась только стачка железнодорожников и служащих почты и телеграфов.

Для борьбы против стачки правительство милитаризовало железные дороги и почты, а персонал мобилизовало. Но меры эти большого действия не оказали: масса стачечников не явилась на мобилизацию, а явившиеся отказывались работать. Они были преданы военному суду, наложившему тяжелые наказания, но и это не дало никаких результатов.

О дисциплине партии и о духе масс, находящихся под ее влиянием, можно судить по тому факту, что во время выборов в Окружные Советы, которые правительство произвело 25 января 1920 г., т. е. во время страшного кризиса и в разгаре военно-политической диктатуры, коммунистическая партия, которая не могла устроить ни одного предвыборного собрания, а в некоторых местах даже не могла зарегистрировать своих кандидатов, — получила 150.000 голосов, т. е. на 30.000 голосов больше, чем дали нам законодательные выборы в августе прошлого года.

Правительственные и буржуазные партии потерпели поражение. Коммунистическая партия, которую они считали уничтоженной, вновь воскресла перед их глазами с еще большей силой.

Забастовка железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, однако, продолжалась. Правительство приняло решение во что бы ни стало задушить ее.

Правительство пустило в ход грязные средства, ему удалось подкупить и оторвать «нейтральных» машинистов и этим пробить в забастовке брешь, вследствие чего дух стачечников был поколеблен. Стачку пришлось прекратить 18 февраля, не добившись никакого успеха и при страшном озлоблении со стороны стачечников, особенно в провинции, где во что бы ни стало хотели продолжать забастовку.

IX.

После забастовки преследования правительства у буржуазии и военных, которые раньше относились с недоверием к нему, поднялся. «Земледельческий союз» показал всем свой здоровый кулак, копировал в состоянии справился с коммунизмом и, следовательно, охранить буржуазию от революции. Он решился воспользоваться благоприятным моментом, разогнал парламент и назначил новые выборы на 28 марта, в полной уверенности, что коммунистическая партия будет уничтожена и он получит абсолютное большинство мандатов, что даст ему возможность составить свое одностороннее правительство.

Для достижения этой цели, правительство направило свои стрелы исключительно против коммунистической партии, которую фактически посвятило вне закона. 3 марта 1920 г. произошел страшный взрыв в театре Одесса, во время публичной лекции, устроенной русским контр-революционером П. Рыссом, причем было убито и ранено 10 человек из публики. Сейчас же после этого было возбуждено обвинение против членов Ц. К. болгарской коммунистической партии, тов. Благоева, Коларова, Кабакичева, Димитрова, Луканова и Пенева, по поводу выпущенного ими воззвания (15. 12. 1920 г.) против действий русских контр-революционеров в Болгарии и участия болгарского правительства в их делах.

Это было сигналом к общим преследованиям. Правительство временно отменило действие всех законов, уничтожило все свободы, отменило полномочия всех властей, предоставив всю власть жандармерии, которую онодало в распоряжение «Земледельческого

Союза». Правительство провозгласило диктатуру «Земледельческого Союза». Земледельческий Союз со своей стороны объявил войну коммунистической партии. Начались массовые аресты в деревнях, избиения и аресты коммунистических агитаторов. Был отдан приказ о конфискации коммунистических воззваний и избирательных бюллетеней и об уничтожении их. Все государственные автомобили были предоставлены «земледельческим» агитаторам. Их люди были снабжены всевозможными удостоверениями и полицейскими карточками для бесплатного передвижения по железным дорогам и беспрепятственного ареста коммунистических агитаторов. Сами министры цинично заявляли, что борьба с коммунистами для них составляет вопрос жизни или смерти, что они не останавливаются ни перед чем, чтобы их задумавшие и вызвали о помощи к буржуазным партиям. Правительство официально заявляло, что все имущество коммунистов будет конфисковано, причем было приказано присунуть к оппозит имуществу, что все коммунисты будут высланы в Россию, а их семейства на общественные работы по осуждению бодом и проч. В конце концов «Земледельческий Союз» разослал один подложный «пайный циркуляр» коммунистическим организациям, будто бы от имени Ц. К. партии, в котором предписывалось сжечь все партийные списки и бумаги и отказаться от избирательной борьбы, так как коммунистическая партия временно расформирована.

вашей. Когда же Ц. К. захотел по телеграфу предупредить организации об этом мошенничестве, правительство задержало и не пропустило его телеграмм. Полицейская диктатура «Земледельческого Союза» должна до того, что целый ряд общинных коммунистических советов был разогнан. Старосты и члены советов были арестованы, а в советы были введены единомышленники Союза. Этот неслыханный террор, это беззастенчивое насилие над всеми свободами и законами, которое будто бы демонстрировало силу «Земледельческого Союза», на самом деле выдавало его бессилие и провал. Результаты выборов доказали это. Вопреки всему, число голосов, поданных за коммунистическую партию увеличилось со 118.000 до 182.000, а число полученных мандатов с 47 до 50 (при общем числе народных представителей в 229). Земледельческий же Союз опять не добился большинства и снова принужден искать соприродничества какой либо буржуазной партии.

Но еще более символически и замечательнее всего в этих выборах было то обстоятельство, что «широкие социалисты» окончательно провалились. Число мандатов, полученных «широкими социалистами» с 39 упало всего на всего до 9. Эта партия была почти окончательно изгнана из городов, превратившихся в крепости коммунизма. Буржуазные партии также потерпели поражение.

Б.

ПИСЬМА ИЗ ГЕРМАНИИ.

I.

...Сознание широких масс и здесь, как и во всех других странах, становится с каждым днем все более революционным. Независимая социал-демократическая Партия, раньше выступавшая требование созыва Национального Собрания, пребудет теперь диктатуры пролетариата и советской системы. Гибельфдинг, в ноябре 1918 года вместе с Каутским предававший анафеме русских большевиков, теперь, на последнем съезде партии, заявляя, что «каждый удар, направленный против Советской России, вместе с тем направлен и против социализма, против нашей собственной партии». Вообще, этот лейпцигский съезд, несмотря на свои перешептываемые резолюции, с несомненностью доказал, что в массе рядовых членов партии все настойчивее становится воля к вступлению в III-й Интернационал и к братскому союзу с Советской Россией.

Что касается нас—рабочих, сплотившихся под знаменем коммунизма, то мы—всею душой с вами: мы радуемся каждому вашему успеху и скорбим, что пока еще не можем вам помочь, при каждой вашей неудаче. И в наших спорах и разногласиях по организационным и тактическим вопросам обе спорящие стороны воодушевлены самым горячим желанием ускорить ход революции в Германии, чтобы способствовать развитию мировой революции и как можно скорее вступить в самые тесные сношения с вами; обе стороны стараются извлечь урок из вашего опыта, и на наших дискуссионных собраниях постоянно слышались, как оратор, отстаивающий то или иное предложение, вынашивается доказательство его правдивости ссылаясь на то, что «и русские повара» в этом случае непременно поступили бы точно также». Это общее нам всем сознание своего долга по отношению к вам и ко всему мировому пролетариату дает полную уверенность в том, что наши разногласия поведут не к развалу коммунистической партии, а к silencing ее в могучий ударный отряд пролетарской революции. Каждая новая схватка с силами реакции в Берлине, в Бремене, на Рейне, в Мюнхене также способствует укреплению нашего единства.

Фр.

Берлин.

II

Сообщаю в кратких чертах свои переживания и наблюдения над жизнью партии в Германии за последний год. Попытка моя пробиться в Россию через Данию и Швецию разбилась в апреле 1919 г. благодаря измене в Копенгагене. После этого я больше не возвращался в Берлин (где я принимал живое участие в революции и в январских боях совместно с редактором и известным рабочим поэтом Вернером Миллером, которых убили прихвостни Носке при осаде Форвертса), а направился в старый, прославившийся в партийной истории город Лейпциг, считавшийся тогда еще среднегерманской крепостью радикалов. Поэтично я буду говорить, главным образом, о Лейпцигских событиях, тем более, что происходившее в Берлине, по всей вероятности, большей частью уже известно.

Истинными господами в Лейпциге были независимые с их организованными в пределах города и окрестностях 45.000 партийными членами. Почти все место в рабочем Совете принадлежали им во главе с Куртом Геером. Мы, коммунисты, были слабы с нашими 2.000 членами, но пользовались сравнительно большим влиянием, благодаря уважению, которое питали независимые к нашей последовательности.

Задавленное в Берлине «Красное Знамя» выходило почти до моего приезда в Лейпциг (8 мая 1919 г.); оно вынуждено было закрыться из-за денежных и политических затруднений. Руководящим органом в городе была газета независимых «Лейпцигская Народная Газета». В политическом отношении эта газета, пожалуй, оставалась наименее среди газет независимых; со многим в ней можно было соглашаться. Однако положение бумаги, к удивлению революционной мысли, должна была заполняться огромными объявлениями о кино-театрах, танцкласссах, выгодном помещении капиталов и т. под.

Над большим шедевром и на Августовской площади еще гордо развевалось красное знамя революции. Старая полиция была разоружена, но продолжала исполнять свои обязанности, имея на руке красную повязку, и держала себя прилично. Буржуазия была в очень подавленном настроении. Ее офицеры попряпались, и революционные матросские отряды днем и ночью несли свою ответственную службу. Скрытые в буржуазных кварталах запасы продовольствия реквизируются, и

спекулянты предавались суду. Коммунисты развили живую пропаганду; настроение большого собрания в Народном Доме, в котором читал доклад товарищ Брандлер из Хемница, было единодушно за нас.

В обладании революционных созданных отрядов находилось всякого рода оружие, не исключая артиллерии и минометов. Части старых полков держались нейтрально. Лейпциг был приведен, хотя и недостаточно, в положение обороны против ожидавшихся со стороны Гале нападения гвардии Носке; не хватало организации. Немногочисленные коммунисты ничего не могли поделать с нерешительностью независимых; главным образом потому (и в этом причина всегдашней неспособности Независимой Социал-демократической партии), что их вожди уверяли, будто никакой опасности не угрожает, будто имеются верные сообщения, что носковцы боятся нападать и можно оставаться совершенно спокойными. Об этом вещали большие красивые плакаты. Далее сообщалось, что некоторые товарищи отправлялись в Берлин для переговоров. Но что произошло!

В ночь с 9 на 10 мая со всех сторон, не встречая ни малейшего сопротивления, в Лейпциг вступил генерал Меркер с отрядом из всех родов оружия, численностью 15.000 человек. Немедленно было введено осадное положение и смертная казнь; рабочий совет распущен, многие товарищи арестованы, рабочие разоружены, и при помощи немногочисленных местных социалистов шейдемановского толка учреждена охрана из жителей.

Коммунисты провозгласили всеобщую забастовку. Однако, ввиду того, что независимы, несмотря на их многочисленность, не хватало руководителей, ясно сознающих свои пути и цели, забастовка не прошла. Только наилучшие организованные под коммунистическим руководством фабрики бастовали в течение нескольких дней. Вследствие того, что независимые не примкнули к забастовке, Меркер почувствовал себя достаточно сильным, чтобы запретить вообще всякие забастовки и подавить вообще всякую деятельность. И «Лейпцигская Народная Газета», конечно, была запрещена. Политическое шпионство беспримерно обострилось. Наши лучшие товарищи, пользовавшиеся в городе известностью, вынуждены были из него скрыться.

Для нас, коммунистов, началось тяжелое время подпольной работы, в которой у нас были две опоры, без которых наша деятельность была бы совершенно невозможна. Это, прежде всего, основанное нами в феврале для получения возможности собираться общество «Заселение Востока» (Ansiedlung Ost); под этим безвредным названием реакционеры подразумевали общество бывших участников войны, собирающихся переселяться в Восточную Пруссию. Во вторых, это было наше библиотечное общество Унс («Uns»), при посредстве которого нам удавалось получать почти всю коммунистическую литературу. Помещение нашего правления с открытым киоском оставалось сначала не тронутым, может быть потому, что оно находилось всего через несколько домов от «Кайзергофа», главной военной квартиры Носке. Но в июне и ее постигла несчастливая судьба; мы с тов. Мюллером использовали поездку в Хемниц и привезли оттуда некоторое количество новой для нас литературы; на следующий день в помещении был произведен обыск, тов. Отто Мюллер был арестован и просидел несколько месяцев в предварительном заключении и затем, приговорен, несомненно, благодаря своей мужественной защитительной речи, за распространение коммунистической литературы к нескольким только месяцам тюремного заключения. Между тем Независимой Социал-демократической Партии удалось возобновить издание «Народной Газеты». Но увы, началось горестное положение, а с ним и фракционные споры в пределах этой партии. Левое крыло среди своих приверженцев считало, между прочим, Курта Гейера и Франца Беттхера, правое — Зегера и Липинского. Чтобы засвидетельствовать свою благонадежность по отношению к военной диктатуре Носке, им пришлось слепо нападать на коммунистов. Без всякого намерения со стороны независимых, это привело к тому, что коммунисты стали центральным пунктом всех партийных разговоров на фабричных собраниях.

Всю нашу пропаганду мы теперь направили на фабрики и заводы. События обсуждались на мессе работы и там же распространялась литература. Мы

добились совершенно неожиданных успехов, показавших нам, что предприятие является совершенно естественной неистребимой организационной ячейкой, представляющей собою наилучшую почву для агитации и деятельности. Тогда мы создали в каждом предприятии партийную коммунистическую группу, функциями которой было распространение брошюр, листов и газет, прием взносов и организация собраний.

Наши успехи в предприятиях вызвали взрыв ярости среди бюрократии профессиональных союзов, так как ее податливость компрометировала ее в глазах военной диктатуры. Она пустила в ход все средства для борьбы с коммунистической пропагандой, не брезгуя даже доносами военным властям (Мюлау-Гирш). Контр-революционное поведение вождей профессиональных союзов становилось все яснее сознательным, революционным рабочим.

Лейпцигские профессиональные союзы, за исключением лишь печатников, находясь всецело в руках независимых. Если коммунистические рабочие не являлись на фабрично-заводские собрания, созданные независимыми, к ним применялись меры воздействия. Если, наоборот, коммунисты предполагали созвать такое собрание, то им не только препятствовали пользоваться на фабриках досками для объявлений, но и выпускались конпр-воззвания, которых слушалось не менее 80% рабочих. Но те немногие, которые являлись на наши собрания, все больше нам симпатизировали. Этим объясняется медленное, но неуклонное возрастание членов Коммунистической Партии Германии. Но одновременно с этим росло и движение против профессиональных союзов.

Нельзя, однако, сказать, что в Лейпциге проявился склонность к образованию «Рабочего Союза» («Union»). Напротив, там идея «Униона» была совершенно отвергнута, и принята скорее точка зрения единой коммунистической организации с регистрацией членов по предприятиям и по месту жительства. К нам стали переходить некоторые и из рядов синдикалистов, державшихся ранее совершенно обособленно, причем новые товарищи приняли ревностное участие в работах партии и оказались вполне надежными членами ее.

Лейпцигские конпр-революционные события и трусливое поведение вождей независимых дало вновь сильный толчок массам влево, т.-е. в особенности заставило их подумать о «диктатуре пролетариата». Рабочих ставило в тупик полнейшее бессилие, которое независимые проявляли во всех областях городского управления по отношению к буржуазии, стоящей под охраной пушек и пулеметов, несмотря на принадлежавшее им в городском самоуправлении большинство и несмотря на свой президент. Коммунисты пользовались большим сочувствием, но рабочие оставались в Независимой Партии, объясняя это следующими причинами:

I. Коммунисты не способны к широкому размаху в работе, будучи строжайше преследуемы и без вождя, ввиду того, что большинство их арестовано и присуждено к долговременному заключению.

II. У них нет газет и мало денег в кассах.

III. В сущности мы тоже коммунисты, мы стараемся в своих рядах «просветить» возможно большее количество членов и, таким образом, усилить наше «левое», т.-е. советское, направление.

IV. Нужно принимать участие во всех выборах, но отнюдь не в коммунистическом вспрысывании.

Конечно, все эти доводы являются не чем иным, как пустыми оговорками и продуктами трусости, что явствовало из всего поведения, из всех речей руководящих деятелей и из газетных статей — все жалкое ничто. Часто выдвигался еще один спранный довод: необходимо восстановить честь доброго старого имени «Германской Социал-демократической Партии». Большинство Независимой Партии полагает, что название Коммунистической Партии существует всего один год. Большинство их все еще не знает, что это название применялось уже Марксом и Энгельсом. Да и откуда им знать это, когда вся литература, хоть в отдаленной степени связанная с этим названием, буквально подавляется независимыми. Можно даже отметить целый ряд доносов на фабричных товарищей. Только в последнее время, после Лейпцигского партийного, ре-

шаются выставить боязливо в углу оконной выставки партийного книжного магазина «Коммунистический Манифест». В феврале мне даже удалось увидеть «Коммунистический Интернационал».

Отказ от участия в парламентских выборах был в сущности самым резким признаком расхождения между К. Р. Д. (Коммунистической Партии Германии) и Ц. С. Д. (независимой социал-демократической партией).

Эта пограничная черта неожиданно была стерта с одной стороны поворотом влево независимых, вбискавшихся на Лейпцигском партийтаге за необходимость диктатуры пролетариата даже в том случае, когда он в меньшинстве; с другой стороны—лозунгом коммунистов об участии в парламенте. На этой почве возникла борьба внутри Коммунистической Партии.

Для партии, и без того в Лейпциге достаточно слабой, наступил тяжелый кризис. Товарищи совсем смешались и, лишь недавно вступив в партию, собираются переходить обратно к независимым. Старые

же товарищи, убежденные в правильности прежней тактики, начинают, к сожалению, склоняться к чистым синдикалистам.

Необходимо отметить, что среди крайней левой независимых также очень ярко выражено противопарламентское течение (Кенен, Доймиг, Беттхер), так что мы, возможно, стоим в Германии перед совершенно неожиданными партийными новообразованиями.

Никогда еще у нас не была так глубоко вспахана почва партийной жизни. Будем же надеяться, что независимо от теоретического разрешения вопроса о целесообразности той или иной тактики, скоро, в результате совместной борьбы разных направлений с реакцией, можно будет практически отметить существование германской советской республики.

Т. Ф.

БЕЛАЯ ЮСТИЦИЯ ЗА РАБОТОЙ.

(Письмо из Мюнхена).

Белая юстиция, введенная в Мюнхене в мае 1919 г. для искоренения тех, которые участвовали в советской республике, работает автоматически еще и по настоящее время. Сотни людей уже осуждены и отбывают долгосрочные наказания; около тысячи политических процессов (по сведениям, полученным от чиновника судебного ведомства) еще находятся в стадии подготовки; следственным производствам и приказам о задержании не видно конца. Жажда мести, охватившая буржуазию в первые дни мая, когда она, с винтовкой в руках и с белой повязкой на рукаве, вышла поохотиться на пролетариев, несомненно уже уполаена пролитой кровью Левинэ и жертв процесса об умерщвлении заложников. Мюнхенская буржуазия в настоящий момент даже поразительно безучастна к политике: заботы о попойке и развлечения, — запрещенные и незапрещенные, — поглощают все ее внимание. Однако, классовая юстиция не может приостановить свою работу; на спасение государства не мало людей сделали карьеру, прокуроры получили повышения по службе, а потому судья и сыщик продолжают свою работу, не печальась о жертвах и последствиях.

После свержения советского правительства был введен военный суд; позже его сменил «народный суд». Этот баварский народный суд уже сам по себе является правонарушением. Правда, баварская конституция предусматривает введение «народных судов» в чрезвычайных случаях, когда страна находится под угрозой мятежа и восстания; но эти баварские «народные суды» были введены в июле, т. е. в такое время, когда страна, если и находилась под угрозой, то только со стороны белого террора.

Народный суд функционирует в составе трех профессиональных судей и двоих из народа; последние рекрутируются из мелкобуржуазных элементов: булочников, ремесленников-хозяйчиков и тому подобных, охотно дающих запретъ себя в колесницу буржуазии. В результате такого подбора судей «народные суды» постановляют все приговоры единогласно. Юридическая квалификация деяний сама по себе упрощена: все участники советской республики огульно обвиняются в государственной измене или в пособничестве к измене.

Статья 81 германского уголовного кодекса о наказаниях гласит: «Совершивший деяние, направленное к насильственному изменению действующих в Германии или в каком-либо из союзных государств конституций либо порядка престолонаследия, карается за государственную измену». Уже из одной формулировки этой статьи ясно, что она применима, собственно говоря, только к монархии, и с юридической точки зрения весьма спорно,

насколько правомерно вообще применение ст. 81 в Германской «социалистической» республике. Но и помимо того, центр тяжести этой статьи лежит ведь в слове «насильственному». А разве советская республика была введена в Мюнхене 7 апреля «насильственным»? Далее, можно ли, хотя бы только с точки зрения буржуазной юриспруденции, — осудить по ст. 81, примерно, редактора «Ротэ Фанэ» или члена хозяйственного комитета и т. п.? Судьи, заседающие теперь в Мюнхене и назначающие изо дня в день по два, три, четыре и больше лет заключения в исправительном доме или в крепости, сознают, надо полагать, что им самим место в исправительном доме. Вопрос о правомерности «народных судов» и их приговоров начинают возбуждать не одни коммунисты. Возможно, что не сегодня — завтра найдется и юрист, который решится вынести этот вопрос на публичное обсуждение и, таким образом, обнажить, не боясь смрада, грязную яму буржуазной юстиции.

Баварский «народный суд» имеет и свою особую специальность: «срок испытания», т. е. условное помилование. Последнее состоит в том, что после определения наказания осужденный освобождается от наказания под условием, чтобы он в течение известного срока (обыкновенно несколько лет) оставался политически беспорочным. На осужденного как бы налагают опеку, его парализуют. Условное помилование предоставляется социалистам большинства, господам из буржуазии и другим элементам, которые, видимо, случайно заблудились в революции, но никогда не представляются коммунистам и только изредка независимым. При определении меры наказаний, в общем, господствует тенденция налагать, по возможности, высшие меры наказаний на интеллигентов, которые рассматриваются, как паршивые овцы в буржуазном стаде.

Такой же произвол, как в этом судебном производстве, царит и в постановке отбывания наказания. Статья уголовного уложения, касающаяся государственной измены, предусматривает наказание в виде заключения либо в исправительном доме, либо в крепости; последнее — в том случае, если нет на лицо бесчестного намерения. Следовательно, заключение в крепости носит характер «custodia honesta» (почетной охраны). При этом надо представить себе, примерно, офицера, сидящего в крепости за дуэль и ведущего там веселую жизнь. В брошюре Бебеля «Из моей жизни» можно прочитать о том, как сиделось в крепости ему и Либкнехту-отцу. Но той добродушной обстановки давно уже не стало. В Баварии и крепостей-то не хватает для того количества приговоров, какое выносятся в на-

стоящее время. Поэтому присужденные к крепости заключаются попросту в тюрьму, а там обращение с ними почти такое же, как с ворами и мошенниками.

Мюнхенский пролетариат связан в настоящий момент по рукам и ногам. Но коммунистическая партия Мюнхена жива, — в ней жизни больше, чем когда бы ни было. Без прессы, лишенный возможности легально высказаться, даже без вождя, пролетариат

Мюнхена, укрепленный в своих убеждениях опытом советской республики, проникнут еще большей решимостью, чем прежде, и он не упустит того момента, когда можно будет свалить белую юстицию с ее пособниками и всем ее грязным антуражем.

А.

ПИСЬМО ИЗ ФИНЛЯНДИИ.

Мы шлем наш сердечный привет из страны капиталистов, помещиков и банкиров, спекулянтов, миниспоров, губернаторов, денсманов и офицеров, из государства белой гвардии и полиции, всем товарищам в Советской республике рабочих, крестьян и красноармейцев.

Здесь, в Финляндии по-прежнему разгуливают на свободе убийцы и грабители 1918 года. Вызывающе сверкают штаны белогвардейцев, и нагайки охранников разбитают во всю. Еще и теперь почти безнаказанно здесь можно убивать рабочих, особенно в пограничных местностях и в засадах охраны. Испытания по-прежнему в порядке дня, как в подвалах центрального полицейского управления так и в концентрационных лагерях. Повсюду шныряют охранники и доносчики. Ими кишат и легальные и нелегальные организации. Обыски и аресты стали повседневным явлением. В Сериясе, рабочей части Гельсингфорса, облавы производятся непрерывно.

Положение пролетариата, скованного по рукам и ногам всеми этими репрессиями, поистине ужасно. Но финляндский рабочий класс все-таки поднимается. Это чувствуется по всему. На своем последнем партийном съезде социал-демократы думали уже, что они взнуздали пролетариат и твердо держат возжи в своих руках. Но им скоро пришлось убедиться, что народные массы ускользают из под их влияния. Обращение последнего съезда нашей коммунистической партии, призывающее массы к организационному отмежеванию от социал-предателей желтого интернационала, не осталось безрезультатным. Целый ряд организаций вышел уже из социал-демократической партии, и уполномоченный гельсингфорской коммунистической организацией временный комитет левосоциалистической партии, подготавливает созыв учредительного съезда новой социалистической партии, строящей на платформе классовой борьбы. Рабочие массы, как в городе, так и в деревне, безусловно примкнули к новой партии, которая войдет в Третий Интернационал. Можно с полной уверенностью сказать, что она привлечет в свои ряды не менее 75% всей массы организованных рабочих; кроме того, к ней присоединятся и не весьма многочисленные рабочие, которые, не желая вступать в социал-демократическую партию, оставались вне рамок легальных организаций. Не может быть сомнения и в том, что новая партия отвергнет программу социал-демократии и высоко поднимет боевое красное знамя революционного марксизма. Чувствуется лишь недостаток в центральном органе, который никак не удастся основать в Гельсингфорсе. Существующий уже коммунистический орган «Савон Канса» издается в глухой провинции (в Куопио) и поэтому не может полностью удовлетворять потребности широких левосоциалистических рабочих масс.

Настраение широких рабочих масс безусловно революционно. Дух мужества и уверенности в себе снова крепнет в них. Они разбили уже наложенные на них социал-демократами оковы и созрели для пролетарской революции. Несмотря на то, что и буржуазия и социал-предатели всеми силами спарались держать их в рабстве, коммунистическое сознание масс просыпается, и понимание неизбежности того, что должно произойти, проникает уже и в пролетарские круги. Блестящие победы Советской России и революция в Архангельске, на Мурмане и в Русской Карелии, а также уход английской флота и ослабление Антанты в величайшей степени подняли настроение всего трудящегося народа. Жажда свободы растет. Тюрьмы и полицейские участки

переполнены политическими заключенными, и брожение в рабочих массах все усиливается. Теперь зачастую можно слышать, как рабочий с пылающими глазами шепчет: «ну теперь скоро будет и на нашей улице праздник».

Потопорятся ли теперь финляндские белогвардейцы заключить мир с Советской Россией для того, чтобы поправить свои дела, это покажет ближайшее будущее. Во всяком случае рабочие Финляндии, как древние римляне, охотнее приняли бы войну, чем мир.

Финляндская белогвардейская республика дошла до полного экономического упадка и стоит теперь перед неминуемой капитальной катастрофой. Белые социал-демократы не пожалели усилий для улучшения финансов белогвардейского государства, но несмотря на это бюджетный вопрос настолько обострился, что буржуазные партии ссыла никак не могут придумать, как бы им защитить зияющие дыры в располагающемся рубище бюджета. От разрешения этого вопроса будет зависеть и вопрос о правительстве. Все общественные классы в ужасе кричат о непосильном бремени налогов, фабриканты угрожают закрытием своих предприятий, земледельцы грозят прекращением своего хозяйства, а рабочие и мелкие чиновники не знают, откуда взять средства на кусок неминуемо вздорожавшего хлеба, так как весь получаемый ими заработок отбрасывается государством в виде налогов. Если к этому присоединится еще война, то широким массам придется выбирать между революцией и голодной смертью. Белогвардейская республика разлагается живо. Этому способствуют еще всеобщий саботаж рабочего класса и забастовки, волна которых еще только поднимается. К забастовкам принуждают рабочих экономическое обнищание, становящееся все более и более нестерпимым.

В то время как силы рабочего класса с каждым днем растут, буржуазия день ото дня слабее. Я упоминал уже о разложении социал-демократической партии, окончательно потерявшей уже свой авторитет. Рабочие бегут из нее массами, и ее главный орган «Суомен Социалдемократин», опустевший до роли доносчика, потерял значение последнего года более половины своих подписчиков:тираж этой газеты едва достигнет теперь 35.000. Охранные дружины буржуазии тоже начинают приходить в упадок. Множество обывателей и землевладельцев отказываются носить оплывающий знак дружинников, навлекающий на них всеобщую ненависть. Они объявляют себя беспартийными, видя, в какую сторону развиваются события. На бумаге охранная дружина соснавляет якобы более чем сто тысячную армию, но в действительности боевой состав этих грабительских банд по крайней мере на 50% меньше. Да и всякому ясно, что в этой насквозь прогнившей республике не может существовать боеспособная и жизнеспособная белогвардейская армия, сколько бы средств ни ухаживалось на ее поддержание.

Кроме того, влияние нарастающей мировой революции начинает уже чувствоваться и в Финляндии настолько сильно, что даже у слепых начинают раскрываться глаза.

В настоящее время невозможно держать в повиновении народные массы посредством одних лишь белогвардейских штыков и кнутов охранки. Эта истина еще раз подтвердилась на примере так называемого Севернорусского правительствования, потерявшего полный крах. К тому же, финляндскому правительству все труднее становилось доставлять хлеб для народных масс.

С апреля в Финляндии прекратилась выдача продовольственного пайка. Чем теперь до осени правительство будет кормить народ, это загадка. Свинцом? Но на «свинцовый паек» народ ведь тоже может ответить свинцом.

Так обстоит дело в финляндской белогвардейской республике.

Мы особенно гордимся отрядами финских красноармейцев и курсантов и ожидаем от них многого. Шлем коммунистический привет всем поварам коммунистам.

Да здравствует всемирная коммунистическая революция!

Да здравствует Советская Финляндия!

ВАП.

От редакции. В дополнение к этому интересному письму, сообщаем полученные нами сведения о состоянии учредительного съезда финляндской Социалистической Партии.

13-го мая открылся в Гельсингфорсе, созданный левыми социалистами, Учредительный Съезд Финляндской Социалистической Рабочей Партии. О ходе съезда мы знаем пока лишь по сообщениям правой социал-демократической газеты «Суомен Социалидемократти» от 14 мая.

Гельсингфорский полицеймейстер явился немедленно же после открытия съезда в зал заседания в сопровождении представителей явной и тайной полиции. У властей был даже при этом собственный стенограф. Кулуары рабочего дома, где происходило собрание, кишели агентами полиции.

На съезд прибыло 75 человек. Собрание открыл А. Ратикайнен, после чего был выбран президиум в составе Э. Пеккала, Зеп Хейккя и А. Ратикайнен. Секретарями были выбраны К. Киви, А. Халме и Лейно.

Открывая заседание, А. Ратикайнен заявил прощес пролив прихода полиции на собрание.

После этого было постановлено основать партию, которая была названа Финляндской Социалистической Рабочей Партией. В порядок дня было поставлено 28 вопросов. Секретарь партии И. А. Лехтинен представил отчет временного правления партии, который был без прений передан в комиссию.

После выборов различных комиссий Э. Пеккала сделал доклад о проекте программы новой партии. В своем докладе он указал, что буржуазная бюрократическая власть и буржуазный способ производства должны быть уничтожены и вместо них должен быть установлен новый способ производства, при котором все управление должно находиться в руках рабочих советов. Рабочие советы должны быть носителями всей общественной власти, причем члены советов должны быть ответственными перед своими избирателями и работниками в непосредственном общении с ними. Депутаты могут быть в любой момент отозваны своими избирателями из совета, если их деятельность окажется не удовлетворяющей желаниям избирателей. На этих основах должна быть построена программа партии.

Следующим пунктом порядка дня был вопрос об участии в политических и коммунальных выборах. Докладчиком по этому вопросу был Пеккала. Он указал, что парламентаризм является опорой буржуазного государства и что буржуазное правительство во всех делах нуждается для обеспечения поддержки в рабочих представителях, входящих в законодательные учреждения, в органы коммунального самоуправления, а при извержении общеполитических и в правительстве. Тем не менее, по мнению докладчика, партии, не следует принимать заранее определенные решения о том, участвовать ли ей или не участвовать в будущих выборах в сейм, так как это было бы преждевременно. Решение вопроса об участии в коммунальных выборах должно быть предоставлено местным организациям в каждом отдельном случае.

Временный Секретарь Партии И. А. Лехтинен выступил с докладом о центральном органе партии, причем высказал то мнение, что так как партия не может основать свой центральный орган в столице,

то центральным органом следует признать одно из партийных изданий, выходящих в провинции.

О. Ялава в своем докладе об амнистии политическим заключенным осуждал социал-демократическую фракцию сейма за то, что она не использовала всех средств для освобождения политических заключенных. Фракция должна была добиться амнистии для всех политических, как находящихся в финляндских тюрьмах, так и эмигрировавших за границу.

Во время прений, возникших по поводу этого доклада, тов. Элен Мякелен указывала, что к этому вопросу нужно подходить с другой стороны. Принятый «урезанным» *) сеймом закон о судебном преследовании за «политические преступления», был издан в незаконном порядке, и поэтому с самого начала следовало требовать не амнистии, а отмены этого незаконного постановления, по которому были осуждены томящиеся в тюрьмах и эмигрировавшие товарищи.

Суло Буолиоко представил съезду доклад по аграрному вопросу, в котором он развивал взгляды, изложенные им в недавно написанной по этому вопросу книге.

Представителям газеты «Суомен Социалидемократти» и Бюро Рабочей печати было отказано в праве присутствовать на съезде, ввиду их «вредной для рабочего класса деятельности». Газете «Суомен Социалидемократти» было выражено порицание за то, что она вела правду против коммунистов.

На второй день съезда, 14 мая И. А. Лехтинен был сделан доклад об Интернационале. Докладчик, как сообщает газета «Карьяа» от 15 мая, предложил резолюцию, в которой заявлял, что финляндская Социалистическая рабочая партия постановляет вступить в III Интернационал. Доклад был принят собранием единогласно, без всяких прений. Тогда присутствовавший на заседании полицеймейстер спросил, следует ли это постановление понимать в том смысле, что партия вступает в III Интернационал. Председатель ответил на вопрос утвердительно. Тогда полицеймейстер заявил, что это постановление преступно, отдав распоряжение о закрытии дверей, поставил стражу и велел арестовать 11 человек для допроса. У президиума и секретариата были отобраны все бумаги. Портфели у всех членов собрания были также отобраны полицией. После этого съезд был закрыт полицеймейстером, и присутствовавшим было предложено разойтись.

В числе арестованных были Суло Буолиоки, Эйно Пеккала и председатель Собрания Август Ратикайнен.

31-го мая в сейме обсуждался запрос о разгоне учредительного съезда Финляндской Социалистической Рабочей Партии.

Министр внутренних дел фон Геллен, отвечая на запрос, говорил о том, что новая партия, постановив присоединиться к III-му Интернационалу, оставила «почву законности», ибо III-й Интернационал, в отличие от II-го, признает не только парламентские, но и революционные методы борьбы, что в Финляндии необходимо особенно серьезно относиться к революционным попыткам, так как два года тому назад подобные попытки привели к восстанию, поддержанному Советской Россией. Далее, он ссылаясь на сказанные будто бы тов. Зиновьевым слова, что де советская власть может заключать мирные договоры с кем угодно, но это отнюдь не к чему не обязывает III-й Интернационал...

Социал-демократический депутат Коптонен, критикуя объяснения министра, заявил, что поведение правительства является величайшей политической глупостью и большой услугой коммунизму.

Коптонен, один из самых махровых шовинистов и предателей, выболтал, таким образом, тайну возмущения социал-демократов политической правительством: поведение правительства является «большой услугой коммунизму»!

Вот именно! Что бы вы ни сделали, господа, вы невольно поможете коммунизму, потому что вы — буржуазия и белые с.-д. — обречены на гибель, а рабочий класс неуклонно идет к власти.

*) Так называют в Финляндии сейм, заседавший после разгрома революции без социал-демократов.

О ПОЛОЖЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АВСТРИИ.

Желая поделиться с товарищами других стран своим партийным опытом и веря, что коммунистам, на которых работает неустойчивая сама история, нечего бояться правды, я считаю полезным остановиться на некоторых отрицательных явлениях нашей работы. Я буду очень краток, но начну с начала возникновения нашей партии.

Вскоре после объявления войны, социал-демократическая партия Австрии раскололась на две группы: «левую и правую». Левая, в которую входили Фридрих Адлер, Макс Адлер, Даненберг и др., вела более радикальную линию. Ими был организован дискуссионный клуб имени Карла Маркса, где еженедельно велись дискуссии на темы дня, а также теоретические вопросы, интересовавшие социалистический мир, и где особенно разделялись с социал-патриотами. К этому клубу примкнуло также большинство организаций союза молодежи. После покушения Адлера, клуб был закрыт правительством, которое справедливо считало его гнездом крамолы.

С тех пор отдельные члены бывшего клуба начали нелегальную работу, в которой, как и раньше в клубе, принимали участие и русские товарищи, находившиеся тогда в Вене. Работа велась очень энергично, так что в январе 1918 г., когда русские большевики в Брест-Литовске боролись за пролетарский мир, стало возможным поднять австрийский пролетариат и не только вызвать всеобщую забастовку, в которой приняло участие около миллиона рабочих, но и провозгласить Советскую Республику Австрии, если бы социал-демократическая партия не изменила рабочему классу. Отбросив совершенно борьбу классов, она перешла на сторону правительства, всеми мерами стараясь удержать пролетариат от его революционных выступлений и вернуть всех на фабрики и заводы. Видя, что забастовка, несмотря на все выдвигаемые ими препятствия, быстро, через их головы разрастается, они пустили в ход лозунг передачи руководства забастовкой профессиональным союзам. Тогда президиумы союзов, допосле бывшие против забастовки, вдруг, по приказу, повернули фронт и стали у кормила забастовки. Рабочие пошли на эту партийную хитрость и удовлетворились пустыми обещаниями; забастовка была сорвана. Но недовольство среди рабочих против партийных центров, а также центров профессиональных союзов крайне возросло.

Сейчас же после этой забастовки, сорванной социал-предателями, были арестованы 14 повара, которые принимали деятельное участие в нелегальной работе. Но отсутствие людей с организаторским талантом мешало строящейся в Австрии Коммунистической Партии создать себе цельный партийный аппарат и стать на прочный фундамент. Величайшим злом нашего движения была наша организационная разрозненность. Работники, даже очень честные и очень преданные, считали возможным работать в разброд, ревниво отстаивая свою «самостоятельность». Так тянулось это расхлябанность до ноябрьской революции. Незадолго до того, вернувшиеся из России австрийские военнопленные: м. Томан и др. взяли в руки партийную организацию. Создался центр, и работа стала быстро двигаться вперед. Недовольство рабочих тактикой социал-демократов все более росло, т. к. данные им обещания не были исполнены и коммунистической партии открылось благодарное поле деятельности. Была создана газета, которая выходила сначала раз, затем два раза в неделю. Печатались прокламации и брошюры, велась хорошая агитационная работа.

Как раз, когда работа разрослась, часть товарищей была выслана из Австрии. Партия начала совершенно самостоятельно жить, и тут снова началось ее разложение. Партия работала не вглубь, авширь, и оказалось, что цифра в 70.000 числившихся членов включала и много ненадежных элементов, стремившихся только использовать партийную организацию. Сам Томан подпал под влияние Фрица Адлера и других социал-патриотов и стал колебаться при революционных выступлениях как это было, например, при вполне организованном выступлении 15 июля. Вечные споры с тов. Коричонером, который как один из радикальнейших и старейших работников коммунистической пар-

тии не может одобрить пот оппортунизм, который поддерживается в партии Томаном. Борьба внутри центра не давала места созидательной работе. Из-за этих распрей проваливалось почти каждое выступление, каждое предприятие. Каждый старался привлечь на свою сторону побольше членов президиума, дабы провести свои личные взгляды.

В один прекрасный день м. Томан появился в Будапеште, изложил положение дел в Австрии и обещал венгерским товарищам, что бы то ни стало устроит в Австрии революцию. Обещание, конечно, смешное.

К тому времени в австрийском Фольксвере возникли волнения ввиду пребывания союзников об его разоружении. Коммунисты стали на сторону недовольных и приобрели их симпатии. Но в последний момент положение изменилось. Правительство удовлетворило все требования Фольксвера, и они снова перешли на сторону правительства, за исключением двух рот красной армии, которые стоят на стороне коммунистов, но которых в назначенный для выступления день не выпустили из казарм. Выступление не увенчалось успехом, и неудачу многие ставят в вину м. Томану, который пригласил Адлера подпасть всецело под его влияние и по его совету капитулировал в решающий момент.

Но левая часть коммунистов ведет все время свою линию, не считаясь с центром. Представители левого течения м.м. Коричонер, Паппигурский и Гур поехали в Будапешт, изложили положение партии и указали на отсутствие настоящего революционного лидера в партии. В Будапеште было решено послать одного повара и был выбран м. Бемпельгейм. Он приехал с бумажкой от III Интернационала. Все сначала преклонились и дали ему все возможности к работе. Но он со своим «штабом», в котором было 200 человек, набрал всякий сброд, примкнувший к движению из-за шкурных интересов.

В первое время наступление в массах под влиянием усиленной пропаганды поднялось и м. Бемпельгейм приготовил выступление на злополучный «Зеленый четверг». Левые коммунисты шли за Бемпельгеймом, несмотря на то, что не все были согласны с его тактикой, потому, что всетаки он звал пролетариат к революционным действиям. В конце концов он был арестован.

После этой неудачи и после ареста Бемпельгейма партия начала снова собирать свои силы.

Центральный Комитет решил взяться раньше всего за чистку партии. Эта работа заняла на некоторое время все силы партии. Из 70.000 членов осталось в партии лишь 30.000, но остались товарищи, на которых можно положиться. Подобная чистка производится в заводских комитетах. Одной из важных работ, которая до сих пор была в загоне, стала—организация заводских и фабричных ячеек. По возвращении из Венгрии, после падения Советской власти, я стал настаивать на создании и привлечении этих ячеек, основываясь на том, что нельзя строить партию коммунистов на группах инвалидов, безработных и иждивенческих военнопленных, возвратившихся из России. Наша главная задача теперь привлечь широкие массы, задача, при настоящих политико-экономических условиях, вполне разрешимая, если за разрешение ее возьмется крепкий организационный центр, ибо социал-демократия совершенно дискредитирована. Другой задачей Партии стало—овладеть профессиональными союзами, чтобы через них овладеть движением.

Революционный пролетариат очень также озабочен отсутствием литературы, посвященной вопросам Советского Строительства России и Венгрии, ибо мы вынуждены черпать все сведения из буржуазных газет. Нужны миллионы брошюр, чтобы бросить их в массы, сочувствие которых при сколько нибудь сносной работе обеспечено.

Таково положение дел в Австрии. У нас есть все шансы вырасти в огромную политическую силу, но мы нуждаемся в нескольких опытных организаторах и в литературе. Этой поддержки мы страстно ждем от Коммунистического Интернационала.

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Наше движение определилось впервые весной—летом 1917 г. и начало свою деятельность в качестве стоящей на левом крыле оппозиции в социал-демократической партии, в профессиональных союзах и в социалистической организации молодежи.

Борьбу приходилось вести с политическими и диктаторскими приемами лиц, занимавших руководящее положение в швейцарском рабочем движении и в движении молодежи. Борьба среди молодежи происходила еще тогда, когда тов. Бронский был в Цюрихе. Борьба проявилась тогда в оспаривании мест в комитете цюрихской организации молодежи, причем оппозиции одно время удалось взять комитет в свои руки. В профессиональных союзах и в цюрихском союзе рабочих мы вносили предложения об отмене, наконец, парижской резолюции Интернационала и об объявлении первого мая днем всеобщей забастовки. Оппозиция издавала тогда брошюры: «Самостоятельность организации молодежи и центральный комитет» и сатирическую газету, направленную против центра и политики оппортунизма, под названием «Последователь Вайбеля».

Однако оппозиция скоро поняла, что борьба против оппортунизма должна расширяться и углубиться. Для этой цели оказался необходимым регулярно выходящий орган печати. Председателем социалистического издательского товарищества был Яков Герцог, редактирование газеты находилось в руках повара Ичнера и Вайбеля. Газета получила название «Ди Фордерунг» (Требование) и появилась впервые во второй половине сентября 1917 г. Ее программой было: пропагандировать массовое социалистическое действие, создать социалистические организации солдат и советы в армии, поставить в порядок дня переоборудование о борьбе за достижение социалистических целей и призывать народ к последнему бою, к революции.

В начале ноября произошел переворот в России; это событие сильно взволновало швейцарский пролетариат. Редакция газеты «Фордерунг» тотчас же издавала в виде приложения к газете листок, распространенный среди рабочих во многих тысячах экземпляров и призывавший швейцарский пролетариат последовать примеру русских. В цюрихском союзе рабочих мы внесли предложение о созыве союзом большого публичного собрания и определении позиции по отношению к русской революции. По своему обыкновению, главари рабочего союза опять-таки не пороповались. Собрание должно было состояться несколькими днями позже. Тогда массы сбегались на собрание, созванное нацифистами. На нем прошло внесенное и поддержанное нами предложение о закрытии заводов, изготовляющих снаряды, — в целях поддержки русской революции. «Нет больше снарядов для воюющих держав», с таким лозунгом в тот же вечер народные массы закрыли два больших завода, вырабатывавших снаряды, находившихся в предместьях и четвертом городских районах. Рабочие призвались не приступать на следующий день к работам. На следующий день массы пытались снова собраться. Однако, собрание было разогнано полицией. Демонстрация перешла в беспорядки, во время которых много демонстрантов было арестовано и много ранено или убито. Была построена баррикада, и впервые в истории швейцарского рабочего движения в народ стреляли из пулеметов. Наша группа пыталась использовать настроение для образования рабочих советов и издавала листовку, обращенную к солдатам с предложением не стрелять в рабочих. Во время этих схваток было арестовано большинство членов издательства и редакции газеты «Фордерунг», и самые деятельные повара из нашего движения на много месяцев подверглись заключению. За призыв к восстанию и мятежу сидели в тюрьме ггг. Герцог, Кашер, Э. Аклин с женою, Барпель, Ичнер и Вайбель спаслись от заключения бегством; за их выдачу была назначена премия в 1000 франков.

Благодаря этому, пока вокруг газеты «Фордерунг» собирались новые силы, выход газеты несколько заме-

дился. 21 декабря она снова вышла в уменьшенном формате. Редактирование было в руках гг. Карла Графа. После девятого номера швейцарский союзный совет запретил ее выход. Девятый номер «Фордерунг» вышел всего в количестве 30.000 экземпляров. Он распространялся во всех более крупных поселениях Швейцарии, главным образом среди профессиональных союзов и на партийных собраниях.

Март 1918 г.

После запрещения «Фордерунг», мы пытались издавать эту газету под другим названием. Прежде всего мы завязали сношения с газетой «Бильский Рабочий Листок» и под ее названием издали номер, посвященный всеобщей забастовке. Затем гг. Вайбеля удалось в Женеве поставить нужную газету, однако, под названием «Женевская Народная Газета». Издательство и редактирование ее взяла на себя наша женевская группа. Однако уже после третьего номера номера отказала «Женевской Народной Газете» в рассылке, а затем швейцарский департамент народного хозяйства указал типографу, что, если он будет продолжать печатать газету, то он лишится причитающегося ему по раскладке количества бумаги. Издатели «Женевской Народной Газеты» за нарушение запрещения, изложенного швейцарским союзным советом на газету «Фордерунг», были преданы военному суду и ггг. Вайбель, Герцог, Мейер были присуждены к заключению в тюрьме. «Женевская Народная Газета» вышла в количестве 9000 экземпляров.

Однако, мы нашли еще другой выход. Мы вступили в сношения с говорившей по-немецки группой в Амстердаме для того, чтобы помещать в ее органе «Борьба» статьи и приложения по вопросам швейцарского рабочего движения, причем мы переправляли этот выходящий в Голландии еженедельник в Швейцарию. Мы воспользовались шестнадцатью номерами «Борьбы», которые содержали много статей, принадлежавших нашему перу.

Тем временем оппозиция развилась в распространяемую по всей Швейцарии организацию, руководство которой находилось в руках центрального комитета в Цюрихе. Организация называлась «Интернациональные революционные социалисты Швейцарии». Председателем центрального комитета был гг. Фруггман. Задачей центрального комитета было объединение всех революционно-оппозиционных сил местных организаций, организация систематической борьбы с оппортунизмом в профессиональных союзах и в социалистической партии, издательство для этой цели литературы и листовок.

Таким образом, мы сумели на годовом собрании швейцарского союза деревообделочников ввести в прения обсуждение вопроса о советской системе, провести обсуждения о финансовой поддержке революционной пропаганды в армии и о ведении культурной работы в том направлении, чтобы рабочие могли усвоить знания, необходимые для руководства предприятими. Центральный комитет Инт. Рев. Соц. Швейц. выпустил изданием в 2000 экземпляров брошюру: «Да здравствует социальная революция», листовку «Организованным рабочим» в 10.000 экз., а также листовку «Почему и для чего должно быть учреждены советы рабочих?» в 20.000 экз. Пропаганда на заводах в пользу учреждения рабочих советов разрасталась очень быстро.

Эта деятельность и распространение литературы развивались во всех более крупных поселениях Швейцарии чрез посредство групп, примкнувших к центральному комитету.

14 июля 1918 г. в Ольтене состоялась партийная конференция. Было решено вести интенсивнейшую пропаганду за то, чтобы исполнительный комитет в Ольтене был заменен советом рабочих, крестьян и солдат и энергично поддерживать пропаганду в армии, а от партийного раскола пока воздерживаться. Карл Граф сделал доклад о программе

Инст. Рев. Соц., главными положениями коей являющиеся: создание и пропаганда советской системы, проведение через посредство рабочих советов массовых действий, воспитание и подготовка масс к принятию на себя производства.

Об руку с объединением оппозиционных сил и пропагандой советской системы шла революционная работа в армии. По инициативе группы «Фордерунг» в Люцерне возникла в сентябре 1917 первая социалистическая солдатская организация в 20 пехотном полку. В конце апреля 1918 г. один из поваращей внес в цюрихский рабочий союз предложение о немедленном созыве социалистической партии в Цюрихе собрания военнообязанных рабочих с целью создания в Цюрихе социалистической солдатской организации. Так как у швейцарских военнообязанных граждан оружие находится дома, возможно через посредство такой организации создать военное, владеющее оружием объединение рабочего класса. После долгой проволочки со стороны комитета социалистической партии в Цюрихе—собрание, наконец, состоялось. Товарищ, выступавший с докладом, стал на точку зрения, что задачей солдатских союзов является работа в армии над улучшением быта и призерения.

Мы же указывали, что задачей социалистических солдатских союзов может быть только революционизирование армии. Почти единогласно только что образовавшаяся солдатская организация присоединилась к нашей точке зрения, причем члены социал-демократического партийного комитета заявили, что они в такой политике принимают участия не будут. Тогда наша группа взяла на себя руководство социалистической солдатской организацией в Цюрихе, насчитывавшей через короткое время уже 200 членов. Социал-демократы, представители центра, хотя и провели резолюцию Бернского съезда партии относительно защиты страны и революционизирования армии, теперь всячески саботировали работу по развитию солдатского движения. Несмотря на наши неоднократные просьбы, мы никогда не получали от социалистической партии в Цюрихе финансовых поддержки на пропаганду в армии. Только от профессиональных союзов,—деревообделочников, металлистов и пр. мы получили несколько сот франков. Комитет цюрихской солдатской организации выработал устав, принятый солдатской организацией. Комитет немедленно приступил к проведению этой программы.

14 июля 1918 г., по инициативе центрального комитета Инст. Рев. Соц. и цюрихской солдатской организации, собрались в Ольтене солдаты различных швейцарских воинских частей и приняли устав организации и программу деятельности. Цюрихская секция избрала центральный комитет. Тотчас же началась интенсивная работа. Ко всем социалистическим партийным союзам и организациям молодежи были разосланы циркуляры с просьбой учредить у себя солдатские союзы. Была издана также и литература для распространения среди воинских частей. Таким образом, были изданы две брошюры в количестве 20.000 экземпляров и листовка в количестве 20.000 экз. Цюрихская солдатская организация издала две листовки, одну совместно с цюрихской группой Инст. Рев. Соц., организовавшейся тем временем в коммунистическую партию в Цюрихе (в октябре 1918 г.). Последняя листовка распространялась между солдатами, вступившими в Цюрих до всеобщей забастовки в 1918 г. В результате возник судебный процесс, причем инст. Мюллер, Берни, Фольк, Гердот, Гейбергер с женой были приговорены к 44 месяцам тюремного заключения.

Благодаря работе центрального комитета швейцарской социалистической солдатской организации, удалось рядом с организациями в Люцерне и Цюрихе учредить также же в Рейнахе, Таальвиле, Коргане, Рихтервилле, Лозанне, Женеве, Грешене и Берне. Были приняты подготовительные меры в Шо-де-Фоне, Базеле, Биле и Фрауэнфельде. Буржуазия не могла спокойно взирая на эту деятельность. 63 члена национального совета внесли в союзное собрание предложение (Грюнефельдсера), приглашающее союзный совет запретить социалистические солдатские организации и солдатские союзы. 4 марта 1919 г. это запрещение было издано. Тем не менее движение продолжалось, что естественно вызвало на сцену слова военную юстицию. Таким образом, в мае было осуждено еще пять поваращей на 17-месячное тюремное заключение за то, что они уча-

ствовали в организации солдатских советов в одном из полков кантона Ваадт. В настоящее время почти вся швейцарская армия демобилизована, так что деятельность социалистической солдатской организации теперь невозможна.

В октябре 1918 года группа Инст. Рев. Соц. в Цюрихе организовалась в коммунистическую партию. Поводом к этому послужила всеобщая забастовка в октябре, после которой много поваращей, руководивших этой группой, были исключены из социал-демократической партии. Это партийное объединение поручило центральному комитету группы Инст. Рев. Соц. Швейц. способствовать тому, чтобы во всей Швейцарии были основаны самостоятельные коммунистические партийные группы.

II. 1918—1919.

В начале ноября 1918 г. движение в смысле организации шло хорошо, центральный комитет Инст. Рев. Соц. прилагал все усилия. Несмотря на запрещение должен был выходить орган печати, и надо было созвать конгресс всех групп для окончательного разрешения вопроса о партийном расколе. Коммунистическая партия в Цюрихе совместно с цюрихской солдатской организацией издала 7 ноября, в годовщину русской революции и в память о прошлогодних ноябрьских беспорядках, листовку в количестве 6.000, обращенную к рабочим и солдатам.

Разразившаяся в Германии и Австрии революция снова сильно подняла революционное настроение швейцарского пролетариата. Союзный совет занял города войсками, что дало повод ко всеобщей стачке в ноябре, которая впрочем через несколько дней прекратилась из-за малолушья и прусости исполнительного комитета в Ольтене.

Наша пропагандистская деятельность во время всеобщей забастовки выражалась, между прочим, в распространении многих тысяч составленных для солдат брошюр и листовок «К военнообязанным рабочим» и «Почему должны быть учреждены советы рабочих?» Благодаря этому, попали в тюрьму остальные поваращи.

После забастовки швейцарское рабочее движение вступило в полосу спокойствия. Пролетарская масса недовольна ~~на предателей-вождей~~. Наше движение было дезорганизовано.

Но жестокие репрессии взбешенной буржуазии делали то, что несмотря на все аресты, наше движение росло в ширь и глубь.

Второй национальный конгресс происходил 24 и 25 мая в Биле. На нем присутствовало 62 представителей из всех более крупных мест Швейцарии. На этом конгрессе швейцарская коммунистическая партия выработала свою программу. В 7-ом номере «Коммуниста» помещены отчет о съезде и программа.

Кампания по поводу цен на молоко заставила нас еще раз занять определенное положение во взаимоотношениях между рабочим, занятым в промышленности, и крестьянином. После того, как социал-демократическая печать снова единодушно обрушилась на крестьян, мы в листовке «К крестьянам и рабочим» указали цель этой борьбы и науськивали.

Все более и более давали себя чувствовать финансовые трудности, что весьма нам мешало своевременно выпускать газету. Само собой понятно, что для численно еще слабой организации, какой являемся мы,—трудно собрать значительные средства, необходимые для пропаганды.

31 августа делегаты нашей партии собрались в Цюрихе, где было решено—использовать выборы в национальный совет для пропаганды советской системы. Наш лозунг: «Выбирайте рабочих советом, а не национальные советом» принес большой ущерб социал-демократии во время выборов. К выборам мы издали один номер «Коммуниста» и одно воззвание.

Для более интенсивной пропаганды во всех частях страны, мы перешли к организации окружных союзов. В настоящее время наша партия насчитывает четыре местных секции в Цюрихе, Биле, Люцерне и Винтертуре, где проведено организационное разделение между социал-демократией и коммунистами. Общее число членов в этих четырех местах равно 1200.

В Базеле, Женеве, Берне, Шо-де-Фон, Аарау, Бадене, Бругге, Ширене, Таальвиле, Горгене, Рихтерсвилле, С. Галлене, Шаффгаузене, Удвиле, Рейнахе, Тессе, — у нас имеются сильные коммунистические группы, примыкающие к нашему центральному комитету, но не совсем отделенные в организационном отношении от социал-демократической партии. В ближайшие дни предстоит в Берне и в Базеле отделение и основание коммунистических партийных организаций. Почти во всех более крупных местах у нас имеются агенты, распространяющие нашу литературу. У нас хорошие отношения с социалистической организацией молодежи. Последний ее конгресс принял резолюцию, указавшую для движения молодежи направление, приобщающее ее к нам.

Центральный комитет был в большинстве избран из примыкающих к нашей партии. Точно также нашим товарищам удалось, после упорной борьбы, вытеснить правых социалистов из руководящих органов и секретариата цюрихского союза металлистов и заполнить эти места членами нашей партии. На последнем конгрессе металлистов наша оппозиция объединила против центральных органов союза 80 делегатов.

Если в ближайшее время не произойдут в окружающих нас странах события, которые побудят швейцарский пролетариат к дальнейшим действиям, вряд ли примет раскол в социал-демократической партии более крупные формы. Последовательные коммунисты будут, конечно, выступать единично и группами и основываясь самостоятельные секции, которые первоначально будут невелики. Коллебущиеся элементы центра: Гримм, Шнейдер, Шмид (Ольтен и Винпертур), Лобс занимают места и едут из корыта социал-демократической партии, и не так-то легко с ними расстанутся. Группа Платтена состоит также из людей, которые не боятся занять какое-нибудь правительственное местечко. (Пример-Трабер). Впрочем об этой группе в настоящее время

ничего не слышно, она, повидимому, уснула. К тому же эти господа всегда охотнее работали с правыми социалистами, чем с нами. Последовательная позиция и соответственная практическая деятельность никогда не была их сильной стороной; это выразилось в вопросе об отклонении закона о защите страны и в позиции по отношению к исполнительному комитету Ольтена. *)

Нам, швейцарцам, не пришлось пережить столь многих спаданий и лишений, как товарищам в странах, участвовавших в войне, поэтому радикализирование швейцарского пролетариата идет гораздо медленнее. Трудным препятствием является могущественная буржуазная печать которая к тому же одновременно распространяет сотни тысяч листовок против Советской России. У нас не хватает денег для того, чтобы развить контр-пропаганду, которая сумела бы сдерживать реакционную мутную волну.

В ближайшее время у нас не предвидится более крупных массовых действий. Две последние неудавшиеся всеобщие забастовки сильно охладили пыл швейцарского пролетариата.

Этой зимой будем работать в том направлении, чтобы создать во всех более крупных местах рабочие советы, а также вести пропаганду коммунизма в промышленности и в деревне еще более интенсивно, для того, чтобы подготовить промышленный и сельский пролетариат, лишь только австрийский, германский и итальянский пролетариат захватят экономическую власть, — немедленно последовать их примеру.

Я. Г.

* Редакция считает необходимым отметить, что вопреки по адресу группы Л. Платтена она оставляет всецело на ответственности авторов.

СОЮЗ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ В АВСТРАЛИИ.

Русских эмигрантов в Австралии (по отчету царского генерального консула в Австралии—Абазы), насчитывалось до войны 1914—1918 гг. — около пяти тысяч. Из этого количества, политических эмигрантов — около 500 человек, остальные — рабочие и крестьяне, эмигрировавшие в Австралию с целью заработать денег, другую фунтов стерлингов, чтобы, вернувшись на родину, упрочить свое имущественное положение. Преобладали сибиряки с юга Сибири.

Только после разразившейся капиталистической войны народов, только с 1914 года, началась интенсивная спайка разблуденных по Австралии одиночек и малых групп русских рабочих. До этого в крупных промышленных центрах — Мельбурне, Сиднее и Брисбене имелись (организованные политическими эмигрантами) союзы русских рабочих с общим количеством членов в 150—160 человек. Издавалась газета на русском языке «Известия Союза Российских Рабочих», а после закрытия ее — «Рабочая Жизнь».

На севере Австралии в Керсе, Таунсвиле и центральной Австралии — в Клонкарри, организовались группы русских J. W. W., работа которых протекала в контакте с австралийским рабочим движением. В ряде выступлений (борьба за свободу слова, агитация идей революционного индустриализма), русские рабочие находились в авангарде борцов за социализм, и многие из пострадавших за свою идейную работу в Австралии, — побывавших в тюрьмах, были русскими. Вскоре после свержения самодержавия в России, группы политических эмигрантов в Австралии получили возможность выезда на родину по даровым билетам Временного Правительства. В декабре 1917 года, по распоряжению властей, на основании «War precaution act» (акта о военной предосторожности) газета «Рабочая Жизнь» была закрыта. Союз русских рабочих в Брисбене, переименованный в Союз Российских Рабочих в Австралии, стал федерацией групп и ячеек русских рабочих. Целью союза — главной целью, — стала не культурно-просветительная работа в среде русских рабочих, а агитация за идеалы Российской Социальной Ре-

волюции в среде англичан — рабочих. Каждому члену союза вменялось в обязанность участие в членской Квинслендской Социалистической Лиге, Австралийской Социалистической Партии, или организации индустриалистов — «One Big Union Propaganda League», или Industrial Workers of the World — смотря по убеждениям вступающего... С этого времени (приблизительно с августа 1918 года) начался ряд совместных революционных выступлений организаций: Индустриального Совета Профсоюзов Квинсленда, Квинслендской Социалистической Лиги, Лиги пропаганды Одного Великого Союза и Союза Российских Рабочих в Австралии. Из центрального союза русских рабочих и вышеперечисленных английских организаций выделялась «Коммунистическая Лига», (ставшая на почву нелегальной работы по организации революционного переворота и передачи всех орудий производства в руки производителей). Были организованы 3 нелегальных типографии для печатания листовок и прокламаций. Организовывались демонстрации безработных, митинги протеста против влоржения союзных войск в Россию, велась широкая агитация в среде вернувшихся с войны солдат. «Руки прочь от России!» был наш лозунг. 8-го ноября 1918 года нами был организован праздник годовщины Социальной Революции (ошиблись на один день в вычислениях). Этот праздник заставил власти Австралии принять ряд репрессивных мер против организаторов его вплоть до закрытия зала Сентинел Голла в Брисбене — назначено нами для празднования. Не допущенные в зал, мы организовали митинг с красными флагами и пением революционных песен по главным улицам Брисбена. Митинг наш состоялся на площади рынка в Брисбене, и произошел большой революционный подъем, хотя был разогнан полицией и солдатами.

С декабря 1918 года, после закрытия газеты «Знание и Единение» мы взялись за издание газеты «Knowledge and Unity» на английском языке. Как руководящий орган большевиков — коммунистов Австралии, наша газета вполне заслужила название «mental dynamite» — как называли ее разносчики газет. Нами помещались все

речи т. Ленина и т. Троцкого, конституция Р. С. Ф. С. Р. и статьи агитационно-пропагандистского характера. Материал получался из Америки контрабандным путем. Получали журнал «Liberator», издававшийся Джоном Ридом. Не будет преувеличением сказать, что в стоячем болоте, окаменевшем в рупинерстве, неподвижном рабочем движении Австралии, мы начали новую эру,—эру борьбы за переустройство общества на социалистических началах, трудной, подчас невыносимой борьбы... Средств вести работу пропаганды в широком масштабе не было. Получить средства из России было невозможно. Приходилось напрягать все силы союза российских рабочих, отдавать все имевшиеся сбережения, неприкосновенные фонды сделать «прикосновенными», бомбардировать воззваниями отдельные группы рабочих о поддержке нашей газеты.

В январе 1918 г. была организована демонстрация-протест,—шествие с красными плакатами и транспарантами, массовый митинг, в котором принимало участие свыше пяти тысяч рабочих. Резолюция митинга требовала прекращения интервенции и отмены насильственного «акта о военной предосторожности».

В конце марта (23-го числа 1918 года) другое организованное нами шествие с красными флагами было остановлено полицейскими нарядами. Произошли столкновения с полицией. Отряды полицейских были сметы пяти тысячной толпой демонстрантов. Митинг в Домейне удался как нельзя лучше. До позднего вечера мы были хозяевами положения в городе, пока организованные и вооруженные банды вернувшихся с фронта солдат не задавили нашего движения. В стычке с солдатами и полицейскими несколько человек было легко и тяжело ранено.

В последних числах марта начался суд над повстанцами, принимавшими участие в демонстрации 23-го марта. Осуждены пов. А. Резанов, Толстоборов (русские) и десять человек англичан на 6 месяцев тюрьмы каждый и заключены в Брисбенскую тюрьму. В Сиднейскую Дарлингхерстскую тюрьму заключены пов.: Клошин, Вишневский, Маркин, Розенберг, Креслин. Какова их участь—неизвестно.

В последнее время в Сиднее состоялась конференция представителей профсоюзов, и принято решение объединить все союзы в «One-Big-Union» по производственному принципу; конференция железнодорожников постановила бороться за 6-ти-часовой рабочий день и национализацию железных дорог и мастерских с рабочим контролем над производством; наша газета «Knowledge and Unity» издается и пользуется заслуженным успехом.

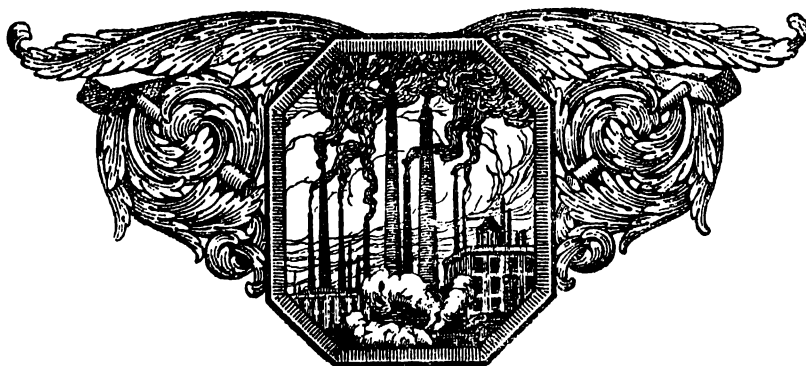
Выводы таковы: уроки войны открыли возможность проникновения идеалов социальной революции в самые широкие слои пролетариата Австралии, развеяли дурман капиталистического парламентаризма, который впитывался англичанами с молоком матери. Сознание англичан-рабочих презреет. Отношение к русской Социальной Революции осмысленно-благожелательное. Желтая, капиталистическая пресса переусердствовала в размалевывании ужасов большевизма, она сыграла роль лучшего из агитаторов большевизма, изо дня в день сообщая пространные вести о творящихся в России «беспорядках». Население перестало верить всей этой белиберде, научилось читать между строк. Конституция Р. С. Ф. С. Р., которую мы выпустили, кроме газет, еще в листовках в количестве 6 тысяч экземпляров—не хватило. Она произвела потрясающее впечатление. Большая часть индустриалистов (I. W. W.) охотно называют себя австралийскими большевиками. В ряде процессов они называют себя с гордостью большевиками и ссылаются за это в Южную Америку.

Революционная ситуация (без которой революция немислива), — налицо в Австралии!

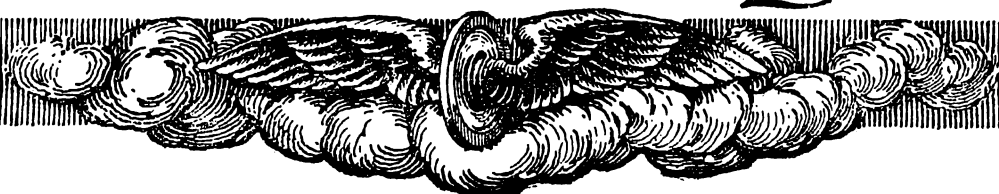
Только меньшая часть вернувшихся с войны солдат (а их было 350 тысяч человек) удовлетворена. Предприниматели отказываются принимать на работы вернувшихся с фронта, и массы волонтеров-австралийцев—левеют.

Промышленность в застое. Главным покупателем австралийских металлов и руды являлась Германия. Громадные запасы руды заставляют владельцев приостанавливать работу рудников. Массы рудокопов вышвыриваются на улицу. Полумеры правительства как-то: выдача пайков, оказание денежной помощи безработным—не достигают цели. Дороговизна на предметы первой необходимости растет. Негодование против спекулянтов, против буржуазии—вообще, крепнет, оформляется в политике рабочих организаций, которые ставят перед собою задачи не социальных реформ (как это было раньше), а социального переустройства. Характерно—Австралия не дала ни одного солдата для организовавшихся экспедиций в Россию... Наш долг—долг коммунистов, быть там, в Австралии, и фрондерство, неосмысленное, неосознанное большинством рабочих в Австралии, общее негодование против буржуазии, сделать осознанным, классовым рабочим революционным движением под знаменем III-го Коммунистического Интернационала. Необходимо оказать самую широкую материальную помощь газете «Знание и Единение», если только она не умерла до сих пор, а если умерла, то возродить ее. Сил в Австралии много, нужно только иметь руку, направляющую эти силы для согласованной работы.

Р.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЛАТВИИ.

От ред. Посвящается белым латвийским социал-демократам, заключившим «гражданский мир» с палачами латвийских рабочих.

Дорогие товарищи!

Нам известно постановление Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, что в государствах, где господствует буржуазия, Коммунистические партии должны принимать участие и звать широкие массы к участию в выборах, как в коммунальных учреждениях, так и в Учредительных Собраниях, ибо это не является отказом от принципа, если партия при этом выступает на выборах со своей коммунистической программой, но является продолжением этой коммунистической программы. Нам известны взгляды славных вождей пролетарской революции, н.п. Ленина и Зиновьева, по этому вопросу. И все-таки Коммунистическая Партия Латвии не могла участвовать в выборах в Учредительное Собрание Латвии.

Нас не отделяют принципиальные разногласия от наших товарищей в России и все таки мы решили иначе. Почему?

Как бы ни показалось непонятным нашим товарищам вне Латвии, оно будет хорошо понятно нашим товарищам, сейчас живущим и борющимся в Латвии. Товарищи ни в России, ни в прочих государствах не информированы в достаточной мере об ужасных условиях, в каких сейчас приходится жить и бороться пролетариату Латвии. Некоторые товарищи за границей, может быть, полагают, что нынешнее буржуазное правительство Латвии действительно демократично, что здесь рабочий класс пользуется обычными в западно-европейских странах организационными возможностями. Этот взгляд неверен, а если отказаться от этого взгляда, то непонятное становится понятным.

В Латвии у власти — буржуазия (Крестьянский Союз и Городская крупная буржуазия, т. е. демократы), и демократизм ее проявляется только в чисто белогвардейских зверствах, перед которыми бледнеют времена царской реакции и даже подвиги карательных экспедиций 1905 года. То, что у нас еще возможно было в самые темные времена царизма и даже германской оккупации, невозможно теперь. Чтобы понять, насколько широкие размеры приняла реакция правительства Ульмана, надо иметь в виду, что число рабочих, зверски убитых в течение последнего года, в десять раз превышает цифры 1905—08 г.г. Правда, на бумаге у нас существуют свободы союзов, печати и слова, но использовать их могут только буржуазия и услужливые с.-д. — меньшевики. Но тот, кто произнесет слово «коммунизм» или «социализм», в настоящем его смысле, считается «государственным изменником» и предается военно-полевому суду. И достаточно сочувственно посмотреть в сторону Советской России, чтобы по этике Латвийского буржуазного правительства заслужить смертную казнь.

Так, в 1919 г., в ноябре префект г. Либавы расклеил по городу официальное объявление, строго запрещающее слова «большевик», «коммунизм» и т. д. и благоприятные отзывы о Советской России. За нарушение этого постановления он пригрозил наказанием от 6 месяцев тюремного заключения до многолетней каторги. Достаточно было малейшего подозрения в принадлежности к Коммунистической Партии, чтобы предать военно-полевому суду на расстрел или расстрелять без всякого суда во время «бегства» или чтобы найти арестованного в его камере «повесившимся». Таким образом совершенно убийство многих сотен рабочих. Если число убитых немецкими баронами и войсками Недра 22/V—1919 г. в Риге по расчетам буржуазных газет составляло 7.500, а по расчетам самих жителей достигло до 12.000, то правительство Ульмана за время своего управле-

ния оправило на шом свещ не менее 3.000 рабочих и солдат. В тюрьмах сейчас помнит ся около 5000 рабочих и солдат. Сюда не включены концентрационные лагеря. И все это в крошечной Латвии, где и списки избирателей (на основе всеобщего избирательного права) в Учредительное Собрание с большим трудом собрали 900.000 лиц по всей объединенной Латвии (цифры смертных казней и арестованных по Латвии нам неизвестны и здесь не включены). Для расстрела рабочего достаточно малейшего подозрения или доноса, или простого факта, что у него нашли российские деньги. Сотни убиты без суда за то, что перешли через границу из России. Очень много народа перебито за то, что работали в советских учреждениях. Достаточно будет немногих фактов, чтобы сделать картину более яркой.

В июле 1919 г. в Штокманской волости, в Лифляндии, арестовали архитектора Якова Апсиа, состоявшего в Советском Правительстве Латвии товарищем Комиссара Государственных Сооружений. Апсиа в том же день без всякого суда расстреляли. В ноябре в Риге арестовали инженера Якова Прейса, который во время Советской власти был товарищем Комиссара Внешнего Обмена. Во время ареста при нем ничего преступного не нашли, но через несколько дней Прейс был убит во время «бегства». В декабре в Риге арестовали Яна Ландсмана, секретаря Комиссариата Социального Обеспечения. Ландсман в том же день был предан военно-полевому суду и расстрелян как «государственный изменник, шпион и коммунист». В декабре в Риге арестовали рабочего Фрица Баяра, у которого нашли ролик из химической массы. Его после тяжелых пыток расстреляли за то, что он не указал, где типография. В Вольмаре в декабре арестовано было собрание из 30 человек. При аресте ничего не нашли, тем не менее по приговору военно-полевого суда 11 участников собрания были расстреляны, в том числе две ученицы: одна 14 и другая 16 лет. Чтобы оправдать это **убийство детей**, газеты наполняли свои столбцы ложными сообщениями о **намерениях** арестованных ограбить банк и убить офицеров. Тем же порядком убили коммунистку Эмму Паум и члена организации молодежи товарища Винтен, а в последнее время Яна Зукковского. Это только несколько фактов, ибо если опметить всех убитых, то список стал бы слишком длинен. Арестованных подвергают пыткам. Бледнеют подвиги Грегуса царских времен, национальные демократы более основательно справляются с этой работой. Жерш буржуазии не только бьют, но окончательно превращают в кадек. Арестованных допрашивают в армейском Отделе разведки (Николаевская ул. 7, а ныне по Школьной, 19), после этого допрошенному объявляют, что он будет расстрелян; спавши там же к стене, заряжают винтовку и стреляют... но пули летят нарочно мимо и целевшую жершву снова допрашивают, чтобы

сознался, а если не сознается, снова стреляют. Многие не выдерживают этого испытания, сходя с ума и кончают самоубийством; другие сознаются, что они коммунисты, чтобы их скорее расстреляли; третьи, наконец, выдают все, что знают.

В начале марта арестовали на квартире Лавизу Берце и пришедшего к ней на квартиру М. Скудра. Во время пыток они оба были настолько изувечены, что товарищи в тюрьме их не узнали, когда их вели к расстрелу. У Л. Берце перелом руки, на теле во многих местах раны от истязаний. Это была женщина, у которой одна нога уже искривлена от болезни, так что она много лет ходила на костылях. 22 мая 1919 г. пуля баронской банды раздробила ей одну руку. И эту увечную 40-летнюю женщину, у которой не нашли ничего предосудительного, агенты правительства Ульмана изувечили окончательно, чтобы ее потом 17 марта вместе со Скудро **расстрелять** за «государственную измену».

Вот каковы те полицейские условия, которые нам не позволяют участвовать в выборах в Учредительное Собрание. Не может быть речи о списках Коммунистической Партии, ибо каждый избиратель, подписавший подобный список, а равно и все выставленные кандидаты были бы убиты подобно тысячам других. И не только коммунистический, но и беспартийный список подвергается преследованию. Так, на выборах в Рижскую Городскую Думу был выставлен беспартийный рабочий список, — избранных арестовали и **они сидят поныне**. То же самое в Тальсене, там сидят трое гласных социал-демократов.

Итак, участие в выборах и технически неосуществимо, ибо своих кандидатов коммунисты выставить не могут. И за кого приглашать подавать при таких условиях голоса рабочих? За социал-демократов — меньшевиков, играющих роль оппозиции Его Величества?

Но всем известно, что меньшевики помогали и помогают еще ныне укрепить власть буржуазии и одурачить рабочих. Избирательная борьба имеет смысл только тогда, если возможно выступить с коммунистической платформой и вполне самостоятельно. Компромисс был бы принципиально и практически непоправимой ошибкой. Поэтому и Коммунистической Партии Латвии не остается другого выхода, как объявить: «Долой Учредительное Собрание!» и на место его поставить Съезд Рабочих Советов.

Мы знаем, что массы будут участвовать в выборах; мы знаем, что бойкот не превратится в бойкот со стороны большинства народа и что вместо Учредительного Собрания мы сегодня — завтра не можем созвать Съезд Рабочих Советов. Освобождение Латвийского пролетариата может произойти лишь вместе с победой Европейского пролетариата. Но чтобы содействовать этой победе, мы должны укреплять свои организации и вести коммунистическую агитацию;

мы не могли выставить кандидатуры поваращей в Учредительное Собрание лишь для того, чтобы увеличить число мучеников за коммунизм.

Кое-кто может быть будет сомневаться по поводу этого предположения, но в нынешней Латвии «все» возможно, ибо не даром всю Латвию называют «могилой коммунаров», где совершались убийства неисчислимого количества коммунаров, о смерти которых открыто сказано слово запрещено.

В тот момент, когда в Учредительное Собрание Латвии прошло бы хотя бы немного коммунистов, нынешнее правительство домо- и землевладельцев пало бы. Это понимает нынешнее правительство и потому беспощадно истребляет всех подозрительных.

Изменил ли Учредительное Собрание нынешнюю Латвию, трудно сказать. Скорее всего, нынешняя политика будет продолжаться. Она поведет к тому, что и несознательные рабочие массы изживут свои иллюзии, которые поддерживают в них с.-д. меньшевики. Если бы партия с.-д. меньшевиков победила на выборах, это было бы несчастьем для нее, ибо дать обещанное она никак не может, пока у власти буржуазия, а взяв самим власть в свои руки с.-д. меньшевики боялись. Они стояли за коалицию, поочтутся на месте, а социализма ждут на пути эволюции. Они дрожат в страхе перед диктатурой пролетариата, а вопиют, когда сами на себе чувствуют тяжелую руку диктатуры буржуазии. Ищут, но не находят пути к настоящей демократии. Может случиться, что и их загонят в подполье, ибо уже ныне агенты правительства Ульмана устривают покушения на лидеров меньшевиков, но в таком случае меньшевики потеряют большую часть своих членов, — рабочие перейдут к коммунизму, мелкобуржуазные элементы испугаются нелегальности. А меньшевики будут продолжать плестись

во хвосте буржуазии. То же самое произойдет в случае их победы.

Положение Латвии изменилось с победой международного пролетариата. Нынешний переходный момент является эпохой самой черной реакции, какую когда-либо приходилось пережить рабочему классу Латвии. Если революция победит в Западной Европе **в ближайшем будущем**, то освобождение Латвийского пролетариата произойдет легко и быстро, ибо латвийское белогвардейское правительство не может держаться без внешней поддержки Антанты. Если революция будет развиваться медленнее и Латвии придется на время стать колонией Англии, — то борьба будет труднее и пройдет продолжительное время, пока Коммунистическая Партия сможет использовать легальные возможности. Но каков бы ни был путь развития революции, мы наверное знаем, что она приведет через пролетарскую диктатуру и Советскую Латвию к Коммунизму.

С коммунистическим приветом.

Центральный Комитет Коммунистической Партии Латвии.

П. СТУЧКА.

30-го Марта 1920 г.

Р. С. В закон о выборах в Учредительное Собрание Латвии была внесена статья, которая лишает коммунистов активных и пассивных избирательных прав.

Принимая эту статью, «Народный Совет» из своей среды выбрал Комиссию из 5-ти юристов, на которую он возложил обязанность формулировки понятия «Коммунист» и определения его признаков. Комиссия проработала целую неделю и в конце концов констатировала, что она не нашла порученной ей формулы.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИГИ ЮЖНОЙ АФРИКИ.

(Принята годичным делегатским съездом 5—6 января 1919 года).

Международная Социалистическая Лига стоит на почве классовой борьбы.

Признавая классовую борьбу, Лига исходит из той предпосылки, что современный общественный строй основан на капиталистической системе производства, т. е. на эксплуатации рабочего класса классом капиталистов.

Эта система, зародившаяся в Англии в конце средних веков и потом распространившаяся во все другие страны мира, неизбежно ведет к уничтожению как мелкого, так и кустарного производства и к сосредоточению

всех машин и природных богатств в крупных промышленных предприятиях колоссальных размеров, которыми владеет и которые контролирует немногочисленный привилегированный класс.

Эта концентрация капитала в руках меньшинства ведет, в свою очередь, к концентрации насильно мобилизованных масс рабочего класса в громадные рабочие армии и к превращению широких слоев народа в немущих пролетариев, лишенных собственности и не принимающих никакого участия в контроле над производством и распределением продуктов их труда.

Отдельный маленький инструмент превращается в большую машину, единичная мастерская—в громадную фабрику, в которой заняты тысячи рабочих.

Продукты, получаемые благодаря этому развитию индустрии и техническому прогрессу, не попадают в руки народа, а сплавляются достоянием класса капиталистов, который, владея средствами производства, контролирует правительство и все проявления общественной жизни, так же как и всю жизнь рабочего класса.

Капитализм развращает все, с чем он приходит в соприкосновение.

Для рабочих результатом этого развития индустрии является безработица и обнищание, для широких масс—потеря личной свободы и гибель миллионов человеческих жизней в бессмысленных боях, являющихся естественным результатом конкуренции различных национальных капиталистических клик.

Появление машин и зарождение крупной индустрии способствует экономии труда, которого теперь приходится запрашивать в несколько сот и даже тысяч раз меньше, но это влечет за собой не сокращение рабочего дня, а уменьшение количества рабочих, преобладающих над работодателями.

Но массовая мобилизация рабочих, прудящихся под одним и тем же управлением, развивает в них вместе с тем дух классового сотрудничества и классовой солидарности, а следствием этого является то, что рабочие, научившись работать совместно, сами собой приходят к мысли о необходимости взять в свои руки все то, что создано их общим трудом.

Для осуществления этого необходимо, чтобы все капиталистические средства производства—земля с ее продуктами шахты и рудники, запасы сырья, инструменты и машины, средства обмена и т. д. из частных рук перешли в общее владение. Иными словами, необходимо произвести такую революцию, чтобы капиталистическая индустрия, которая до сих пор была источником нищеты и угнетения для рабочего класса, стала оплотом основой социальной гармонии. Сделавшись хозяевами продуктов своего труда, рабочие освободятся от рабства эксплуатации их труда.

Осуществление этой революции является задачей пролетариата всех стран, и может быть делом только пролетариата, так как все остальные классы общества заинтересованы в существовании капиталистической системы.

Таким образом, рабочий класс и класс капиталистов не имеют между собой ничего общего.

Интересы рабочих одинаковы во всех странах, и все рабочие должны стремиться к одной общей цели, без различия цвета кожи, расы и национальности.

Из этого следует, что рабочий класс в Южной Африке не может добиться освобождения, пока он не преодолеет в своей сред-

расовых предрассудков и враждебного отношения к людям другого цвета кожи.

Освобождение труда возлагает на рабочих каждой страны особые задачи.

Экономическое господство капитала опирается на контроль капиталистов над политической властью. Первым шагом пролетарской революции будет поэтому захват политической власти в интересах рабочего класса и установление политической диктатуры пролетариата.

Окажутся ли наиболее целесообразным орудием для осуществления политической диктатуры пролетариата в Южной Африке существующие выборные учреждения или Рабочие Советы, это будет зависеть от того, каким влиянием будут пользоваться парламентские представители пролетариата в момент наступления революции. Однако, ввиду того, что громадное большинство Южно-Африканского пролетариата лишено избирательного права, следует признать безусловно необходимым создание центрального Совета Рабочих и местных Советов, опираясь на которые пролетариат может стать господином положения. Пока же выборы в законодательные учреждения должны служить одним из средств пропаганды идей социализма.

Пользуясь орудием политической диктатуры, пролетариат разрушит все, что способствует угнетению масс, все учреждения капиталистического государства, суды, полицию, тюрьмы, вооруженную силу, и уничтожит правительственную власть.

Он организует индустриальную коммуну, передав в руки рабочих контроль над нею и все управление как общее, так и в отдельных отраслях.

Ввиду того, что все учреждения, направленные к угнетению народа, исчезнут с освобождением пролетариата, придется заботиться лишь о поддержании и увеличении производительности промышленности посредством введения все новых машин, усиленного использования естественных богатств и умелого сочетания рабочих сил.

Каждое отдельное предприятие будет контролироваться своим собственным комитетом рабочих; каждая отдельная отрасль промышленности—общим органом таких комитетов; вся промышленность—объединением этих органов в одну индустриальную республику, национальную и интернациональную, которая приведет в стройный порядок всю индустриальную деятельность страны и будет заботиться об удовлетворении нужд всего народа.

С введением обязательного труда для всех, все классы исчезнут, и последним актом политической диктатуры пролетариата будет уничтожение самой себя. Классовое государство уничтожится. Останется лишь управление, предоставляющее всем и каждому полную свободу развиваться сообразно своим способностям.

Осуществление такой революции в Южной Африке ставит себе целью Интернациональная Социалистическая Лига.

Путь к этому осуществлению уже расчищен славной социалистической революцией в России, происшедшей 7-го ноября 1917 г. И хотя развитие капиталистической индустрии, описанное выше, еще не достигло полной зрелости в Южной Африке, наступление пролетарской революции в Европе делает неизбежным уничтожение капиталистического гнета во всех странах.

Непосредственной задачей И. С. Л. является просвещение, агитация и организация рабочих для предстоящего великого дела, для осуществления революции в нашей стране.

Одной из особенностей условий борьбы в Южной Африке является наличие громадной массы неграмотного чернокожего на-

селения, теперь мало по малу выходящего из примитивного состояния и отчасти уже ассимилировавшегося с белыми рабочими, благодаря системе наемного труда.

Пробудить и зажечь энтузиазмом наших темнокожих товарищей-рабочих для того, чтобы и они могли справиться со своей долей ответственности, падающей на них, как на один из отрядов всемирного пролетариата, — должно быть нашей особой обязанностью.

Мы должны побуждать белых рабочих к тому, чтобы они старались просветить, организовать и привлечь к совместной работе темнокожих товарищей-рабочих, занятых в одном предприятии с ними, в шахтах, на фабриках, заводах и мастерских, для того, чтобы Социалистическая Республика Южной Африки могла быть основана при полной солидарности всех рабочих.

БУНД О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И О ТРЕТЬЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

Всеобщий Еврейский Рабочий Союз (Бунд) на XII-ой своей конференции принял резолюцию о текущем моменте и задачах партии. Мы приводим здесь выдержки из этой резолюции, говорящие об отношении Бунда к Советской власти и к Коммунистическому Интернационалу:

1. Одинадцатая Конференция Бунда стала на почву социальной революции и официального признания Советской власти. Опыт прошедшего года целиком подтвердил эту позицию.....

7. Российская Социалистическая Советская Республика превращается в мощный организующий центр мировой революции. Советская система получает все более широкое признание в рядах пролетариата. Лозунги российской революции становятся лозунгами всего мирового пролетариата. Победа Советской России становится делом всех рабочих мира. Требование рабочих не вмешиваться в дела Советской России, снятие блокады, завязать с ней торговые сношения — нарастают в течение всего года во всех странах. Оно становится лозунгом избирательных кампаний, требованием во время экономических забастовок. Это движение заставляет правительство отказываться от военных планов по отношению к России, оно является одним из мощных факторов, приведших к снятию блокады.

XII Конференция Бунда констатирует, что силы социальной революции организуются для наступления на капитал под лозунгами октябрьской революции.

8. Для Советской России последний период после двухлетней упорной, кровавой борьбы с внутренней и внешней контр-революцией за укрепление политической диктатуры пролетариата привел к решительной победе.

9. Победы на фронтах, окончательное уничтожение сил Деникина, Колчака и Юденича дают российскому пролетариату возможность, не складывая оружия, в то же время приступить к работе социалистического строительства. Перед российским пролетариатом встают теперь новые и сложные задачи: укрепить народное хозяйство, поднять производительные силы страны, укрепить базу социальной революции, экономическую диктатуру пролетариата. В порядке дня стоит всепоборное вовлечение всех трудящихся масс в борьбу на новых фронтах — фронтах борьбы с промышленной и транспортной разрухой, голодом, эпидемиями, невежеством, которые вместе составляют великий бескровный фронт труда.

Поспешное проведение всеобщей трудовой повинности, введение железной трудовой дисциплины, перевоспитание трудящихся масс в духе коллективистского творчества являются наиболее насущными задачами дня, и революционно-марксистская организация еврейского пролетариата «Бунд» имеет перед собою великую и ответственную задачу провести эти принципы в широких массах еврейских рабочих и еще больших массах вчерашней мелкой буржуазии, которая должна быть привлечена к производительному труду.

10. XII Конференция Бунда констатирует, что за прошедший год Советская власть все решительнее и увереннее шла путем, который один только может обеспечить победу революции. Это путь действительного соглашения с деревней, замены реквизиций системой принудительной хлебной развозки, установления регулярного товарообмена с деревней, организации технической и материальной помощи крестьянству, оспорожности в организации советских хозяйств и сельскохозяйственных коммун, создания сельских советов и передачи власти в деревне среднему и бедному крестьянству. Это путь систематического вовлечения широких масс в процесс советского творчества-строительства, превращения советов в живые органы советского творчества, орошения советских учреждений и проведения в жизнь действительного рабочего контроля, пробуждения самостоятельности в самых широких массах. Всеми силами Бунд должен помогать Советской власти на этом пути, который характеризуется уже XI Конференцией как единственный правильный.

11. Бунд должен со всей энергией поддерживать тенденцию власти к все большему откату от системы террора.

12. Вместе с Советской властью Бунд должен беспощадно бороться с бюрократизмом, канцеляризмом, административным произволом, которые так часто встречаются на местах, благодаря бедности в силах, необходимости вести работу посредством буржуазных специалистов и пассивности более широких масс.

13. Бунд поддерживает продовольственную политику власти, категорически осуждая все открытые и замаскированные попытки укрепить и санкционировать свободную торговлю.

14. Подводя итог опыту последнего года, XII Конференция Бунда констатирует:

1) что с XI Конференции Бунд принципиально стал на платформу коммунизма;

2) что программа Коммунистической Партии, которая в то же время является программой Советской власти, соответствует принципиальной позиции Бунда;

3) что „единый социалистический фронт“ с принципиальными противниками Советской власти, которые противопоставляют пролетариат его власти, невозможен;

4) что наступил момент, когда Бунд может отказаться от своей официальной оппозиционной позиции и взять на себя ответственность за политику Советской власти.

XII Конференция Бунда осуждает все попытки создания особого III Интернационала.

Признавая:

а) Что III Интернационал должен включить в свои ряды не только коммунистические партии, но также все пролетарские партии, на деле порвавшие с II Интернационалом и вместе с тем ставшие на платформу социальной революции, революционной классовой тактики и борьбы за диктатуру.

б) Что тактические и даже программные разногласия между отдельными коммунистическими и социалистическими партиями, стоящими в общем на платформе III Коммунистического Интернационала, разно-

гласия, которые могут оправдывать существование этих партий, никоим образом не могут мешать объединению этих партий в рамках III Интернационала.

в) Констатируя, что III Интернационал за время своего существования показал, что он строит новую мировую тактику, учитывая объективную обстановку в каждой стране, оценивая реальные возможности, энергично борясь против анархистски-бланкистских тенденций в рабочем классе и проводя принципы революционного марксизма.

г) Что III Интернационал официально заявил о своей полной готовности вступить в переговоры с каждой партией, которая объявляет о действительном разрыве с II Интернационалом, а также выразил готовность учесть опыт пролетарского движения во всех странах, изменить и дополнить платформу III Интернационала на основе теории марксизма и опыта революционной борьбы во всем мире.

Констатируя далее, что для Бунда, который стоит на принципиально-коммунистической позиции, не может быть в этом вопросе речи о сомнениях и колебаниях, которые у других партий являются результатом их разногласий с коммунизмом,

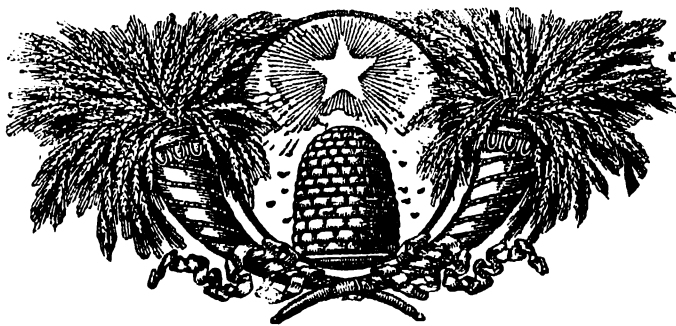
XII Конференция Бунда постановляет, что Бунд Советской России присоединяется к III Коммунистическому Интернационалу и призывает все части Бунда, отторгнутые от него империалистической и гражданской войной, последовать примеру Бунда Советской России.

ВЫХОД МЕНЬШЕВИКОВ ИЗ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

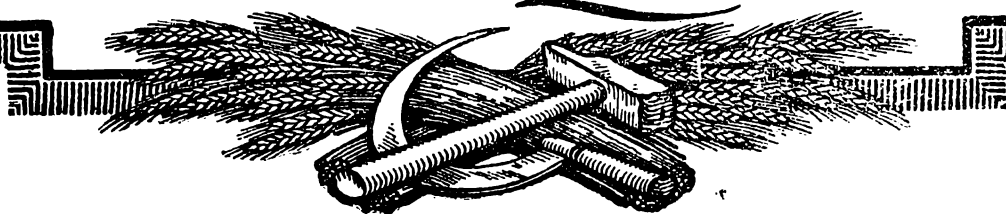
На заседании пленума Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 20 апреля 1920 г. Мартов сделал заявление о том, что 10-го марта 1920 г. Центральный Комитет партии меньшевиков принял резолюцию по вопросу о возрождении Интернационала. В пункте 3 этой резолюции говорится следующее:

«Такого рода центром, т.-е. центром объединяющим, не может быть II Интернационал, сыгравший огромную историческую роль в прошлую эпоху, в эпоху, предшествовавшую войне, в период органического и спокойного развития мирового капитализма, когда перед социалистическими партиями стояла задача воспитания и организации рабочих масс и руководство их классовой борьбой на основе возможностей, даваемых буржуазным строем. Этому II Интернационалу был нанесен изнутри смертельный удар тем фактом, что в переломный момент объявления мировой войны руководящие партии сошли с позиции классовой борьбы на почву политики социального мира. В последнее время он окончательно добит тем, что некоторые из этих партий, несмотря на обнаружившееся банкротство этой политики, оказались неспособными вернуться на

революционные классовые позиции и продолжают за нее цепляться, делая тем самым совершенно невозможным объединение с ними партий и элементов, проникнутых сознанием революционного характера данной эпохи. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., который еще в мае 1919 г. констатировал исторический крах II Интернационала и осудил попытки его восстановления методами механического, чисто внешнего объединения разнородных и несоединимых элементов и который в прошлом году, когда в нем еще участвовали все революционно-социалистические партии, кроме коммунистов, признавал необходимым участвовать на Бернском и других совещаниях лишь с информационными целями, не связывая себя их решениями,—ныне с одобрения партийного совещания от 10 марта сего года постановляет: порвать организационные связи с остатками II Интернационала. Приветствуя мысль германских независимых и французских социалистов о созыве совещания революционно-социалистических партий, в целях организации указанного выше международного центра, Р. С.-Д. Р. П. выражает полную готовность принять самое активное участие как в самом совещании, так и в его подготовке».

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕХ СТРАН.

Рабочие всех стран! На востоке **снова льется кровь**. Снова громадные области разоряются военными действиями; снова прудящиеся массы России, жаждущие мира, жаждущие творческой работы восстановления и возрождения, принуждены взяться за оружие. Наступление капиталистической и помещичьей Польши на Советскую Россию прерывает работу мирного строительства, за которую взялись рабочие и крестьяне России после того, как они разбили Колчака, Деникина и Юденича, этих агентов мирового капитализма, и отстаивали свою землю, свои фабрики и заводы.

Кто же виновник этих новых преступлений? Вы знаете, что Советское правительство признало независимость польской республики с первого же дня ее возникновения. Вы знаете, что Советское правительство неоднократно предлагало польскому правительству мирные переговоры. Вы знаете, что Советское правительство, щадя кровь русских и польских рабочих, готово было идти на уступки территориального и экономического характера. Вы знаете, что оно, — твердо уверенное в том, что польские рабочие, союзники русского пролетариата, раньше или позже возьмут власть в свои руки, — согласно было отдать пока что польским правящим классам даже такие территории, которые по составу населения не должны принадлежать Польше. Вы знаете, что Советское правительство готово было вести мирные переговоры не только в Варшаве, но даже в Лондоне или Париже, столицах правительств, связанных с польскими капиталистами и помещиками. Польша ответила на мирные предложения Советского правительства предательским **наступлением** на Украину, причем наступление это ведется под знаменем восстановления власти Пеплюры, этого авантюриста, который продавался то союзным капиталистам, то немецкому империализму, и который теперь, после того, как рабочие и крестьяне Украины лишили его власти, продан польским поме-

щикам, исконным угнетателям украинского народа. Польша начала войну в целях ограбления украинских крестьян и передачи их земель польским помещикам. Польша воюет за то, чтобы на Советскую Россию, разоренную нападениями союзного капитала, наложить громадную контрибуцию.

Вот за что воюет Польша!

Но виновниками этой войны являются не только польские помещики и капиталисты. Виновниками являются одновременно и правительства Антанты. Это они вооружили и вооружают белогвардейскую Польшу. Вступая с Советской Россией в переговоры о возобновлении торговых сношений, они в то же время не перестают надеяться, что им удастся сломить рабочих и крестьян России. Торговля с Советской Россией должна, по их мнению, разложить ее изнутри; и в то же время они лелеют надежду на сокрушение Советской Республики извне: им кажется, что когда снова выступят какие-нибудь контр-революционные силы против Рабоче-Крестьянской России, им, союзникам, удастся при помощи этих контр-революционных сил снова надеть ярмо на русский пролетариат и крестьянство. **Французские капиталисты** послали в Польшу не только громадное количество оружия, но и 600 офицеров (с генералом Анри во главе), которые должны помогать польским офицерам громить Советскую Россию. **Английское правительство** могло бы одним твердым словом: «Довольно войны, довольно разрушения! Россия нужна всему миру, как источник хлеба и сырья», — остановить эту войну. Но правительство Ллойд Джорджа, которое в своих нотах Советскому правительству взывает к чувству гуманности, которое пребует амнистии для русских контр-революционеров в Архангельске и в Крыму, не подумало даже сказать Польше, что довольно крови и слез. **Польские бандиты** обещали правительству Ллойд Джорджа, что они доставят ему из ок-

купированной Украины нужное количество хлеба и сырья, и этого обещания было достаточно, чтобы правительство Англии, лицемерно продолжая вести переговоры о торговых сношениях с Советской Россией, благословило белую Польшу на войну. **Итальянское правительство** Нитти, которое, трепеща перед итальянскими революционными массами, пользуется всяким удобным случаем, чтобы изъяснить свои дружеские чувства к русскому народу, не только не посмело открыто заявить протест против наступления белогвардейской Польши, но и посылает ей через Австрию оружие. **Об американском правительстве** и говорить не приходится: американские летчики бросают бомбы на украинские города! **Виновниками этой войны являются правительства всех союзных стран.** Все они в большей или меньшей степени поддерживают польских захватчиков и грабителей.

Рабочие всех стран! Советская Россия справилась с бесстыдными бандитами польского империализма, как она справилась с Юденичем, Колчаком и Деникиным, которых тоже поддерживали ваши правительства. После легких побед на Украине польским легионам придется испытать на себе гнев рабочих и крестьянских масс всей России, гнев даже беспартийных масс, научившихся, наконец, видеть в Советском правительстве защитника независимости стран. Но вопрос в том, **как долго будет продолжаться эта война, сколько будет пролито крови, сколько будет разрушено богатств, сколько еще новых, свежих ран будет нанесено русскому народу.** От вас, рабочие всех стран, зависит, чтобы эта война в самый кратчайший срок окончилась разгромом польских капиталистов и помещиков.

Рабочие аммуниционных заводов Франции, Англии, Италии и Америки! Не производите ни одного патрона, ни одной винтовки, ни одной пушки для Польши!

Рабочие транспорта, железнодорожники, грузчики, матросы! Не отправляйте в Польшу ни снаряжения, ни продовольствия, ибо все это должно служить делу войны против рабоче-крестьянской России!

Рабочие всех союзных стран! Выходите на улицу, устраивайте демонстрации и забастовки под лозунгом: «Долой поддержку белогвардейской Польше! Союзники должны привязать на цепь свою собаку — польских капиталистов и помещиков — и заключить честный мир с Советской Россией!»

Рабочие Германии и Австрии! Вы знаете, что Советская Россия является спол-

ном мировой революции, которая одна только может освободить вас от ига ваших собственных капиталистов и от пепла, брошенной на вашу шею Версальским и Сен-Жерменским мирами. **Германские железнодорожники!** Не пропускайте поездов из Франции в Польшу! **Портовые рабочие Данцига!** Не выгружайте пароходов, предназначенных для Польши! **Австрийские железнодорожники!** Ни один поезд из Италии не должен быть пропущен в Польшу!

Рабочие Румынии, Финляндии и Латвии! Ваши белые правительства, связанные тайными договорами с польскими помещиками, могут втянуть и вас в эту войну. Будьте настороже, сделайте все, что в ваших силах сделать, чтобы не допустить этого позора.

Рабочие Польши! Вам, связанным с русским пролетариатом тринадцатилетней совместной борьбой, не нужно напоминать о ваших обязанностях. Вы исполняете свой долг, устраивая демонстрации и забастовки во имя мира с Советской Россией. Вы боретесь, платя за свою борьбу тысячами жертв. С гордостью смотрите на вас III Интернационал, среди основателей которого были славные вожди ваши — **Роза Люксембург и Ян Тышко.** Интернационал убежден, что вы напряжете теперь все свои силы, чтобы ударить в тыл белой Польше, чтобы совместно с рабочими России одержать победу над польскими помещиками и капиталистами. Вы знаете, что Советская Россия несет Польше не угнетение, а национальную свободу, освобождение от цепей союзного капитала, помощь в борьбе против собственных капиталистов. Победа Рабоче-Крестьянской России будет победой польского пролетариата, брата и союзника русских рабочих и крестьян. В атаку, польские рабочие! Начинается последний ваш бой. Приближается день, когда судьями будем мы.

Долой польских помещиков и капиталистов! Да здравствует Советская Рабоче-Крестьянская Россия! Долой войну! Да здравствует мир между трудящимися массами Польши и России! Долой преступную игру союзных правительств! Да здравствует международная пролетарская революция!

**Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.**

18 мая 1920 г.

ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕХ СТРАН.

С 18-го по 21 мая 1920 г. в городе Харькове, в столице Рабоче-Крестьянской Украинской Советской Республики, заседал 4-й Всеукраинский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. На этом съезде присутствовало около 800 делегатов, представлявших много миллионов трудящихся крестьян, рабочих и красноармейцев Украины. Главным вопросом, обсуждавшимся на этом съезде, был, разумеется, вопрос о той бесчестной войне, которую польская буржуазия, подстрекаемая международным капиталом, объявила молодой советской республике.

4-й Всеукраинский Съезд Советов обратился с манифестом, который мы настоящим по радио-телеграфу доводим до сведения трудящихся всего мира.

На съезде присутствовал председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, который от имени всех пролетариев, входящих в Коммунистический Интернационал, обещал украинскому трудящемуся народу всю ту поддержку, на которую в своей справедливой войне против жадной шайки эксплуататоров вполне вправе рассчитывать трудящиеся массы Украины. Мы уверены, что в этом вопросе Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала выразил мнение пролетариата всего мира, борющегося против интервенции империалистов.

4-й Всеукраинский Съезд Советов пользовался всяким случаем, чтобы подчеркнуть верность рабочих и трудящихся крестьян

Украины знамени Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал пользуется среди трудящихся Украины безраздельным влиянием. Не только Коммунистическая Партия большевиков Украины (К. П. У.), но и все остальные партии и группы заявляют о своем желании принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. Все до единой политические группы Украины мобилизовали своих членов и отдали их в распоряжение военных властей для защиты Советской Украины против похода польских панов. В Центральный Исполнительный Комитет Советской Республики Украины вошли представители всех партий Украины, а также бывший глава Украинской демократической Республики В. Винниченко, который теперь признал правоту Советской власти. Все члены съезда мобилизовались и отдали себя в распоряжение военных властей для работы на войну против польских белых войск. Энтузиазм съезда при принятии всех этих решений был неопишем.

Доводя обо всем этом до сведения трудящихся всех стран, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала твердо убежден в том, что рабочие всех стран исполнят свой долг и помогут Украинской Советской Республике отстоять себя от натиска международной буржуазии.

**Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.**

23 мая 1920 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ.

Товарищи!

4-го апреля 1920 г. в Берлине по инициативе некоторых групп «левой» оппозиции открылся съезд, который объявил себя новой партией: Коммунистической Рабочей Партией Германии. На этом съезде, как утверждают его организаторы, было представлено около 33.000 членов.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала узнал об этом съезде лишь через несколько недель после того, как он состоялся. Предварительного извещения о предстоящем съезде мы не получили. Заявление организаторов съезда (см. протокол этого съезда), будто на съезде присутствовал представитель Центрально-Европейского Бюро Коммунистического Интернационала, неверно.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, заслушав отчет представителей Центрального Комитета вашей партии об основании Коммунистической Рабочей Партии, подверг его продолжительному и тщательному обсуждению, при котором были приняты во внимание все относящиеся к этому вопросу материалы. Затем Исполнительный Комитет, вполне ознакомившись с фактическим положением дела, решил обратиться к вам с настоящим письмом, для того, чтобы разъяснить вам ту точку зрения, на которой он стоит по отношению к спорным вопросам германской революции.

Мы знаем, что громадное большинство членов Коммунистической Рабочей Партии Германии составляют честные, революционно настроенные рабочие; мы знаем, что эти ра-

бочие проникнуты священной волей к борьбе за освобождение пролетариата; мы знаем, что сами они глубоко убеждены в том, что стоят на почве Коммунистического Интернационала. Мы знаем, что приговор, произнесенный нами о поведении Коммунистической Рабочей Партии, причинит им боль.

Но в отличие от II Интернационала, руководящий орган III Интернационала рассматривает конфликты внутри отдельных партий отнюдь не с точки зрения «дипломатии» и не руководится только формально-организационными соображениями. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала видит свою задачу в том, чтобы быть руководящим идейно-политическим центром для рабочего движения всех стран. Исполнительный Комитет в данном случае считает своей задачей совершенно откровенно высказаться по существу тех спорных вопросов и проблем, которые так остро поставлены расколом коммунистов в Германии.

Мы отнюдь не являемся сторонниками единства во что бы то ни стало. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вполне отдаст себе отчет в том, что бываюи положения, когда раскол или ту или другую партийную организацию является священным долгом революционера. Это те случаи, когда старая партийная организация, к которой мы принадлежал раньше, изменила интересам пролетариата и ведет его по гибельному пути. Взявши на себя инициативу раскола коммунистов в Германии, организаторы новой Коммунистической Рабочей Партии Германии, по нашему глубокому убеждению, находились не в таком положении. Напротив, те взгляды, которые Коммунистическая Рабочая Партия Германии проповедует в отличие от старой Коммунистической Партии Германии (Союз Спартака), по мнению Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, являются **явным отступлением от коммунизма** и чреваты губительными последствиями для новой партии.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала вовсе не хочет этим сказать, что он солидаризируется абсолютно во всех деталях с Центральным Комитетом Коммунистической Партии Германии (Союза Спартака), проповедь которого подняла знамя восстания Коммунистическая Рабочая Партия Германии. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала находит, например, совершенно ошибочной ту мотивировку, которую Центральный Комитет Союза Спартака дал в своем известном заявлении от 21-го марта 1920 г., в связи с возникшим тогда вопросом о возможности образовании так называемого «чисто-рабочего» правительства. Ошибкой было заявлять, что такое «рабочее» правительство будто бы сможет обеспечить положение, «при котором буржуазная демократия не сможет выступить в форме диктатуры капитала».

Мы допускаем также, что в организационной борьбе с элементами оппозиции Центральный Комитет Союза Спартака не всегда проявлял достаточно хладнокровия и осмотрительности и тем толкнул часть рабочих в объятия анархо-синдикалистских крикунов. Но мы с полной определенностью должны заявить всем членам Коммунистической Рабочей Партии Германии, что в тех важнейших принципиально-тактических проблемах, которые являются сейчас злобой дня в Германии да и во всем Коммунистическом Интернационале, правда не на стороне Коммунистической Рабочей Партии Германии, а на стороне Коммунистической Партии Германии (Союза Спартака).

Разберем-те по порядку эти проблемы.

Важнейшим вопросом, по нашему мнению, является вопрос об участии коммунистов в **профессиональных союзах** и в кампании по выборам **Фабрично-Заводских Комитетов** (Betriebsräte).

Этот вопрос есть вопрос о том, обратится ли коммунизм в Германии в сектантское течение, оторванное от масс, которое в лучшем случае вырождается в такое же направление, какое создал покойный Де-Леон в Америке, или — германский коммунизм сможет слиться с массовым рабочим движением и излечить его от разъедающего его оппортунизма.

Берлинский съезд Коммунистической Рабочей Партии в Германии официально подтвердил лозунг ухода германских коммунистов из «свободных» профессиональных союзов — тот лозунг, который выдвинул был Фрицем Вольфгеймом, Г. Лауфенбергом, Карлом Шредером, Фридрихом Венделем и несколькими другими лидерами.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала ни в коем случае не может согласиться с указанным лозунгом.

Какие доводы приводит Берлинский съезд Коммунистической Рабочей Партии Германии в пользу лозунга ухода коммунистов из «свободных» профессиональных союзов? Съезд приводит только одно, — увы совершенно недостаточное и неразумное — основание: «свободные» союзы являются — де реформистскими союзами, которые остаются покорным орудием в руках вождей-бюрократов.

Остановимся подробнее на этом вопросе.

Число членов «свободных» профессиональных союзов Германии растет с невиданной быстротой. От трех миллионов членов, которых «свободные» союзы насчитывали до начала империалистской войны, и от полутора миллионов членов, до которых «свободные» союзы упали **во время войны**, эти «свободные» союзы поднялись теперь почти до 8 миллионов членов. Рабочие и работницы Германии безудержно стремятся в ряды союзов, рассчитывая через них добиться удовлетворения некоторых самых элементарных экономических своих требований. Может ли Коммунистическая Рабочая Партия стоять в стороне от тех организаций, куда входит

едва ли не большинство всего рабочего класса данной страны? По нашему мнению, **ни в коем случае!**

Мы хорошо знаем, что обвинения, выдвигаемые против так называемых «свободных» союзов в Германии, совершенно справедливы. «Свободные» союзы в Германии так же, как и Социал-демократическая Партия Германии, в течение четырех лет империалистской войны являлись несомненной агентурой империалистской буржуазии. Вожди «свободных» союзов в глазах всех коммунистически мыслящих рабочих являются ничем иным, как изменниками социализма, заведомыми агентами капитала в среде рабочих. Рабочая аристократия, задающая тон в этих «свободных» союзах и выдвинувшая из своей среды целую касту рабочей бюрократии с ее самодовлеющими полубуржуазными интересами, является самым важным препятствием к победе рабочего класса над буржуазией. Все организационное построение нынешних «свободных» профессиональных союзов целиком и безусловно приурочено к тому, чтобы оставить рядовых членов союза бесправными и бессловесными и все дела отдавать на произвол небольшой кучки профессиональных бюрократов. Все это так. И тем не менее, лозунг «вон из свободных профессиональных союзов» является ошибочным лозунгом, **помогающим только этим самым, ненавистным нам профессиональным бюрократам.**

Что могут противопоставить «свободным» профессиональным союзам, насчитывающим около 8 миллионов членов, наши сторонники Коммунистической Рабочей Партии Германии? Они образовали пак называемый Всеобщий Германский Рабочий Союз (Arbeiterunion). Но в этот союз во всей Германии входит, по словам самих его организаторов, всего около 70.000 членов. И руководители этого союза ведут все дело так, что опасность превращения его в типичный сектантский союз, абсолютно оторванный от масс, в мертвенную, оранжереиную организацию, не способную связаться с широкими кругами пролетариата, — эта опасность с каждым днем становится все более реальной. Социал-демократическим руководителям «свободных» профессиональных союзов велькодушно и нужно, чтобы передовые рабочие коммунисты ушли из рядов этих союзов и оставили господ Легина, Зассенбаха, Роберта Шмидта и др. профессиональных «вождей» полными хозяевами «свободных» профессиональных союзов.

«Свободные» профессиональные союзы, как и весь II-ой Интернационал, является порождением целой мирной реформистской эпохи, которая в Германии продолжалась более четверти века, начиная с падения исключительного закона против социалистов и кончая 1914 годом, началом империалистской войны.

Новая эпоха — эпоха ожесточенной классовой борьбы, превращающейся на наших глазах в гражданскую войну — превратит и «свободные»

профессиональные союзы в новую организацию. Некоторые из этих «свободных» союзов мы должны будем прямо расколоть, другие целиком или в своем большинстве перейдут на нашу сторону. Разгорающаяся пролетарская революция каленым огнем выжжет оппортунистические тенденции из всех массовых рабочих организаций, в том числе и из «свободных» профессиональных союзов, и превратит эти организации в опорную базу диктатуры пролетариата.

Этот процесс перерождения профессиональных союзов начался и в Германии. Уже многие профессиональные союзы в Германии изгоняют социал-демократических вождей и заменяют свои правления сторонниками Независимых, отчасти и коммунистов. Уже в массах членов «свободных» профессиональных союзов началось живейшее расслоение, которое с каждым днем будет усиливать влияние коммунизма в профессиональных союзах.

Слов нет, процесс этот идет медленно, слишком медленно, гораздо медленнее, чем это нам хотелось бы. Масса рядовых членов «свободных» союзов на своем собственном опыте должна узнать все предательства нынешних вождей и всебессилие социал-демократической тактики. Мартовские события в Германии во время контр-революционного переворота Каппа-Люпвица еще и еще раз показали, какую гигантскую силу представляют собою современные профессиональные союзы, как много непоправимого вреда приносят они делу пролетарской революции в те моменты, когда они идут за желтой социал-демократией, и какую великую силу они могли бы представлять, если бы коммунистам удалось вырвать союзы из-под влияния этой социал-демократии.

Ход событий, однако, заботится о том, чтобы излечивать рядовых членов профессиональных союзов от их доверия к «старой», «испытанной» тактике социал-демократии. Уроки жизни слишком внушительны. Дело коммунистов Германии — облегчать и ускорять происходящую эволюцию. Сделать это можно, **только оставаясь внутри свободных союзов**, образуя в них вначале хотя бы немногочисленные коммунистические фракции, принимая самое энергичное участие в текущей повседневной работе союза и обнаруживая банкротство господ Легинов на каждом шагу этой пекучей работы.

Но именно этого и не хотят делать сторонники Коммунистической Рабочей Партии Германии. Они предпочитают пренебрежительно махнуть рукой на организацию, в которую так или иначе входят около 8 миллионов членов. Они забывают, что гораздо легче дать лозунг «вон из союзов», чем образовать хотя бы маленькую коммунистическую фракцию в том или в другом профессиональном союзе. Пустой фразой они подменяют серьезное, трудное революционное дело. Коммунисты не были бы коммунистами, если бы они не сумели терпеливо и настойчиво пере-

воспитать рабочих, развращенных буржуазией и социал-демократией. А эта задача пребудет **оставаться внутри союзов** и на каждом примере предательства господ социал-демократов иллюстрировать перед рядовыми членами профессиональных союзов необходимость перевести профессиональные союзы на новые рельсы.

Русские коммунисты, пример которых имеет такое большое значение теперь для рабочих всех стран, впечатление ряда лет также были в меньшинстве в профессиональных союзах. Уже после февральской революции 1917 года большевики все еще составляли меньшинство в русском профессиональном движении. В переломные годы 1908—11 среди русских большевиков также нашлись группы чрезмерно «левых» товарищей, которые высказывались против работы в профессиональных союзах, шедших тогда за меньшевиками. Большевики осмеяли этих «левых» товарищей, как пустых крикунов. И большевики сумели долгой и упорной работой постепенно завоевать профессиональные союзы на свою сторону. То же надо сделать теперь действительным революционерам, германским рабочим-коммунистам.

Коммунистический Интернационал в целом чрезвычайно заинтересован в том, чтобы германские коммунисты не совершили непоправимой ошибки в вопросе о профессиональных союзах. Именно сейчас вопрос этот приобретает глубокое **международное** значение. Второй Интернационал, поскольку речь идет о политических организациях рабочего класса, развалился, как карточный домик. Но II Интернационал пытается возродиться, опираясь именно на профессиональные союзы. Амстердамское международное объединение «социал-демократических» профессиональных союзов является сейчас гораздо более серьезным противником Коммунистического Интернационала, чем Брюссельское Международное Бюро II Интернационала. Если II Интернационал может еще где либо взять на время реванш, то только в том случае, если ему удастся удержать свое влияние на профессиональные союзы. Если II Интернационал имеет еще какую либо массовую опору в рабочем движении, то это только через те профессиональные союзы, которых мы еще не сумели отвоевать у II Интернационала, не сумели или не успели вырвать из под плетивного влияния социал-демократии. Разбить Амстердамское международное объединение «свободных» союзов так же, как мы разбили Брюссельский II Интернационал, является важнейшей очередной задачей пролетарской революции. Буржуазия ныне держится у власти уже только остатками влияния II Интернационала. А этот последний держится на поверхности уже только своими остатками влияния на «свободные» союзы. Ошибка коммунистов в этой области чревата не больше и не меньше, как затяжкой владычества буржуазии. Коммунистическая Рабочая Партия Германии, сама того, конечно, не

желая, помогает буржуазии продлить ее господство над рабочим классом. С этим Коммунистический Интернационал ни в какой мере не может примириться.

Не уход из «свободных» профессиональных союзов, не пренебрежительное аристократическое маханье рукой на них, но усиленная работа внутри этих союзов, создание коммунистических фракций в мельчайшем отделении каждого из этих союзов, неустанная борьба против социал-демократии внутри этих союзов, систематическая упорная работа над тем, чтобы вырвать это последнее орудие закабаления рабочих из рук агентов капитала — таков лозунг Коммунистического Интернационала.

Нежелание Коммунистической Рабочей Партии Германии принимать участие в кампании по выборам заводских комитетов (Betriebsräte) кажется нам также ошибкой, чреватой крупнейшими последствиями. В тех случаях, когда вы в Германии имеете возможность организовать самочинным революционным порядком незаконные промышленные советы (таково было положение вещей, например, во время Капповской недели), в этих случаях, разумеется, необходимо создавать именно такие незаконные советы. Но глупо было бы нам отказываться участвовать в выборах в нынешние советы и тогда, когда эти выборы протекают на основе заведомо реакционного закона, проведенного социал-демократами в союзе с буржуазией через ихнее белое Учредительное Собрание. Основное, что нам следует иметь в виду в Германии, это следующее: идейное влияние коммунизма в Германии уже очень значительно; идейное влияние коммунизма очень велико и в рядах Независимой Партии, которая вынуждена воспринимать наши принципы, вынуждена идти за нашими лозунгами, вынуждена повторять нашу программу. Но идейного влияния мало. Нам необходимо **организационное** закрепление наших идей. Это — главное, чего нам не хватает в современной Германии. В **организационном** отношении германский коммунизм еще крайне слаб. И именно поэтому германские коммунисты **обязаны пользоваться всякой малейшей возможностью для того, чтобы закреплять свои идеи организационно**, для того, чтобы и на почве нынешней, шейдемановской законности создавая для себя организационные ячейки.

Русские коммунисты при владычестве меньшевиков и Керенского имели свои и нелегальные организации, но они пользовались каждой «законной» зацепкой, которую представлял режим Керенского, для того, чтобы создавать для себя и легальные ячейки. Русские революционеры при царе не отказывались использовать и самый реакционный закон о фабрично-заводских спаросках. Так же должны поступать германские коммунисты теперь.

* . .

Абсолютно ошибочную позицию занял Берлинский съезд Коммунистической Рабочей Партии также и в вопросе о **парламентаризме**. Съезд высказался против всякого использования парламентаризма в современной Германии. И съезд в своей мотивировке не нашел ни одного серьезного довода, кроме перебега обычных анархических «доводов» в пользу этого своего решения.

Покойные Карл Либкнехт и Роза Люксембург, как известно, на первом учредительном съезде Германской Коммунистической Партии высказались **за** участие в предстоящих выборах в Германское Учредительное Собрание. Теперь и слепому ясно, что Либкнехт и Люксембург были правы. Но Либкнехт и Люксембург, разумеется, остались внутри своей партии, **несмотря** на то, что большинство партии высказалось против выборов в Учредительное Собрание. **Мы полагаем, что и сейчас вопрос о парламентаризме как играющий подчиненную роль, ни в коем случае не может стать предметом раскола среди коммунистов.** Из-за одного этого вопроса раскалываться не следует. Но поскольку этот вопрос в Германии возник, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала и в этом вопросе вынужден высказаться самым решительным образом **против** той позиции, какую занял Берлинский съезд Коммунистической Рабочей Партии Германии.

Российская Коммунистическая Партия в самом начале февральской революции приняла деятельнейшее участие в городских муниципальных выборах и придавала большое значение работе партии в этой области. Российская Коммунистическая Партия принимала участие во вторичных выборах в Петроградскую Городскую Думу, происходивших за несколько недель перед октябрьским восстанием. Российская Коммунистическая Партия принимала участие также в выборах во Всероссийское Учредительное Собрание уже после того, как власть была завоевана рабочим классом. Русские большевики в переходные годы 1908—11 резко порвали с «левыми» так называемыми оппортунистами, которые пренебрежали отзывами рабочих депутатов из царской Думы. Русские большевики имели в черносотенной Государственной Думе свою фракцию, которая за пропески против империалистской войны была оппавлена царем на каюргу. Во всех этих случаях коммунистическая революция в России только выиграла от использования парламентаризма.

Гигантскую пользу своими революционными выступлениями принес нашему делу покойный Либкнехт в 1914—1916 гг. Этого не может оппавить ни один сознательный рабочий Германии. Таков же пример шведского коммуниста Хеглунда в Швеции, болгарских и сербских большевиков в их странах. Бояться использования парламентаризма в современной Германии значить выдавать себе свидетельство о бедности. Да, старая мирная реформистская эпоха пророждала парламен-

тариев преимущественно шейдемановского типа, по-есть людей, для которых прибуна парламента служила орудием соглашения с буржуазией и обмана рабочих. Новая эпоха, эпоха пролетарской революции создаст парламентариев нового типа, лучшим образцом которых был покойный Карл Либкнехт.

Германская Коммунистическая Партия вынуждена существовать теперь в Германии полу-легально. Каждая возможность легально проповедывать свои идеи и в особенности организовывать легально свои коммунистические ячейки должна иметь для германских коммунистов гигантское значение.

Коммунистам необходимо завоевать влияние среди мелкого и среднего крестьянства. Коммунистам до зарезу необходимо стоять твердой ногой не только среди промышленного пролетариата столицы, но и среди трудящихся масс более мелких городских и полугородских центров. Овладение муниципальными органами таких центров (это не помешает нам потом разогнать их и заменить отделами Совета, как это было в России) может дать нашей партии в Германии серьезнейшую организационную базу. И отказываться от этого является верхом неразумия.

Дальнейшим разногласием между Союзом Спартака и Коммунистической Рабочей Партии Германии является вопрос о роли коммунистической партии вообще в пролетарской революции. И опять Коммунистическая Рабочая Партия Германии шаг за шагом отступает от взглядов революционного марксизма. Один из главных идейных вдохновителей нашей новой партии, Фриц Вольфгейм, в многочисленных статьях и брошюрах выставляет Союз Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.), как **образец** для германских рабочих коммунистов. А между тем, Союз Индустриальных Рабочих Мира на-чисто оппавает необходимость коммунистической рабочей партии и вообще необходимость **какой бы то ни было** политической партии рабочего класса.

Коммунистический Интернационал считал и считает, что по **сравнению** со «свободными» социал-демократическими союзами Союз Индустриальных Рабочих Мира является шагом вперед. Индустриалисты искренно хотят бороться против буржуазии. Коммунистический Интернационал держится того мнения, что коммунисты должны участвовать, как в «свободных» социал-демократических союзах, так и в союзах Индустриальных Рабочих Мира — с тем, чтобы внутри этих союзов **вести свою коммунистическую пропаганду**, сплавивать рабочих и убеждать их в том, что необходимо стоять под знамя коммунистической партии. Коммунистический Интернационал не отказывается от сотрудничества с Индустриальными Рабочими Мира. Но, разумеется, Коммунистический Интернационал никогда не согласится с тем реакционным мнением, будто о

коммунистическая партия вообще не нужна рабочему классу, будио всякая политическая борьба есть полишканство, будио всякий централизм в партии неизбежно ведет к господству клики и будио бы пролетарскую революцию можно совершить путем образования бесформенных всеобщих рабочих союзов, не участвующих в политической борьбе и не имеющих своей программы.

А между тем именно по этому пути идут вожди и вдохновители Коммунистической Рабочей Партии Германии. Какой смысл имеет заявление Вашего Берлинского съезда Коммунистической Рабочей Партии Германии о том, что съезд этот создает партию не в «обычном традиционном смысле этого слова» (nicht im überlieferten Sinne?) Никакого другого смысла — кроме, как уступки анархистским предрассудкам индустриалистов, тут не найдешь.

Индустриалисты, анархисты и те «левые» коммунисты, которые идут за ними, безнадежно путаются понятие **партии и класса**. Они забывают, что партия есть авангард рабочего класса, его передовая часть. Они забывают, что задачей сознательных передовиков рабочего класса является не понижение своих задач до уровня понимания массы с ее предрассудками, воспитанными капитализмом, а — **поднятие масс до уровня передового авангарда**. Они забывают, что среди рабочих есть сотни тысяч людей, входящих в желтые христианские, либеральные, поповские и всякие иные реакционные союзы, что в рабочем классе до полного падения капитализма совершенно неизбежна значительная реакционная прослойка. Они забывают, что коммунистическая партия есть мозг рабочего класса, есть его генеральный штаб, без которого нельзя победить могучего врага — буржуазию.

Все толки Вольфгейма и его друзей из Коммунистической Рабочей Партии Германии против централизма, вся их проповедь широкой «автономии» местных организаций — есть типичное интеллигентское непонимание того, что в современную эпоху железная централизация нашей борьбы является первым условием победы. Все говорить о диктатуре пролетариата, если не понимать, что эта диктатура **предполагает** строго централизованную, вылитую из одного куска, сильную своей железной дисциплиной коммунистическую рабочую партию, которая не может победить своих бесчисленных врагов, если не установит прежде всего внутри своих собственных рядов прямо **военную** дисциплину. Мы хотим не только восстать против буржуазии. Мы хотим ее **победить**. А победить ее, не организовавшись самим по военному, просто невозможно. Пора это понять.

Из истории русского рабочего движения известно, что сторонниками широкой «автономии» местных организаций, проповедниками принципа федерализма внутри рабочей партии, вечными протестантами против проле-

тарского централизма всегда выступали именно господа меньшевики, и. е. русские шейдемановцы, которые конечно прикрывались криками о самостоятельности рабочих, о недемократичности вождей, о попрании партии «снизу», о святости выборного начала и т. д. Русские большевики, в то время когда большевистская партия должна была существовать нелегально, вполне признавали допустимость отступления от выборного начала, вполне допускали принцип кооптации в руководящих учреждениях, ибо иначе невозможно было вести работу. Русские большевики на протяжении двух десятилетий отстаивали и провели необходимость строжайше централизованной рабочей партии с властным руководящим партийным центром, указания которого абсолютно обязательны для всех и к которому вся партия питает полное доверие.

Коммунисты Германии попали теперь в особенно трудное положение. Буржуазия убила тех их вождей, которые пользовались полным и безраздельным доверием со стороны рабочих. Буржуазия знала, что она делала. Она причинила этим громадные трудности нашей партии в Германии. Но рабочие коммунисты Германии не должны сами увеличивать этих трудностей. Новая эпоха родит новых вождей. Вожди, выходящие из недр рабочей массы, растут вместе с массой, вместе с ростом пролетарской революции. Задачей каждого сознательного рабочего Германии является — понять и учесть те сверхкомплектные объективные трудности, которые стоят на пути к созданию мощной и строго централизованной коммунистической партии в Германии. Малейшая фальшь в этом вопросе, малейшая уступка анархистам и индустриалистам в таком кардинальном вопросе, как роль коммунистической партии в пролетарской революции, принесет непоправимый ущерб германскому рабочему классу.

* * *

«Левые» фразеры типа Вольфгейма и Лауфенберга любят обвинять германских коммунистов-спартаковцев в том, что они идут на **соглашение с Германской Независимой Партией**. Разберем и это обвинение. Из письма Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, которое, надеюсь, известно вам, вы должны быть знакомы с тем, как мы относимся к Германской Независимой Партии. Мы считаем, что правые вожди этой партии, господа Каутские, Гильфердинги, Конны, Крипинны и Ко., объективно являются предателями рабочего дела и лучшими помощниками буржуазии. Мы считаем борьбу с этими вождями Независимых совершенно настоящим и неопложным делом. Но вместе с тем мы знаем, и это знаете также вы, что десятки и сотни тысяч рабочих, входящих еще в Независимую партию и остающихся там, между прочим, и потому, что ряды германских коммунистов раскололись, ничем не отличаются от рядовых рабочих

коммунистов. Эти рабочие, члены Независимой Партии, искренно и честно стоят за Коммунистический Интернационал и являются завтрашними нашими друзьями. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в упомянутом письме выдвинул целый ряд совершенно конкретных и точных условий, на которых только и можно объединяться с рабочими, входящими сейчас в Независимую Партию. В том же письме мы указали совершенно ясно, какую пропаганду необходимо вести германским коммунистам в отношении Независимых.

Но спрашивается: можно ли делать специальный предмет обвинения против германских коммунистов-спартаковцев из того, что они стремятся к сближению с германскими Независимыми? Сблизиться с рабочими, входящими в Независимую Партию Германии, **является обязанностью германских коммунистов.** Добиться соглашения с тем почти миллионом рабочих, которые организованы в рядах Независимой Партии, но которых уроки жизни каждый день все больше будут толкать к нам, не только не является оппортунизмом, а **является первой задачей каждого серьезного коммуниста в Германии.** Германских коммунистов-спартаковцев можно было бы обвинять лишь в том случае, если было бы доказано, что в своем стремлении сблизиться с Независимыми они отступили от принципа коммунизма и нарушают те условия, которые выставлены в упомянутом письме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Но именно этого никто не попытался доказать. Поэтому обвинения, распускаемые Лауфенбергом, который вчера еще пропагандировал соглашение не только с германскими Независимыми, но и с германской буржуазией («революционный бургфриден»), кажутся нам более чем сомнительными.

* * *

Коммунистическая Рабочая Партия Германии откололась от Коммунистической Партии, считая тактику К. П. Г. оппортунистской, и вместе с тем она с самого своего основания приняла в свою среду Лауфенберга и Фрица Вольфгейма, которые в первом своем коммунистическом адресе высказывались за гражданский мир с буржуазией, если буржуазия согласится признать Советское Правительство: в этом случае пролетариат, по их мнению, не должен был раздавить и уничтожить буржуазию. В этом же воззвании они заранее соглашались дать избирательное право всем крестьянам, независимо от размеров находящегося в их владении участка земли; таким образом, эта политика Лауфенберга и Вольфгейма сводилась к установлению только видимости советской республики, ибо подлинная советская республика, подлинная пролетарская диктатура может быть установлена лишь тогда, когда проле-

тариат в гражданской войне одержит победу над буржуазией. Если власть окажется в руках пролетариата без такой борьбы, это значит, что борьба эта еще предстоит. Если с одной стороны, отказ от власти, доставшейся пролетариату без серьезной борьбы, был бы полнейшим доктринерством, то с другой стороны, непререкаемым долгом коммунистической партии было бы в таком случае—предостеречь пролетариат от доверия к буржуазным элементам, на словах признающим его власть. Лауфенберг и Вольфгейм сделали как раз обратное: они постарались направить политику пролетариата в русло мнимой советской республики, так как такая республика, т. е. коалиция с националистически настроенными буржуазией и офицерством, была им необходима для войны с Антантой. Война против Антанты—воп альфа и омега политики Лауфенберга и его единомышленников. Война против капитализма Антанты, действительно, может стать необходимостью для Советской Германии, если рабочие стран Антанты, в случае победы германского пролетариата, не придут к нему во время на помощь. Но если война эта окажется необходимой, то германскому пролетариату для ее ведения, прежде всего, неизбежно придется свергнуть и лишить власти германскую буржуазию, ибо германская буржуазия, германская контр-революция, несмотря на все «песни ненависти», распеваемые ею по адресу Франции и Англии, объединится с капиталистами Антанты для совместной борьбы против германского пролетариата. Лауфенберг и Вольфгейм своим воззванием способствовали распространению той вредной иллюзии, будто германская буржуазия из чувства националистической ненависти может стать союзницей пролетариата. Если бы пролетариат дал себя одурачить этой нелепой иллюзией, он превратился бы в пушечное мясо для германских капиталистов, которые под знаменем мнимой советской республики повели бы пролетариат в бой против Антанты, а затем, сбросив маску, снова открыто восстановили бы господство капитала. Националистическая, мелко-буржуазная точка зрения Лауфенбергов и Вольфгеймов неизбежно должна была привести их к борьбе против Коммунистического Интернационала. Кто питает доверие к собственной буржуазии, тот непременно будет проповедывать недоверие к международному пролетариату, и вот мы видим, как Вольфгейм в «Известиях» вашей гамбургской организации от 6-го марта осмеливается обсыпать Коммунистический Интернационал самыми нелепыми националистическими упреками. Берлинская организация, во главе которой стоят все ваши нынешние вожди—как например Шредер, Юнг, Вендель,—не только ни слова не возражала против националистической контр-революционной агитации господ Лауфенбергов, но даже перепечатывала их статьи в Берлинском органе партии, способствуя распространению националистического

яда среди Берлинских рабочих. Ваш съезд поже ни единым словом не высказался против Лауфенбергов и Вольфгеймов; мало того, подняв громкий крик против оппортунизма К. П. Г., он с распростертыми объятиями принял контр-революционную Гамбургскую группу; ободренная этим, группа эта нагло сбросила с себя последние покровы. От имени целой окружной организации вашей партии, от имени Конференции Северного Района Лауфенберг 1-го мая выпустил новый манифест, под заглавием: «Коммунизм против спартакизма». В этом ренегатском манифесте Лауфенберг и Вольфгейм упрекают одного из вождей К. П. Г., Пауля Леви, в том, что он до 6-го октября 1918 г., т. е. тогда, когда еще германская армия, под сенью императорских орлов, заставляла Северную Францию, Бельгию, Польшу, Украину, Сербию испытывать на себе весь тяжкий гнев германского империализма, призывал солдат к восстанию. Да, как последние лакеи германского национализма, Лауфенберг и Вольфгейм от имени целой организации вашей партии обвиняют Пауля Леви в том, что он де предательски обессиливал фронт. Очевидно, эти члены вашей партии не придерживаются того мнения, что долгом каждого коммуниста, каждого революционного рабочего было разрушать императорскую армию, стараться вырвать из рук германского империализма это орудие убийства, хотя бы это временно и способствовало победе англо-французского капитализма. То, что Лауфенберг и Вольфгейм вменяют в вину спартаковцам, является одной из самых славных заслуг перед мировой революцией, так же, как заслугой Российской Коммунистической Партии надо признать то, что она, напрягнув все свои силы, разрушила царскую армию, хотя за это разрушение и пришлось заплатить ценой кратковременного торжества германского империализма. Каждый камень, который ваши гамбургские товарищи швыряют по этому поводу в Пауля Леви, попадает также в Карла Либкнехта и Розу Люксембург, которые за все время войны только и делали, что разрушали германскую армию, для того, чтобы факелом германской революции пробудить от сна рабочих всех других стран. «Наш враг — в нашей собственной стране» — так был озаглавлен один из первых манифестов, с которым Карл Либкнехт и Роза Люксембург обратились к немецким рабочим. «Поверните дула ваших ружей против ваших же офицеров!» — воскликнул Карл Либкнехт, обращаясь к немецким солдатам с прибунты прусского ландтага. К. Р. П. Г. в своем манифесте, возвещающем об основании партии, называет Карла Либкнехта и Розу Люксембург великими передовыми борцами германского пролетариата, и вместе с тем она позволяет Лауфенбергам и Вольфгеймам оскорблять их память; мало того, она приглашает этих националистов на свои собрания, устраиваемые в зале «Фарус», в тех залах, где некогда выступали Либкнехт и Люксембург.

Лауфенберг и Вольфгейм не только проклинаят тот час, когда произошла германская революция, они не ограничиваются оплевыванием могил Карла Либкнехта и Розы Люксембург, — они старательно слизывают кровавые пятна с рук германского капитала и его палачей, — всех этих Носке, Люпвицов, Меркеров, Вагнеров и прочей буржуазной и «социал-демократической» штабной сволочи, купающейся в немецкой пролетарской крови. Согласно обвинительному акту, составленному гамбургскими «левыми» прокурорами, выходит, что именно Пауль Леви и Союз Спартак являются главными виновниками гражданской войны в Германии. Оказывается, что не германская буржуазия зажгла пожар гражданской войны, для того, чтобы с оружием в руках заставить германский пролетариат надрываться над работой для создания капиталистической прибыли, не Шейдеманн и не Носке громят минометами рабочие кварталы, защищая все ту же капиталистическую прибыль, не белогвардейские немецкие генералы, потерпевшие поражение на полях битв в мировой войне, устраивают приумфальные шествия по улицам городов Германии, пулеметным огнем гоня перед собой толпы пролетарских жен и детей. Вся эта кровь проливается, видите ли, исключительно по вине «Спартак» и Пауля Леви, — так утверждают от имени Коммунистической Рабочей Партии Германии «историк» Генрих Лауфенберг и его единомышленник, Фриц Вольфгейм. Если бы за время тысячами толпами отправившихся в Гумбольдтовскую Роццу, к могилам, в которых покоится прах тысяч беззащитных жертв белого террора, смогли бы не забыть сорвать с ваших красных знамен надписи, обвиняющие германский капитализм, германскую социал-демократию и палачей, носящих генеральскую форму. Они, оказывается, совершенно не виновны во всех этих ужасах, которые германскому пролетариату пришлось пережить за последние полтора года. «Долой Союз Спартак!» «Долой Пауля Леви!» — вопи с какими возгласами вы должны идти к могилам ваших павших товарищей, к могиле того юноши рабочего, который пал во дворе Александровских казарм, пронзенный солдатскими пулями, с возгласом: «Да здравствует Спартак!» на устах.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала заявил вашим делегатам, что до тех пор, пока вы не перестанете допускать это наглое опозоривание славной истории германского коммунизма, до тех пор, пока вы не перестанете терпеть в своей среде целые организации и отдельные люди, попирающие ногами принципы коммунизма, — до тех пор Исполнительный Комитет не может относиться к вам, как к серьезной революционной коммунистической партии. Ваши представители были принуждены признать полную правильность этой точки зрения, они сочли себя вынужденными сделать официальное, занесенное в протокол, заявление о том, что по возвращении в

Германию они будут пребывать от вас исключения Лауфенберга и Вольфгейма, а также и стоящих на их точке зрения организаций. Мы приветствуем это пробуждение пролетарского чувства чести и пролетарского понимания в ваших делегатах и с полной уверенностью ожидаем, что вы исполните столь торжественно взятые ими на себя обязательства и устраните препятствия, преграждающие вам путь к Коммунистическому Интернационалу.

Ваши представители взяли на себя еще одно обязательство. Вы основали самостоятельную партию. Между тем, к вашей партии принадлежат организации, отрицающие **всякую** партию, как образование якобы реакционное и оппортунистическое. Такое утверждение мы находим, например, в резолюции вашей дрезденской организации от 18 апреля, внесенной Рюле и принятой на партийном собрании. Эта резолюция, принятая две недели спустя после основания вашей партии, осуждает даже существование вашей собственной партии, так же как и существование Коммунистического Интернационала. Мы прямо заявили вашим делегатам, что считаем эту точку зрения несовместимой с принадлежностью к Коммунистическому Интернационалу. Коммунист, который восстает против необходимости существования коммунистической партии, подобен человеку, который вздумал бы сам отрубить себе правую руку. Величайшее несчастье западно-европейского рабочего класса как раз и заключается в том, что он вступает в эпоху мировой революции не имея сильных, единых, боевых революционных партий. Ваши представители согласились с нашим мнением по этому вопросу и обязались исключить из партии Отто Рюле и все организации, разделяющие его точку зрения. Мы ожидаем от вас исполнения и этого обязательства. Вы должны исполнить его, если хотите представать перед Вторым Международным Коммунистическим Конгрессом, как коммунистическая партия.

Если вы хотите представать перед международным конгрессом, если вы хотите добиться того, чтобы вас приняли, как равного члена в международную коммунистическую семью — а мы не сомневаемся, что вы этого хотите, ибо в противном случае не имело никакого смысла посылать делегатов в Москву, — то само собой разумеющейся предпосылкой этого является требование, чтобы вы заранее заявили, что подчинитесь постановлениям Конгресса Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал раз навсегда покончил с гнилой практикой Второго Интернационала, собиравшего вокруг себя партии, которые, по существу, имели друг с другом очень мало общего. Коммунистический Интернационал не случайный агломерат партий, связанных рыхлым цементом общих фраз и пожеланий; Коммунистический Интернационал, это — боевой Союз, каждый из членов которого должен

действовать по общим правилам, установленным международным конгрессом, всецело подчиняясь постановлениям этого конгресса.

* * *

Мы не можем умолчать еще об одном. Мы говорим о той совершенно бесшабашной, грубой, беспринципной травле против Центрального Комитета Коммунистической Партии Германии (Союза Спартака) и против отдельных видных работников интеллигентов, которая ведется на страницах гамбургского органа «левых» коммунистов и в других изданиях сторонников Коммунистической Рабочей Партии Германии.

Докладчик на Берлинском съезде Коммунистической Рабочей Партии Германии в своем реферате о политическом положении и задачах партии с гордостью заявил: «здесь было сказано, — у нас нет интеллигентов, у нас есть только рабочие. Правильно! Мы поддерживаем это заявление, и мы рассматриваем его, как многообещающее для дальнейшего развития нашей партии заявление» (цитируем официальный протокол, привезенный нам двумя делегатами Берлинского съезда. Стр. 10). Протокол отмечает в этом месте «бурные аплодисменты».

Это точка зрения совершенно ошибочная и демагогическая. Мы знаем прекрасно, что интеллигенция везде находится вовсе не в рядах коммунистов и что опасности наводнения коммунистической партии выходцами из буржуазной интеллигенции сейчас вовсе не существует. Лишь отдельные, наиболее преданные рабочему классу интеллигенты помогают сейчас рабочим бороться за коммунизм.

И как это всегда бывает в таких случаях, как было в свое время и в России, мы видим, что во главе этой правли против отдельных коммунистов интеллигентов стоят как раз.... именно кучки **интеллигентов**, желающих направить коммунистическое движение по неправильному пути. Это случилось и у вас: типичные колеблющиеся интеллигенты, как Лауфенберг и Вольфгейм, стоят во главе похода против **партийной** интеллигенции и выступают против таких «интеллигентов», как Клара Цеткин, Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Повторяем, мы вовсе не защищаем каждый шаг Центрального Комитета Союза Спартака. Мы сознаем, что этот Центральный Комитет делал не одну ошибку. Мы считаем главной слабостью этого Центрального Комитета, что, например, в вопросе об участии в профессиональных союзах он сам слишком долго колебался и не занимал определенной позиции. Мы признаем, что создание культа «вождей» не есть дело коммунистов. Мы знаем прекрасно, что целое поколение так называемых «вождей» бесстыдно предали дело рабочего класса. Мы знаем, что бывают случаи, когда борьба против старых вождей является абсолютной необходи-

мостью и когда, не развенчавши этих вождей, нельзя сделать ни одного шага вперед для создания действительного пролетарского движения. Но Коммунистическая Рабочая Партия Германии всеми своими программными заявлениями, с которыми мы имели случай познакомиться, до сих пор убедила нас только в том, что ее борьба против Союза Спартака, продиктована не этими соображениями, **а является определенным колебанием в сторону мелкобуржуазной анархистской политики.**

* * *

Мы сказали вам откровенно свое мнение, товарищи. Мы предлагаем вам проекты тезисов по трем наиболее спорным в Германии вопросам (о парламентаризме, о роли коммунистической партии в пролетарском перевороте, о профессиональных союзах). Это тезисы, которые одобрены Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала и будут предложены предстоящему второму конгрессу Коммунистического Интернационала.

Детские болезни коммунизма, играющие такую большую роль в теперешних ваших спорах в Германии, будут обсуждены на предстоящем втором конгрессе Коммунистического Интернационала. Этот конгресс вынесет решение, которое будет обязательно для всех тех, кто хочет принадлежать к III Интернационалу. До тех же пор мы предлагаем Вам **немедленно вступить в соглашение с Центральным Комитетом Германской Коммунистической Партии (Союз Спартака) и образовать временное организационное бюро двух Центральных Комитетов** на паритетных началах под председательством члена Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Германский рабочий класс переживает такое время, когда каждое дробление коммунистических сил чрезвычайно громадными опасностями для его борьбы. Мы обязаны сделать все, что от нас зависит, для того, чтобы ослабить губительные последствия раскола.

Итак, наши практические предложения к вам таковы:

1) Немедленно подтвердите заявление делегатов вашей партии о том, что Лауфенберг, Вольфгейм, Рюле будут вами потчас же исключены из партии.

2) Заявите официально, что само собой разумеется, что решением второго конгресса Коммунистического Интернационала вы безусловно подчинитесь.

3) Примите наше предложение об организации временного согласительного бюро из представителей двух Центральных Комитетов под нашим председательством.

4) Пришлите вашу делегацию на второй съезд Коммунистического Интернационала к 15 июля 1920 г.

В этом своем открытом письме к вам, товарищи рабочие из К. Р. П. Г., мы вынуждены были вложить персты свои в раскрытые раны вашего движения. Мы откровенно высказали свое мнение по всем затронутым спорным вопросам. Для нас не существует «нейтралитета» в борьбе за путь, ведущий к мировой революции. Для нас не существует никаких «чужих стран», в дела которых Интернационал не должен вмешиваться. Интернационал это — отечество **всех** рабочих. Об этом говорят и тезисы, написанные Розой Люксембург в 1915 году, сиявшие путеводной звездой самым лучшим революционным немецким рабочим еще тогда, когда они на полях битвы проливали свою кровь за капиталистическое «отечество». Мы уверены, что каждый революционный немецкий рабочий вполне одобрит прямой, открытый тон нашего письма, как бы он ни относился к изложенным в этом письме мнениям. Позаботьтесь о том, чтобы наше письмо в тысячах экземпляров проникло в ваши организации, чтобы оно стало предметом самого серьезного обсуждения в ваших организациях, чтобы общественное мнение рабочих К. Р. П. Г. заставило ваших вождей забыть обо всех вопросах собственного самолюбия и подумать о том, что так важно для вас.

Вы должны решить, хотите ли Вы принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, на который с любовью и надеждой взирают миллионы рабочих всех стран, от Финляндии до Южной Африки, от Восточной Азии и Европы до Калифорнии. Вы должны решить, хотите ли Вы, борясь плечом к плечу с этой пробуждающейся миллионной армией, покрыть славою свои знамена. Вы не должны наскоро принимать чреватое столь серьезными последствиями решение по этому вопросу. Вы должны решить этот вопрос лишь после зрелого размышления. Мы от всей души желаем, чтобы наше братское письмо к вам способствовало сплочению всех коммунистов рабочих Германии в единый могучий боевой фронт.

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует объединение всех коммунистов Германии!

Да здравствует Советская Германия!

Да здравствует мировая революция!

С коммунистическим приветом

**Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.**

Москва—Петроград, 2 июня 1920 г.

К ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ГЕРМАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дорогие товарищи!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с сожалением констатирует, что Центральный Комитет Германской Независимой Социал-демократической Партии оставил без всякого ответа письмо его от 5-го февраля 1920 г. В этом письме рассматривались все спорные вопросы, относительно которых существуют разногласия между нами и Германской Независимой Социал-демократической Партией. Ясный ответ на наше письмо, безусловно, способствовал бы внесению ясности в отношения Ц. К. Г. Н. С. П. к Третьему Интернационалу.

Еще более достойным сожаления И. К. Коммунистического Интернационала считает тот факт, что Ц. К. Германской Независимой Социал-демократической Партии счел возможным не довести о нашем письме до сведения членов партии. Отношения между Германской Независимой Социал-демократической Партией и Коммунистическим Интернационалом касаются не одного лишь Центрального Комитета партии, но и миллионов германских рабочих, примыкающих к социал-демократии и своим энергичным давлением заставивших Ц. К. Герм. Нез. Соц.-дем. Партии завязать сношения с нами. В действительности, в вопросе об отношении Герм. Нез. Соц.-дем. Партии к Коммунистическому Интернационалу решающее значение принадлежит мнению независимых рабочих масс, ибо не полдесятка мужчин и женщин, заседающих в Ц. К. Герм. Нез. Соц.-дем. Партии, а миллионы независимых рабочих своими поступками, на деле решая, принадлежат ли партия к Коммунистическому Интернационалу, или нет. Мы убеждены в том, что достаточно привести независимых рабочих к сознанию смысла их собственной борьбы, — и они сознательно станут на сторону Коммунистического Интернационала. Таким образом, сокрытие нашего письма объективно является не чем иным, как попыткой оттянуть решение массами Герм. Нез. Соц.-дем. Партии вопроса об отношении их к Коммунистическому Интернационалу. Все попытки оправдать саботирование решений Лейпцигского Конгресса со стороны Центрального Комитета Г. Н. С. П., — до сих пор

ничего не сделавшего для исполнения решения конгресса, кроме отправки одного письма, — ссылаясь на внешние трудности, на Капповское восстание и подготовку выборов, сводятся на нет тем простым фактом, что для борьбы германского рабочего класса вопрос о международном сплочении является вопросом жизни и смерти. Да и кроме того, опубликование нашего письма нашим Западно-Европейским Секретариатом доказывает, что технически это опубликование было вполне возможно.

Так как нам известно серьезное желание большинства независимых рабочих вступить в Коммунистический Интернационал, то мы считаем своим долгом, несмотря на те препятствия, которые ставит Центральный Комитет Герм. Незав. Соц.-дем. Партии делу международного объединения пролетариата, предложить вам прислать своих представителей в Москву, чтобы мы могли ознакомиться их с тезисами Коммунистического Интернационала о тактических вопросах борьбы за диктатуру пролетариата и этим путем выяснить, какие именно основания заставляют И. К. Герм. Нез. Соц.-дем. Партии медлить в вопросе о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. А тогда уже делом независимых германских рабочих будет — решить, согласны ли они с Ц. К. Герм. Нез. Соц.-дем. Партии или с И. К. Коммунистического Интернационала.

Непреодолимых технических затруднений для приезда представителей Г. Н. С. П. не встретится. Если рабочие из Южной Африки, Австралии, Америки и Германии умудряются, зачастую на собственный риск и страх, пробираться к нам, то тем более представители миллионной партии, если только они серьезно захотят, должны сумеют найти к нам дорогу.

С коммунистическим приветом

**за Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала**

Секретарь *К. Радек*.

27-го мая 1920 г.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ АМЕРИКАНСКИМ ТОВАРИЩАМ.

ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТАМ: 1) АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
и 2) АМЕРИКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

От редакции: Несмотря на неистовства американских империалистов, арестовывающих по 5000 коммунистов в день, коммунистическое движение в Америке быстро растет. Ввиду возникших разногласий, временно образовались две коммунистические партии. Обе партии делегировали в Исполнительный Комитет своих представителей. После тщательного обсуждения докладов обоих товарищей Исполнительный Комитет выработал следующее обращение:

Дорогие товарищи.

По докладам товарищей, приехавших из Америки и представляющих оба течения американского коммунизма, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имел возможность ознакомиться с разногласиями американских товарищей — разногласиями, приведшими к открытому расколу и к образованию двух коммунистических партий. Вопрос подвергался обсуждению на расширенном заседании Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, на котором помимо членов Исполнительного Комитета присутствовали также представители обеих партий Америки и коммунистических организаций Франции, Швейцарии, Венгрии, Финляндии и Юго-Славии. В результате Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала пришел к следующим выводам:

Раскол наносит сильный ущерб коммунистическому движению в Америке. Он приводит к распылению революционных сил, к вредному параллелизму, к ненужным прениям и ничем не оправдываемой затрате энергии на внутреннюю борьбу. И это в то время, когда концентриция сил американской буржуазии увеличилась до невиданных размеров, когда классовая борьба обостряется с каждым днем, пребудя неслыханных жертв со стороны американского пролетариата! И это в то время, когда в связи с неуклонным ростом мировой революции, перед рабочим классом Америки открываются величайшие возможности и самые блестящие перспективы!

Тщательное ознакомление со всеми материалами той и другой стороны убедило нас в том, что серьезных программных разногласий между двумя партиями нет. Есть известные расхождения по вопросам организационным. Были некоторые споры по вопросу о формах разрыва со старой социал-патристической партией. Но и только.

При таких условиях раскол не имеет ни малейшего оправдания и должен быть ликвидирован **во что бы то ни стало**. Поскольку обе партии стояли на платформе Коммунистического Интернационала — а сомневаться в этом у нас нет никакого основания, — поскольку единство партии не только вполне возможно, но и абсолютно необходимо. Исполнительный Комитет категорически настаивает на немедленном его осуществлении.

Необходимость немедленного объединения повелительно диктуется еще и тем обстоятельством, что обе партии представляют собою как бы разные стороны коммунистического движения в Америке, оплочно могущие дополнить одна другую. В одной партии (Американская Коммунистическая Партия) остались, главным образом, элементы иностранные, объединенные в так называемых «национальных федерациях». Другая (Американская Коммунистическая Рабочая Партия) представляет преимущественно элементы американские или говорящие по-английски. Если первые часто лучше подготовлены в теоретическом отношении и теснее связаны с традициями революционной борьбы рабочего класса России, то они в то же время менее связаны с массовым движением и массовыми организациями **американских рабочих**, постепенно выходящих на широкую дорогу классовой борьбы. Если вторые еще не прошли подобной теоретической школы, они за то имеют то громадное преимущество, что коммунистическая партия через них гораздо легче может влиять на широкие массы **коренных американских рабочих**, которым в грядущих решающих классовых битвах будет принадлежать важнейшая роль. У одних лучше поставлена **пропаганда**, у других — **агитация**.

Таким образом, обе партии естественно дополняют друг друга. И только путем их объединения возможно в Америке создание сильной коммунистической партии, которая должна стать руководительницей **массового** движения в надвигающейся коммунистической революции.

В целях скорейшего объединения, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала предлагает обеим партиям созвать немедленно общий съезд, постановления которого должны стать обязательными для обеих частей. Для подготовки и созыва съезда, а также для согласования работы обеих партий до полного объединения, создается Органи-

зационное Бюро из равного числа представителей обеих партий. В основу объединения должны быть положены принципы, изложенные в платформе Коммунистического Интернационала и в постановлениях Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Кроме того, Исполнительный Комитет желал бы указать на следующее:

1. Коммунистическая партия должна стремиться к объединению в ее рядах всех элементов, признающих необходимость скорейшего завоевания власти и диктатуры пролетариата. Само собою разумеется, что это признание не должно быть только словесным и чисто теоретическим. Оно должно проявляться на деле и обязывает каждого, желающего быть членом партии, к беззаветной борьбе за свержение власти буржуазии и установление власти рабочего класса. При наличии этого условия, при согласии в главном и основном, несущественными являясь разногласия по другим вопросам, например, по вопросу об использовании парламентских и др. легальных возможностей, о применении того или другого средства борьбы, о различных формах организации и т. д. Подобные разногласия неизбежны во всех странах, где приходится строить коммунистическую партию из элементов, имеющих различное политическое прошлое (левых социалистов, выходящих из рядов старых партий, беспартийных, переходящих на точку зрения последовательной классовой борьбы, анархистов и синдикалистов, признающих необходимость захвата власти и диктатуры пролетариата, и т. п.). Раскалываться из-за этих разногласий, имеющих теперь, в эпоху непосредственной революционной борьбы за власть, лишь второстепенное значение, совершенно недопустимо. Единственное, что партия должна преобладать в случаях разногласий от каждой организации и от каждого отдельного члена, это — безусловной дисциплины, безоговорочного подчинения меньшинства большинству. Если до принятия какого-либо решения в рядах партии необходимо всестороннее обсуждение вопроса и допустима свободная критика, то после того, как состоялось авторитетное постановление партии, все члены последней, в том числе и несогласные с ним, обязаны проводить его без всяких оговорок. С одной стороны — величайшая терпимость к инакомыслящим в период обсуждения, с другой — соблюдение строжайшей дисциплины при проведении постановлений партии. Таковы те элементарные условия, без которых немислимо создание сильной партии пролетарской революции.

2. Полный разрыв со старыми и соц. партиями (А. С. П. и С. Р. П.) является само собою разумеющимся условием создания коммунистической партии в Америке. Это требование не означает, однако, что в коммунистическую партию не могут быть приняты как отдельные товарищи, так и целые организации, входившие раньше в состав старых партий, поскольку они решительно переходят на точку зрения последовательной

классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Коммунистическая партия должна быть **массовой** организацией, а не узким, замкнутым кружком. «Отмежевание» от некоммунистических элементов должно быть понимаемо в смысле ограничения от закоренелых социал-предательских элементов и элементов «центра» из среды старых партий, но ни в коем случае не в смысле сектантского отпалкивания рабочих, входивших раньше в состав старых партий и теперь порывающих с ними. Двери коммунистической партии должны быть широко открыты для пролетариев, хотя бы и не усвоивших всех деталей коммунистической теории, но искренно преданных делу пролетарской революции и на деле ведущих борьбу против господства буржуазии. Коммунистическая партия будет для них лучшей школой коммунизма.

3. До сих пор американские социалисты левого крыла обращали главное внимание на пропаганду, и в этом направлении они совершили важную работу. Но, замыкаясь в более или менее тесном кругу единомышленников, они в значительной мере стояли в стороне от текущей классовой борьбы пролетарских масс, широким потоком разливающейся по всей стране. И во всяком случае они не играли руководящей роли в крупнейших столкновениях труда и капитала. Нужно помнить, что наступает период решительных битв. Объединяя в своих рядах все сознательные и наиболее активные элементы рабочего класса и развивая самую широкую **массовую** агитацию и пропаганду идей коммунизма, коммунистическая партия вместе с тем должна поставить себе целью стать руководительницей классовой борьбы пролетариата во **всех** ее многообразных проявлениях, начиная с частичных экономических стачек, демонстраций, массовых митингов, избирательной борьбы и кончая всеобщей политической забастовкой и вооруженным восстанием пролетариата. Вовлечение **широких пролетарских масс** в русло революционной классовой борьбы — такова главнейшая задача американских коммунистов в настоящий момент.

4. Содействуя всемерно ускорению процесса раскола в Американской Федерации Труда и других близко к ней примыкающих цеховых союзах и их объединениях, партия должна стремиться к установлению возможно более тесной связи с теми из экономических организаций рабочего класса, в которых проявляются тенденции индустриального юнизма (И. Р. М., «Один Великий Союз», И. С. Р., отдельные союзы, откалывающиеся от А. Ф. Т.). Партия должна работать в **тесном контакте** с ними, стремясь вместе с тем к их объединению и созданию сильных, проникнутых классовым сознанием экономических организаций пролетариата. Поддерживая всемерно индустриальные союзы в их повседневной борьбе за непосредственные экономические требования, партия должна стремиться к расширению и углублению этой борьбы, к превращению ее в борьбу за конеч-

ные революционные цели пролетариата — за свержение буржуазии и уничтожение капиталистического строя.

5. Партия должна всемерно поддерживать образование на фабриках, **наряду с партийными** коммунистическими ячейками, фабрично-заводских рабочих комитетов, которые могли бы служить, с одной стороны, базой в повседневной экономической борьбе, с другой стороны — школой, подготовляющей авангард рабочего класса к управлению промышленностью при осуществлении диктатуры пролетариата. Само собою разумеется, что эти рабочие комитеты должны работать в полном контакте с организациями индустриального юнионизма.

6. Партия не должна представлять собою конгломерата самостоятельных, автономных «национальных федераций». Национальные федерации сыграли важную историческую роль в социальном движении Америки (долгослетняя систематическая оппозиция в старых партиях, создание Лиги Соц. Пропаг., организация «Левое Крыло»), но в дальнейшем, при быстром обострении и расширении классовой борьбы и громадном усложнении задач, стоящих перед пролетариатом Америки, национальные федерации будут в состоянии выполнить свою роль только в том случае, если сольются возможно теснее с братскими организациями американских рабочих. Резкая ломка исторически сложившихся организационных форм, конечно, не желательна, так как она могла бы привести к полному разрушению «национальных федераций», этого неумолимого пропагандиста коммунистических идей в Америке. Поэтому Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала указывает, что при осуществлении намеченной цели, т. е. — полного организационного слияния национальных федераций с остальными частями американского коммунизма, должна соблюдаться известная осторожность и постепенность. Национальные федерации могут сохранить за собой автономию в деле пропаганды на соответствующих иностранных языках. Но в области политической и экономической борьбы они должны быть подчинены руко-

дующим органам партии. В эпоху острой борьбы применение общего голосования (референдума) внутри партии должно быть сведено к минимуму, и, во всяком случае, референдуму не могут подвергаться вопросы, по существу своему требующие быстрого разрешения. В промежутках между съездами Исполнительный Комитет партии должен обладать полномочиями.

7. Все более усиливающиеся гонения против коммунистов в Америке ставят на очередь вопрос о **нелегальной** работе. Конгресс Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. высказался по этому поводу достаточно ясно. Нелегальная работа **необходима**, ибо буржуазные «демократии» во всем мире создают фактически осадное положение для рабочих-коммунистов. 2—3 года тому назад английским товарищам казалась смешной сама мысль о нелегальной работе в такой «свободной» стране, как Англия. А теперь английские революционные рабочие научились вести и нелегальную работу. То же произошло в Германии, где «социал-демократические» палачи, Носке, Шейдеман и К°, пытаются загнать в подполье могучее коммунистическое движение германских рабочих. Нужно научиться **сочетать** легальную работу с нелегальной. Нужно использовать всякую ядль легальных возможностей. Но в то же время надо научиться издавать листки и нелегально, собирать нелегальные кружки, создавать, где необходимо, нелегальные фабрично-заводские комитеты, иметь нелегальный руководящий центр и т. п.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала уверен в том, что вы справитесь, товарищи, с ответственными задачами, стоящими перед вами. От успехов коммунизма в Америке зависит победа международного пролетариата.

С коммунистическим приветом

**Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.**

СЪЕЗДУ НОРВЕЖСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала приветствует Второй Съезд Норвежской Рабочей партии, ставшей сознательно на платформу Коммунистического Интернационала.

Норвежская партия пришла к Коммунистическому Интернационалу как массовая рабочая организация, которая путем внутренней борьбы преодолела иллюзии демократии

и реформизма. Норвежский рабочий класс доказал этим, что он созрел для великой исторической задачи, которая стоит перед международным пролетариатом: для задачи борьбы уже не за исправление капитализма, а за его уничтожение. Когда настанет момент решающей борьбы для пролетариата маленькой Норвегии — неизвестно, и задача коммунистической партии состоит не в том, чтобы

искусственно «делает» революцию, а в том, чтобы подготавливать передовых рабочих, дабы они своей решительной борьбой, углублением и расширением классовой борьбы, ускорили революцию, дабы они в этой революции могли твердо держаться в своих руках руль, дабы они, когда рабочие возьмут в свои руки власть, сумели эту власть удержать. Для достижения этой цели коммунисты обязаны проводить идеи коммунизма в тех организациях, в которых спланируется пролетариат, они обязаны создать единую сплоченную, дисциплинированную, коммунистическую партию, которая, руководя борьбой пролетариата, стояла бы во главе его, сумела бы внушить ему уверенность, что коммунизм является путеводной звездой для рабочего класса. Коммунистическая партия, если только она сумеет выполнить это задание, может быть уверена, что революция не застанет ее врасплох, что она сделала все то, что мог сделать передовой отряд пролетариата накануне решительного боя.

Мы глубоко убеждены, что норвежские наши товарищи будут в состоянии разрешить стоящие перед ними задачи, ибо они — массовая коммунистическая рабочая организация. Забастовка 17/VIII, в которой норвежский пролетариат на деле доказал свою солидарность с русским пролетариатом, является самым лучшим доказательством того, что норвежские товарищи — интернационалисты на деле, а не на словах только. Но им придется доказывать это еще не раз.

Борьба международной революции с международной контр-революцией обостряется с каждым днем. Союзная контр-революция, чувствуя, что почва из под ее ног уходит, подготавливает разгром российской революции. Несмотря на полную неудачу всех ее попыток к воссозданию помещичьей и капиталистической России, она бросила в бой

против Советской России Польшу, и, быть может, подготавливает удары из Финляндии, Литвы и Румынии. Рабочие Норвегии, ваш долг теперь — не допустить, чтобы хоть одна тонна продовольствия была отправлена из Норвегии в Польшу, Латвию и Финляндию! Ваш долг — не пропускать ни одного вагона со снаряжением для Финляндии.

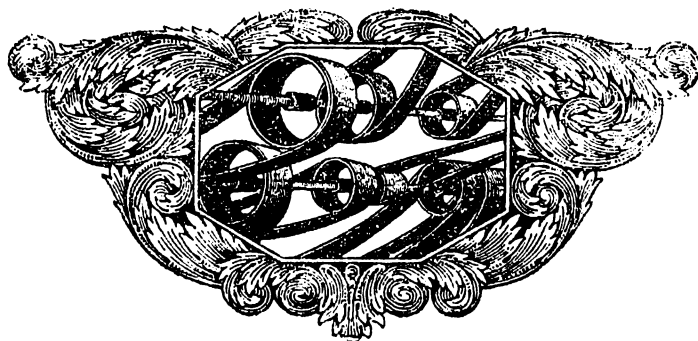
Норвежские моряки, вы встречаетесь во всех гаванях мира с английскими вашими товарищами, — указывайте им, какую позорную роль они играют, помогая английской буржуазии давить революцию во всех странах. Норвежские моряки, уже не раз приносившие жертвы за дело Коммунистического Интернационала, будьте везде проводниками его идей, пусть в ваших разговорах с английскими матросами не сходит с уст имя России, имя революционной Германии, имя революционной Ирландии, имя задавленной Индии и спонсора под империалистическим английским игом Египта. Пусть там, куда является норвежский моряк, явится вместе с ним слово правды, слово от III-го Интернационала.

Норвежский пролетариат — только маленькая часть европейского пролетариата, но он может, благодаря своей сознательности, своей сплоченности и благодаря географическому положению его страны, сыграть крупную роль в развитии мировой революции. Мы убеждены, что вы все сделаете, дабы заслужить имя боевой дружины Коммунистического Интернационала.

Да здравствует Норвежский Коммунистический пролетариат! Да здравствует Коммунистический Интернационал! Ду здравствует мировая революция!

**Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.**

22 мая 1920 г.

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ.

I.

1. I-й международный конгресс социалистических юношеских организаций состоялся в 1907 г. в Штутгарте. Он собрался в эпоху «мирного» развития капитализма. Но и для этой эпохи он сумел выработать революционную программу международного движения пролетарской молодежи. Борьба с милитаризмом и активное участие молодежи в политической жизни рабочего класса — таковы были основы юношеского движения в его первый период с 1886 г. (создание первой организации юной гвардии в Генне) по 1907 г. Штутгартский конгресс собрался тогда, когда организации молодежи были еще слабы (наиболее сильные из них насчитывали: Бельгия в 1909 г. — около 8.000 членов в 123 организациях — и Швеция в апреле 1907 г. — около 17.000). В них сильно еще было анархистское и синдикалистское влияние, с которым революционно-социалистическим элементам движения приходилось вести отчаянную борьбу. Но эти организации были революционны, они готовили не мещанских чиновников партийной и профессиональной бюрократии, а горящих энтузиазмом революционных социалистов.

Увы, постановления Штутгартского конгресса не были проведены в жизнь. С 1907 г. сначала в Германии, а затем и в большинстве других европейских стран, социал-демократические партии и профессиональные союзы, к созданию союзов молодежи никакого отношения не имевшие и зачастую (Австрия, Швейцария) их преследовавшие, воспылали горячей любовью к «неопытным юнцам» и решили направить их на путь истинный. Раньше всех Шульц, а за ним и другие апостолы оппортунизма, испугавшиеся революционного духа самостоятельных юношеских организаций, выставили либеральный «педагогический» принцип: молодежь не должна заниматься политикой. Затем в «интересах социал-демократии» выступил на сцену жупел анархичности молодежи. И, как следствие теоретического превращения юных пролетариев в беспомощных детей, была выдвинута и проведена в жизнь

идея ликвидации самостоятельных союзов молодежи и насаждения «юношеских комитетов», составленных из представителей партии и профессиональных союзов. Германская социал-демократия действовала в проглатывающем единении с 17 парагр. имперских законов, запрещавшим политические организации молодежи, и с германской полицией, проводившей этот закон при помощи тюрем, сабель и нагаек. Новые «юношеские комитеты» основательно взялись за изгнание политики из голов молодежи и превратили немецкое юношеское движение в культурно-спортивный союз с слабым социалистическим налетом.

Лишь немногим организациям пролетарского юношества удалось сохранить свою самостоятельность и политическую активность. И потому II конгресс Интернационала молодежи, созванный в 1910 г. в Копенгагене, прошел бледно и незаметно. Он подтвердил Штутгартские положения Либкнехта об антимилитаризме и тезисы Роланд-Гольста о социалистическом воспитании. Но вместо борьбы за самостоятельность юношеских организаций по отношению к оппортунистической социал-демократии, по докладу Даннеберга, тогда же избранного секретарем Интернационала молодежи, была вынесена жалкая резолюция о «совместной работе социалистических союзов молодежи с социалистическими партиями и профессиональными союзами».

2. Следующее международное совещание социалистических Союзов молодежи состоялось в 1912 году, непосредственно после конгресса II Интернационала. На нем обсуждался лишь вопрос о поведении юношеских организаций в случае мировой войны. Совещание ограничилось присоединением к постановлениям конгресса взрослых социалистов.

А затем вспыхнула мировая война, которая разбила планы о созыве конгресса Интернационала молодежи на август 1914 г., одновременно с конгрессом II Интернационала. Международный секретарь, Даннеберг, находившийся в Вене, ничего не сделал для восстановления международных связей орга-

низаций молодежи. По инициативе швейцарских, италийских и шведских товарищей, была в апреле 1915 г. созвана (помимо Дамбурга) Бернская Конференция союзов молодежи. На ней были представлены главным образом нейтральные страны, и руководящую роль играли Скандинавия и Швейцария. Центральные комитеты французской и австрийской организаций отказались прислать своих делегатов. Германия была представлена лишь тремя южными городами, отколовшимися от своего Ц. К. Бернская Конференция Интернационала Молодежи имела безусловно революционное значение. В обстановке полной изоляции международной социал-демократии делу рабочего класса прозвучал по всей Европе голос пролетарской молодежи против империалистской войны и против социал-патриотизма. Конференция призвала организации всех стран к активной политической борьбе. Она прокламировала полную самостоятельность юношеского движения. Она установила «международный юношеский день», день борьбы с милитаризмом, с социалистической изменой, за коммунизм и классовую войну. Она выбрала международным секретарем тов. Мюнценберга.

Но так как Бернская конференция совпала с периодом созидания Циммервальда, когда еще не были ясны разногласия между левой и правой циммервальдской, ее постановления не были рассчитаны на коммунистическую революцию и на дальнейшее размежевание в рабочем движении.

И она сделала другую громадную ошибку — в вопросе о борьбе против войны выставив каутскианский лозунг всеобщего «разоружения», якобы осуществимый в капиталистическом обществе и якобы революционный.

С тех пор каждый год происходили заседания пятилетнего Бюро Интернационала Молодежи, которое по мере развития войны и революционирования рабочих всех стран все более твердо становилось на чисто-коммунистическую позицию, так же как и трехмесячный журнал «Интернационал Молодежи», издававшийся Мюнценбергом.

3. В 1919 году начались муки родов Берлинского конгресса. Он созывался легком одновременно Цюрихским секретариатом Интернационала Молодежи в Базель и Центральным Комитетом Российского Коммунистического Союза молодежи в Москву. Затем, по соглашению обоих организаторов конгресса с венгерскими товарищами, конгресс был перенесен в Будапешт. Но критическое положение Венгерской Советской Республики принудило избрать местом конгресса Вену, где он и должен был состояться 25 августа. Разные обстоятельства помешали этому плану. К назначенному сроку в Вену явились лишь представители России, Польши, Австрии, Италии, Германии и Венгрии. На совещании этих делегатов был избран пятичленный Временный Комитет, которому поручено было подготовить и созвать конгресс в ближайшее время в Германии. Этому ко-

митету, состоявшему из представителей разных стран, удалось после невероятных трудностей, собрать представителей от 14 юношеских организаций разных стран в Берлин, где и состоялся с 20 по 26 ноября конгресс Интернационала Молодежи.

Берлинский Конгресс Интернационала Молодежи является самым многочисленным из всех международных юношеских конгрессов по количеству представленных на нем организованных юных пролетариев. В нем не принимали участия видные вожди социализма. Делегатами были незнакомые широким международным кругам молодые рабочие. Но за ним, в отличие от Штутгартского конгресса, стояли массовые организации пролетарского юношества, прошедшие жестокую школу революционной борьбы. Уже поэтому постановления Берлинского конгресса окажут громадное влияние на все мировое юношеское движение.

II.

1. Решения, принятые Берлинским Конгрессом Интернационала Молодежи не высаны из пальца, не взяты из воздуха. Они дискутировались во всех странах в продолжение многих лет. А главное, они были подготовлены практической борьбой союзов молодежи во всем мире. Поэтому я останавливаюсь подробно на положении юношеского движения в отдельных странах, пользуясь докладами с мест делегатов конгресса и другими материалами, добытыми мною из печати, писем и частных бесед.

Преобладающим влиянием на Берлинском Конгрессе пользовались Россия и Германия. Не только потому, что они главным образом подготовили конгресс, но и потому, что в этих двух странах, в связи с их сильным революционным движением, организации молодежи наиболее крепки. Поэтому положение в русском и немецком юношеском движении имеет для нас наибольший интерес.

2. Российский Коммунистический Союз Молодежи существует в качестве всероссийской организации лишь полтора года. До его первого съезда в октябре 1918 г., на котором 175 делегатов представляли 22.000 организованных членов, движение было разрозненно и стихийно. Наиболее крепкие организации существовали в Петербурге и Москве (еще с лета 1917 г.). Ко второму Всероссийскому Съезду Союза (октябрь 1919 г.) количество его членов достигло 95.000. А сейчас Союз насчитывает уже около 250.000 членов в 3.129 организациях. Такое быстрое развитие русского юношеского движения объясняется, конечно, особо благоприятными условиями пролетарской диктатуры.

Ставя себе в общем те же задачи, что и западно-европейские организации, Российский Коммунистический Союз Молодежи вел работу в другом направлении, чем на западе. До сих пор его главное внимание было обращено на гражданскую войну. Он давал на фронт свои лучшие силы в качестве крас-

ных офицеров, агитаторов, организаторов, добровольцев-солдат и санитаров. Всю свою устную и печатную агитацию он подчинял лозунгу: «все для победы над контр-революцией». Сейчас, в связи с переходом Советской России к мирному строительству социалистического производства, его основной задачей становится подготовка сознательных, практических строителей народного хозяйства и борьба с разрухой. Вместе с тем, в связи с более спокойной обстановкой, усиливается его деятельность по созданию социалистической школы и реорганизации труда подростков. Характерной чертой юношеского движения в России является отсутствие каких либо организаций молодежи, кроме коммунистической.

3. Гораздо более трудную работу приходится вести «Свободной Социалистической Молодежи **Германии**». Эта организация была основана на конференции оппозиционных групп старой социалдемократической «Рабочей Молодежи» в Иене, в январе 1916 года. Она объявила войну социал-патриотизму и шаптаням центровиков. Она выдвинула основным принципом организационного строительства лозунг «сначала ясность, а затем большинство». Карл Либкнехт был крестным отцом нового Союза, и его революционный энтузиазм и идейное влияние видны во всех выступлениях «Свободной Социалистической Молодежи». Во время войны она боролась под его руководством против империализма и милитаризма, в условиях кайзеровского режима загнанная репрессиями в подполье. Она подготовила многочисленные кадры будущих членов немецкой коммунистической партии. В постоянной ожесточенной борьбе с религиозными и буржуазными обществами молодежи, а также с шейдемановской «Рабочей Молодежью» она распространила свое влияние на самые широкие массы пролетарского юношества.

До октября 1918 г. в Берлине и некоторых других центрах существовали особые группы молодежи, фактически примыкавшие к независимцам. В октябре 1918 г., в результате уступок с обеих сторон, на общегерманской конференции в Берлине произошло слияние обеих организаций, причем независимцы имели сильное, хотя и не преобладающее влияние в «Свободной Социалистической Молодежи». Вместе с тем, до выделения группы Спартака из Независимой партии, «Свободная Социалистическая Молодежь» находилась с этой последней в организационной связи.

Ноябрьская революция, в которой рабочая молодежь приняла самое горячее участие, открыла перед «Свободной Социалистической Молодежью» самые широкие перспективы. Тысячи испытанных, верных товарищей вернулись с фронтов и из плена. Появилась возможность легальной работы. Революционный подъем в рабочем классе влил новые массы юных пролетариев в организацию.

Центральный Комитет Союза стал издавать двухнедельный орган «Юная Гвардия».

В январе 1919 г. была основана Коммунистическая Партия. В связи с этим перед Германской организацией молодежи встал вопрос об ее отношении к социалистическим партиям. На общегерманской конференции в феврале 1919 г. «Свободная Социалистическая Молодежь» признала единственно революционной партией партию коммунистов. На Веймарской конференции в октябре 1919 г. она окончательно приняла программу Союза Спартака. Одновременно, в процессе повседневной работы, порывались последние связи с Независимой партией, из которых наибольшее практическое значение для наших организаций имела финансовая поддержка. Сохраняя свою политическую и организационную независимость, «Свободная Социалистическая Молодежь» стала фактически, в полном соответствии со всей ее предыдущей деятельностью, коммунистической организацией.

Это вызвало уход из нее тех немногочисленных «независимых» элементов, которые в ней еще сохранились. Раскол произошел на последней Веймарской Конференции, где из нескольких сот делегатов откололся человек 30. Отколовшиеся группы создали под флагом «социалистической беспартийности» новый Союз «Пролетарская Молодежь», фактически идущий на поводу у независимцев. Принимая во внимание революционное настроение пролетарской молодежи Германии и сильный уклон влево в Независимой партии, мы смело можем предсказать новой организации скорую смерть.

Реакция в Германии, проводимая руками социал-демократа Носке, снова загнала центральные органы «Свободной Социалистической Молодежи» в подполье. На полулегальное существование приходится переходить уже и многим местным организациям Союза. Но, несмотря на новые препятствия, «Свободная Социалистическая Молодежь» непрерывно укрепляется. Она имеет крепкий организационный аппарат, охватывающий все области Германии. Ее центральный орган «Юная Гвардия» (выходящий с сентября 1919 г. нелегально) издается в количестве 40.000 экземпляров. Свободная Социалистическая Молодежь создает свои отделения по фабрикам и заводам, организует школьную молодежь, начинает работать в деревне. Все крепче становится связь с коммунистической партией.

4. Несколько хуже обстоит в **Немецкой Австрии**. Старый «Союз юных рабочих», руководимый Даннебергом, стоял во все время войны на позиции социалистического центра. Лояльно выполняя свои обязанности по защите дорогого отечества, он в то же время «скорбел» о «спрашных бедствиях, обрушившихся на народ». Эта двуличная позиция ослабляла силу оппозиции. Последняя все-таки народилась и настолько укрепилась, что в 1917 г. социал-демократы увидели себя вынужденными исключить ее

из Союза. Эта оппозиция, численно слабая, работала до октября 1918 г. нелегально, подготавливая почву для Коммунистической Партии и Коммунистического Союза Молодежи. Лишь после свержения Габсбургской монархии был организован «Коммунистический Союз Пролетарской Молодежи Немецкой Австрии». В августе 1919 г. состоялся его первый конгресс. Его слабость объясняется, помимо молодости самого движения, главным образом тем, что с самого начала своей работы Союз отдал все свои лучшие силы спроящейся коммунистической партии. Кроме того, в виду общих условий его деятельности, он не может дать рабочей молодежи такой превосходной культурно-просветительской работы, как социал-демократический союз.

Со времени первого конгресса Коммунистического Союза Австрии, намечается определенный перелом в его деятельности. Его организации начинают быстро расти в провинции. Количество членов увеличивается (к ноябрю их было около тысячи). Двухнедельный журнал Союза «Коммунистическая Молодежь» непрерывно улучшает свое содержание и пираж. К 7 сентября (международный юношеский день), 7 ноября и 15 января 1920 г. (день Либкнехта) вышли особые номера в количестве 4—5.000 экземпляров. Союз участвовал недавно в стачке ремесленных учеников, за что был арестован его председатель, т. Рихард Шиллер. Преимущество австрийской молодежи по сравнению с немецким союзом состоит в полной легальности ее работы, что, конечно, не исключает арестов и расстрелов демонстрантов. К сожалению, австрийский Союз Молодежи, в противоположность немецкому, в большой степени заражен «путшистскими» настроениями, что вызвало раздоры между ним и коммунистической партией, от этой «детской болезни» освободившейся. Надо надеяться, что выпрямление тактики коммунистических организаций средней Европы захватит также и австрийский Союз Молодежи. Революционизирование австрийского пролетариата, форсируемое непрерывно, катастрофически растущей разрухой, намечающийся раскол в социал-демократическом Союзе, улучшение работы Коммунистического Союза Молодежи, поддержка Интернационала Молодежи — являются гарантиями быстрого расцвета нашего движения в Австрии уже в ближайшем будущем.

На ряду с Германией и Россией, коммунистическое юношеское движение развито особенно сильно в Италии и Швеции.

5. **Итальянская** организация социалистической молодежи перешла целиком, без раскола, на коммунистическую позицию. Это отсутствие крупных внутренних разногласий и борьбы со взрослыми (которая в других странах вызывалась главным образом политическими разногласиями между революционным союзом и оппортунистической партией) дало возможность итальянской организации сохраниться во время мировой войны и развить необычайно сильную деятельность по

ее окончании, в эпоху мировой революции. Этому безусловно сильно содействуют революционность итальянского пролетариата и нищенское положение крестьянства и интеллигенции. Во время войны Итальянский Союз Молодежи, так же как и партия, стоял на твердой интернационалистской позиции. За это он не раз подвергался жестоким репрессиям со стороны итальянского правительства. Высылка тов. Швейде, мученическая смерть Мариноцци и сотни других примеров «цивилизованности» итальянского правительства служат ярким доказательством героизма наших итальянских товарищей.

Русская революция вызвала энтузиазм среди итальянской молодежи. Она организовала обшпрукцию, во время обезда Италии делегатами Керенского, которых встречали на собраниях криками: «Да здравствует Ленин». Идея советской власти и III Интернационала стала центром тяжести агитации итальянского Союза Молодежи. По окончании войны организация стала быстро разрастаться. К ноябрю 1919 года она насчитывала около 30.000 членов, а ее еженедельный журнал «Авангард» выходил в количестве 25.000 экземпляров. По последним сведениям, число членов итальянского Союза дошло до 40.000 человек. Организация стала быстро распространяться по самым глухим закоулкам Италии.

Большую работу ведет итальянский Союз в армии, создавая там тайные солдатские Союзы. Внутри Союза идет подготовка красной гвардии.

Итальянский Союз всегда активно участвовал в установлении крепких международных связей между молодежью всех стран (напр., участие в созыве Бернской Конференции 1915 г.; привлечение в Интернационал Молодежи испанской и греческой молодежи и т. д.).

Сейчас итальянский Союз стремится переварить ту массу новых членов, которую он впитал в себя в последний год.

6. Так же хорошо, как в жаркой Италии, развивается юношеское движение и в холодной Швеции. Здесь социал-демократический Союз Молодежи перешел целиком на платформу Коммунистического Интернационала (официально в июне 1919 г.). Во время войны он был единственной революционной социалистической организацией Швеции, которая боролась против оппортунизма социал-демократии Брантинга. Несмотря на некоторые свои заблуждения («разоружение» и т. д.), шведский союз свято хранил до нынешних дней свои славные традиции антимилитаристской борьбы, предотвратив уже однажды войну между Швецией и Норвегией (в 1914-18 году) и составляя главное препятствие для шведских активистов. В первый период своего развития Союз пережил ожесточенную борьбу с отколовшимися от него «младосоциалистами» (анархо-синдикалистами), которые сейчас представляют из себя ничтожную величину. Во время войны, как и сейчас, центр тяжести работы Союза лежал в борьбе с социал-патриотами. Из этой борьбы выросла молодая

шведская левосоциалистическая партия. Ее руководители, прежде всего наш славный товарищ Хеглунд, воспитались в Союзе Молодежи. Он является в настоящее время ее главной опорой. В нем не заметно никаких следов гуманистического центра (Линдхаген и др.), к сожалению еще не исчезнувшего из новой партии, хотя и не имеющего там большого влияния.

Число членов шведского Союза выросло от 18.717 членов в 1917 г. — до 30.000 членов к 1920 году. Его превосходный орган «Storklockan» выходит еженедельно в количестве 25.000 экземпляров. Имея совместно с левосоциалистической партией собственную типографию «Вперед», Союз развивает широчайшую издательскую деятельность, выпуская сотни тысяч книг, брошюр, воззваний, листовок и плакатов, обращая особое внимание на освещение жизни Советской России. Его устная агитация поспевает образцово. Красные автомобили, красные лодки, периодические агитационные поездки виднейших вождей шведского коммунистического движения — все это может служить образцом для юношеских организаций всех стран. Шведский Союз обращает особое внимание на работу среди армии, уже давно выправив свою линию антиимпериалистской тактики.

Шведский Союз принимал самое горячее участие в создании Коммунистического Интернационала Молодежи. Он пользуется громадным (и вполне благотворным) влиянием в юношеском движении Дании и Норвегии и в общескандинавском объединении Союзов Молодежи.

7. В **Норвегии** юношеское движение ведет с 1907 года борьбу с оппортунистическими элементами рабочей партии. Эта борьба, особенно усилившись после октябрьской революции, привела весной 1918 г. к переходу всей норвежской социалистической партии целиком в Коммунистический Интернационал. Такую же работу ведет норвежский Союз и в профессиональных союзах через свои особые клубы, организуемые по производствам. Антиимпериалистская борьба, основанная на агитации внутри буржуазной армии, ведется с особой энергией. Созываются конференции революционных солдат, из которых последняя состоялась в начале февраля 1920 года. Число членов Союза дошло до 12.000. Они организованы в 70 отделений в 20 районах страны. Еженедельный орган Союза «Классовая борьба» выходит в количестве 8.000 экз. в размере 3 больших страниц. Агитационная работа Союза, особенно в защите Советской России и Коммунистического Интернационала Молодежи, проходит очень успешно.

8. Более слабо развито юношеское движение в **Дании**. Здесь социал-демократический Союз Молодежи медленнее развивался в коммунистическом направлении, что обуславливалось общим положением Дании. Лишь в октябре 1919 г. откололась от старой социал-демократии сильная левая группа и совместно с прежде организованными револю-

ционно-социалистическими партиями создала новую левосоциалистическую партию, входящую в Коммунистический Интернационал. Тогда же и социал-демократический союз молодежи вышел из старой партии. Внутренние споры между социал-патриотическим меньшинством и революционным большинством сильно мешали организационной работе Союза. В феврале 1920 г. социал-патриоты ушли из Союза. Это обстоятельство безусловно усилило его работу по сплочению широких масс молодежи, несмотря на то, что ему приходилось отдавать сейчас свои лучшие силы (т.т. Христиансена, Хельберга, Эрвига и др.) новой партии. Социал-демократический Союз Дании насчитывает сейчас около 10.000 членов и издает двухнедельный орган «Вперед».

9. В далеко еще незаконченном процессе развития находится революционное юношеское движение во **Франции**. Социалистическая организация молодежи была серьезно ослаблена войной. Ее национальный комитет стоял на точке зрения «защиты отечества». Однако оппозиция внутри Союза быстро росла, в особенности в департаменте Сены. По мере развития революционных событий в Европе, организация развивалась влево. В национальном комитете преобладают еще сейчас «левые» лонгеписты. Департамент Сены, Марсель и др. организации Союза высказались уже за III Интернационал. Спор между лонгепистским незначительным большинством и значительным коммунистическим меньшинством идет под знаком организационного вопроса: «против автономии или за нее», т.е. за или против ухода пролетарского юношества из-под опеки центра для самоорганизации под коммунистическим знаменем. Можно с уверенностью сказать, что в ближайшем будущем нынешнее меньшинство превратится в большинство.

С другой стороны, синдикалистская организация молодежи, во время войны тоже мало заметная, на своем сентябрьском (1919) конгрессе постановила присоединиться к III Интернационалу. Но в ней оспалось еще много синдикалистской путаницы, вроде немальбузианства «как революционного средства».

Сейчас намечается объединение обеих организаций под коммунистическим знаменем. Такую политику ведет во Франции и Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала Молодежи. Уже теперь, судя по парижской «Humanité», обе организации устраивают совместные собрания.

Франция не была представлена на Берлинском конгрессе исключительно по техническим причинам. Конгрессу был прислан подробный отчет социалистической организации молодежи, из которого между прочим видно, что французские товарищи считают для себя обязательными постановления интернациональных съездов.

10. По тем же техническим причинам не попал на конгресс уже находившийся в

Спокгольме делегат **американской** «Лиги Юных Социалистов». Эта небольшая организация во время войны оставалась верна Интернационалу. Ее председатель м. Вильям Крузе был осужден чикагским судом на несколько лет камерной тюрьмы. Вышедши из тюрьмы, он спал в группе центра старой Социалистической Партии. Поэтому между ним и организацией, все более революционизировавшейся, возник конфликт. Лига Юных Социалистов выбрала своим президентом м. Оливера Карлсона, стоящего на революционной позиции. Партия выдвигала на этот пост Крузе, у которого в руках остался печатный орган молодежи.

Основным спорным вопросом в Лиге было отношение к социалистической и коммунистической партиям. Конгресс, созванный на декабрь 1919 г., который должен был решить этот важный вопрос, был разогнан американской полицией. Мы уверены, что американская организация молодежи в ближайшем будущем примкнет к Коммунистической Партии и к Коммунистическому Интернационалу Молодежи. Конец внутренних разногласий в Лиге и рост революционного настроения в пролетариате обещают быстрое расширение рядов американского Союза Молодежи, сейчас насчитывающего лишь 6.000 членов.

11. В **Англии** организация Молодежи возникла лишь в конце 1919 г. До тех пор существовали только воскресные социалистические школы для детей старшего возраста. Затем в Глазго была создана организация молодежи, ставившая своей задачей дальнейшее марксистское развитие своих членов. Ее работа являлась фактически продолжением работы воскресных школ. Новый Союз, охватывающий всю Англию, напоминает уже союзы молодежи континента. Председателем его избран Ходж, видный вождь горнорабочих, особенно горячо участвующий в борьбе за национализацию рудников. К сожалению, до сих пор не удалось еще выяснить политическую физиономию новой организации.

12. В **Венгрии** Союз Молодежи совершенно разгромлен контр-революцией. Масса членов Союза расстреляна или сидит в тюрьмах. Лишь небольшой части удалось эмигрировать в Австрию, откуда и восстанавливается (при невероятно трудных, камерных условиях) деятельность венгерской молодежи в виде организации небольших нелегальных групп юных коммунистов. До свержения Советской Республики Союз насчитывал около 120.000 членов и принимал горячее участие в защите Республики и советского строительства, уделяя особое внимание реорганизации труда молодежи и ее школьному воспитанию.

13. Небольшая **швейцарская** социалистическая организация молодежи (около 3.000 членов) вела во время войны революционно-социалистическую борьбу с оппортунизмом и центром, особенно по вопросу о «защите отечества». После разгрома цюрихского опделения и Центрального Комитета Союза в

ноябре 1917 г., сопровождавшегося закрытием газеты «Свободная Молодежь» и высылкой секретаря союза, м. Мюнценберга, деятельность швейцарской организации молодежи сильно ослабела. Этому еще больше содействовали внутренние споры в Союзе, возникшие в связи с основанием ультра-революционной «Коммунистической Партии» и нерешительной тактикой левой группы социал-демократии. Эти споры отвлекли Союз от его непосредственных задач по организации и коммунистическому воспитанию широких масс пролетарского юношества. Сейчас положение в швейцарском Союзе улучшается. Издается в Базеле газета «Новая Молодежь». Центр тяжести работы переносится сейчас в область организационную. Борьба между по существу коммунистическим союзом и социал-демократической партией снова обострилась. Ц. К. Партии поставил Союзу непременным условием его поддержки отказ Союза от политической деятельности и его полное подчинение партии, что конечно, решительно отвергнуто было молодежью.

14. **Бельгийские** «Юные гвардии», имеющие за собой многолетнюю традицию революционной антимилитаристской борьбы, вехшие во время немецкой оккупации нелегальную интернационалистскую работу, стоят сейчас на коммунистической позиции. Их брюссельский журнал «Социализм» стоит на платформе Коммунистического Интернационала. «Юные Гвардии» бойкотировали последние выборы в парламент, за что бельгийская социалистическая партия собирается исключить их из своих рядов.

15. В **Голландии** на ряду с назначенным оппортунистской партией центральным комитетом молодежи (организованным по образцу немецкой «Рабочей молодежи») издавна существует революционная организация «Заег» («Сеятель»), работающая с голландской Коммунистической Партией и издающая журнал «Юный Социалист». За время войны возникла революционно-синдикалистская организация интеллигентной молодежи, которая по всей вероятности в ближайшем будущем объединится с «Сеятелем». Мы считаем своим долгом отметить здесь смерть видного руководителя голландской революционной молодежи, пов. Ван-Амстеля, вследствие чего Голландия не была представлена на Берлинском конгрессе.

16. **Испанская** организация молодежи (5.000 человек) перешла целиком в конце 1919 года на позицию Коммунистического Интернационала. Мадридская организация, насчитывающая около 1.500 членов, еще раньше вела работу в этом направлении.

17. В **Португалии** до сих пор имеется лишь синдикалистская организация молодежи, подробных сведений о которой пока не имеется.

18. Из **балканских** организаций наиболее крупной является социалистический Союз Румынии (6.000 человек), издававший двухнедельную газету «Юный Социалист» (в коли-

ческие 4.000 экземпляров). Он до сих пор работает с румынской социалистической партией, толкая ее влево. Вопрос об отношении к Коммунистическому Интернационалу румынской молодежи еще не решен, хотя преобладание левого крыла ясно. Болгарский Коммунистический Союз молодежи, судя по его газете «Младенская Правда», развивает свою деятельность очень широко. В Сербии социалистическое юношеское движение было уничтожено войной. Сейчас там организован Коммунистический Союз, насчитывающий уже около 2.000 членов. О группах греческой молодежи в Афинах и Салониках, во время войны ведших интернационалистскую агитацию, сведений почти нет.

19. **Чешская** организация в последнее время приняла постановление о присоединении к Коммунистическому Интернационалу и помогает левому крылу партии в его борьбе с оппортунистами и центром. Его издается газета «Юный социалист».

20. В **Польше** коммунистическая организация молодежи, несмотря на полицейский разгром, имеет свои клубы в Варшаве, Лодзи, Домброве и других промышленных центрах страны.

III.

1. Порядок дня Берлинского конгресса был напечатан в прошлом номере «Коммунистического Интернационала».

Вслед за приветствием и докладами с мест конгресс заслушал доклад представителя III Интернационала о политическом положении.

Основные тезисы доклада, популяризовавшие постановления I конгресса Коммунистического Интернационала, не вызвали особых прений. Дискуссия шла главным образом по тактическим вопросам. Но по основным вопросам (пролетарская диктатура, советская власть, красный террор, борьба с центром и т. д.) мнение конгресса было вполне единодушно. Признание Интернационалом Молодежи всех постановлений I конгресса Коммунистического Интернационала было принято единогласно. Резолюцией по докладу о политическом положении постановлено было считать первый пункт «программы Коммунистического Интернационала молодежи».

Обсуждение программы, проект которой был выработан Центральным Комитетом Российского Коммунистического Союза Молодежи, составило центральный пункт в порядке дня конгресса и вызвало наиболее оживленные прения.

В вопросе о парламентаризме конгресс высказался единогласно за использование его в революционных целях, причем участие в выборах должно каждый раз постановляться национальными организациями в зависимости от условий времени и места. Так, несмотря на желательность революционного использования парламентаризма, вполне права была

швейцарская организация молодежи, отказавшаяся поддерживать список социал-демократов, включавший социалистов от Грейлиха до.... Плэттена, и бельгийская «юная гвардия», бойкотировавшая выборы за отсутствием коммунистических кандидатов.

Политическая борьба и подготовка в ее процессе сотен тысяч юных пролетарских борцов—такова первая и главная задача союзов молодежи в настоящее время. Окончен спор, давно ведшийся между социал-патриотическими и каутскианскими организациями молодежи (или спарцами, обладающими большой бородой, но «юной душой») с одной стороны и коммунистическими союзами—с другой. «Молодежь не должна заниматься политикой! Это дело взрослых. Союзы молодежи имеют исключительно теоретически-воспитательные задачи. Они не должны вмешиваться в партийно-политические споры»—такова идеология социал-патриотов и центровиков, **опекающих** молодежь. «Молодежь наиболее революционная часть пролетариата, авангард в его борьбе за коммунизм. Сама борьба является лучшим, незаменимым методом ее коммунистического воспитания»—таков лозунг юных коммунистов.

2. В связи с вопросом о политической борьбе союзов молодежи стоит вопрос о культурно-просветительной их работе.

Против расширения образовательной работы наших организаций в сторону «необщественных» наук и искусства некоторые товарищи определенно возражали. Они считали эту работу роскошью в наше время.

Австрийские и румынские товарищи утверждали, что она является недопустимой затратой времени, энергии и денег, которые надо сосредоточить на одной задаче—свержении капитализма.

Конгресс стал на другую точку зрения. Непосредственно после свержения капитализма наступает эпоха пролетарской диктатуры и социалистического строительства, в котором без **знающих** работников не обойтись. Рабочий класс должен к полной победе коммунизма завоевать все знания и развивать их дальше под общим углом марксистского учения. Кроме того, молодежь определенно стремится к знанию. Если мы его ей не дадим, она пойдет за ним в буржуазные и социал-патриотические организации. Конечно, когда на улицах идет баррикадная борьба, смешно говорить о культурно-просветительной работе. Но в промежутках между баррикадами есть периоды, которые надо использовать для углубления сознания юных борцов.

3. Тот же спор о «роскоши» возник при обсуждении вопроса о роли физического воспитания в союзах молодежи. Тут, кроме того, указывалась опасность вырождения наших организаций в спортивные общества. Но в этом вопросе конгресс стал на точку зрения необходимости внести элемент физического воспитания в союзы молодежи. Во-

первых потому, что мы стремимся воспитать человека гармоничного, сильного не только духом, но и телом. Во-вторых потому, что при необычайно тяжелых условиях работы в буржуазных государствах (тюркмы, пытки, нелегальное существование) физическое состояние членов наших организаций приобретает большое практическое значение для всего движения. В-третьих потому, что молодежь спортом увлекается, и при умелой утилизации этой страсти буржуазия приводит пролетарскую молодежь через спорт к националистически-шовинистической идеологии (бой-скауты). Вместе с тем для нас спорт может служить средством для привлечения широких масс молодежи в наши ряды, а следовательно — к серьезной политической работе.

Почти без прений прошел вопрос об экономической борьбе союзов молодежи, т. е. об их работе по защите труда подростков от капиталистической эксплуатации и его реорганизации на социалистических началах по свержению капитализма.

4. Решение одного из важнейших вопросов юношеского движения, вопроса о «милитаризме и борьбе с ним», показывает насколько выросло юношеское движение за последние годы. Еще на Бернской конференции 1915 г. был принят лозунг «всеобщего разоружения», пользовавшийся особым почтом у Кауинского, Вильсона и увы... скандинавских юношеских организаций. Этот лозунг либерального пацифизма сейчас окончательно опровергнут Берлинским Конгрессом. Опыт Версальского мира и русской, венгерской и немецкой революций — ясно доказал, что буржуазии нужно оружие и для дальнейших империалистических войн и для подавления восстающего пролетариата и что поэтому утопично ожидать уничтожения вооружения без уничтожения буржуазного государства. Поэтому задачей пролетариата является подготовка вооруженного восстания, т. е. строительство красных гвардий и красных армий. Так называемый принципиальный антимилитаризм не всплывал в Берлине ни одного защитника.

Отношение коммунистической молодежи к социал-патриотам и центру и к примыкающим к ним организациям молодежи ясно — это беспощадная борьба, разоблачение их измены, а также тех красивых фраз о неополитичности молодежи, о ее самодавлеющей роли в строительстве мировой культуры и т. д., под флагом которых они протаскивают самое подлое предательство пролетарской революции.

5. Гораздо серьезнее вопрос об отношении Коммунистического Союза Молодежи к Коммунистическому Интернационалу. Не подлежит ни малейшему сомнению необходимость совместной работы этих двух организаций, теснейшая связь между ними. Спорен вопрос об их организационных отношениях, о некотором «разделении труда» между ними, которое безусловно необходимо. В этом отно-

шении конгресс дал два руководящих принципа: 1) организации молодежи не являются политическими партиями, они принимают программу коммунистических партий их стран; 2) организации молодежи должны быть самостоятельными. Эта самостоятельность не исключает организационной связи с партией. Наоборот. Она необходима, и об этом говорит программа Коммунистического Интернационала Молодежи.

Наиболее спорным пунктом программы был вопрос об организационных взаимоотношениях Интернационала Молодежи и Коммунистического Интернационала взрослых. Меншинство конгресса считало, что Интернационал Молодежи является по отношению к Коммунистическому Интернационалу «равноправной, братской организацией». Оно основывалось на революционных традициях самостоятельности юношеского движения и на большей авторитетности и дееспособности совершенно независимого от взрослых международного объединения пролетарской молодежи. Большинство конгресса, признавшее, что Интернационал Молодежи является «частью Коммунистического Интернационала», руководилось основным принципом современного коммунистического движения — централизмом. В этом одно из главных отличий Третьего Интернационала от Второго. Этот принцип был бы опрокинут, если бы молодежь, женщины, каждый профессиональный союз и т. д., имеющие свои международные объединения, строили бы их совершенно независимо от Коммунистического Интернационала. Ясно, что включение Интернационала молодежи в Коммунистический Интернационал, означающее признание верховного политического руководства его конгрессов и исполнительного органа, не может лишить Интернационал молодежи его самостоятельности в организационной, агитационной и пропагандистской работе и свободного обсуждения важнейших принципиальных и тактических вопросов мировой революции.

6. До сих пор во многих странах существовали отдельные социалистические и коммунистические группы студентов, а кое-где и учащиеся средних школ. Некоторые из них, как напр. группа революционных студентов Парижа, проявили себя борьбой против империалистской войны и горячей поддержкой Советской России. Конгресс должен был вывить свое отношение к ним, тем более, что на декабрь в Женеве созывался международный съезд студенческих организаций. В своем постановлении, отрицающем необходимость особых организаций учащейся интеллигенции, конгресс руководился следующими положениями: 1) необходимость уничтожения пропасти между рабочими умственного и физического труда, 2) желательность использования интеллигентов коммунистов для работы среди пролетарской молодежи, 3) необходимость уничтожения вредной монополии, которую присвоила себе молодая интеллигенция, на обсуждение школьного вопроса и

привлечения к этому делу широких масс рабочей молодежи.

Решение вопроса о выделении особых групп интеллигенции **внутри общих организаций молодежи** конгресс предоставил национальным союзам, в зависимости от условий работы в той или другой стране.

Мы можем с удовлетворением отметить, что международный съезд коммунистических организаций студентов (Женева, декабрь 1919 г.) согласился с точкой зрения нашего конгресса.

7. Устав Интернационала Молодежи вызвал мало прений. Его руководящий принцип — централизм мирового движения молодежи, большие полномочия и громадные обязанности исполнительного органа. Важным является постановление, что «в каждой стране членом Коммунистического Интернационала молодежи может быть лишь одна организация». Это спавило членов неприглашенной на конгрессе австрийской социал-демократической и немецкой независимой организаций молодежи перед дилеммой: или объединение с коммунистическими союзами на основе **их** революционной программы, или исключение из **всякого** международного общения, ибо Интернационал Молодежи пока один. Вместе с тем устав, пребуя от всех входящих в Интернационал Молодежи организаций признания берлинской программы, устанавливал

однородность его состава, без которой он не может активно бороться.

Без прений был принят манифест конгресса к рабочей молодежи всех стран (напечатан в № 9 «Коммунистического Интернационала»). Он явился выводом из принятой программы.

8. Обсудив ряд более мелких, но важных вопросов, указанных в кратком отчете, помещенном в номере 9 «Коммунистического Интернационала», Конгресс выбрал Исполнительный Комитет, составленный из 5 новарийцев, безусловно авторитетный для местных организаций и работоспособный. Этот комитет, работая в труднейших нелегальных условиях уже 5 месяцев, оказался вполне достойным возложенных на него Конгрессом ответственных задач.

Коммунистический Интернационал Молодежи является одной из крупнейших, старейших и испытаннейших организаций III Интернационала. Он стоит в авангарде революционных битв настоящего, он одна из основ социалистического строительства и одна из гарантий его успешности в ближайшем будущем.

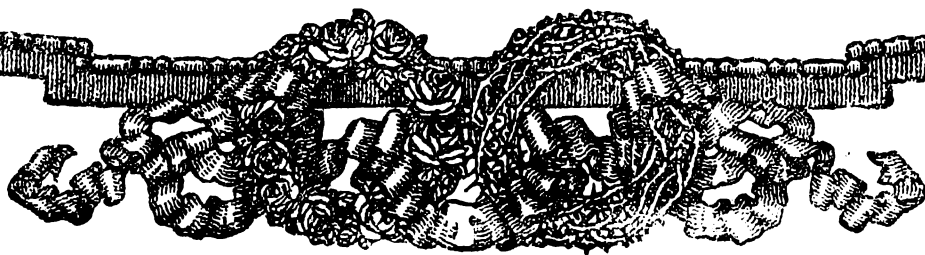
Лазарь ШАЦКИН.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЭ-НИССЕН

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЭ.

(Казнен в Мюнхене 6-го июня 1919 г.).

Русский ли он был, или немец и где он родился — этого никто никогда не знал, да он и не вызывал вопросов о себе и своем происхождении. Если бы его об этом спросили, он вероятно усмехнулся бы и тотчас же забыл бы об этом вопросе. Революционер, но не человек программы, а живой человек, вся жизнь которого представляла собою некий миф и воплощала в себе высшую идею человечности. Большевик, член германской коммунистической партии — Союза Спартак. Один из тех революционеров, для которых партийные рамки не являются связью, объединяющей только песную организацию. Связь эту он понимал как то, что она есть в действительности: как любовь, объединяющую и способную к бесконечному расширению, как связь, которая по существу своему в состоянии когда-нибудь любовно связать и соединить человечество и вопреки этому единения, охватывающего весь земной шар, пробудить живое, любящее сердце освобожденного человечества...

Я познакомился с ним на имперской конференции. Одухотворенное, тихое лицо восточного человека, еврея из тех истинных христиан, у которых нет иной религии, кроме религии любви и кротости. Он был не разговорчив, был экономистом, имел докторский диплом; насколько мне известно, учился и получил ученую степень в Германии. С исключительным интересом занимался он разрешением вопроса о коллективном хозяйстве в области сельской промышленности. Об этом он и читал доклад на конференции и старался сделать этот вопрос главным центром общего внимания, горячо убежденный в чрезвычайной важности этой проблемы. Я провел вместе с ним канун нового года и следующий вечер, по окончании упоминательной работы на конференции. Мы говорили о коммунизме и его психологических законах, о коммунизме, как стихийном исто-

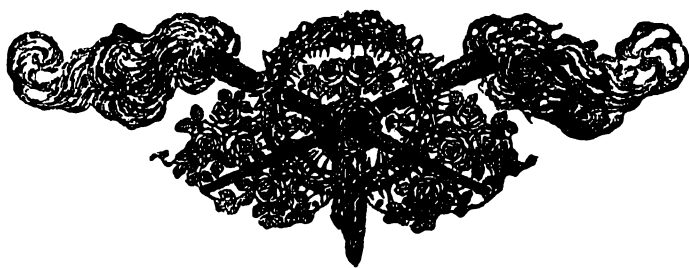
рическом явлении и как космическом элементе вечного материального строя мира и его развития. Он был человеком свободным, совершенно свободным от буржуазных пережитков ненависти. «Она сама заставит себя подчиниться рассудку», ответил он мне однажды на вопрос об его отношении к буржуазии. В феврале я снова видел его в Берлине. Мы говорили по целым утркам и вечерам, обмениваясь рассказами о своих переживаниях. Он рассказывал о печальных январских днях в Берлине, я — о событиях в Бремене. Мы оба ужасались спрашному извращению пережитых нами событий, вызванному драконовской политикой правящей партии. Мы растались, не сговорившись о дальнейшем. В Мюнхене, в марте, мы снова встретились. Его прислали с поручением взять на себя заведывание редакцией «Красного Знамени». Среди множества разных, но все здоровых лиц баварцев-членов баварского съезда советов, сверкнуло его бледное лицо, переутомленное, ставшее очень нервным. Он, как и я, был только зрителем на этом первом съезде советов в Мюнхене. Он, как и я, спрыдал от безнадежной растерянности, господствовавшей на этом съезде, от столь отвратительного зрелища жалкой партийной зависти и интриг, благодаря которым социалисты большинства могли провокационно пользоваться идеей советов, а правое крыло независимых могло пойти на соглашение с баварским ландтагом, еще влачившим свое существование в тени своего собственного страха.

Мы виделись ежедневно. Он старался заставить меня работать. Но я был не в силах что либо делать, — до того меня потрясла карикатурность этого съезда советов. Он, конечно, испытывал то же самое, но работал до одурения. По утркам он приходил за мною в отель. Однажды он отвел меня в сторону, высказал все, что у него было на душе, и отрывисто спросил: «Скажите, не находите ли и вы, что революция приняла в Мюнхене несколько опереточный оттенок?»

И все же он следил за каждым ее шагом с пламенным воодушевлением человека, увлеченного нравственной стороной движения, и шел по следам его труда, куда ему указывали путь ясно выраженные симптомы грядущей пролетарской революции. Он шел к рабочим, и пролетариат принимал его, как тихого воодушевленного борца за пролетарское дело. Я был еще на одном его докладе в собрании доверенных лиц мюнхенской местной группы К. П. Г. Он со сдержанной, наивной настойчивостью призывал собрание к делу революционной организации, стараясь прежде всего организовать революцию в Мюнхене. Помню почти дословно начало его доклада: «У меня такое впечатление» — так начал он — «точно в Мюнхене придают слишком много значения большой политике, слишком заняты вопросом о великом будущем и пренебрегают из-за этого тем, что необходимо для данной минуты и что должно будет со временем стать основой для этого будущего. Мы, конечно, стоим на почве советского строя; для нас существует только эта одна форма экономически-политической организации; но мы должны еще раньше создать предпосылки, которые сделают этот строй единственно возможным. Этих предпосылок пока нет налицо, и если товарищ Левин выступает на баварском съезде советов с требованием введения советского строя и принципиально отстаивает это, то все же он наверно согласен со мной, что провозглашение баварской советской республики при существующих политических условиях в Империи было бы безумием и имело бы безумные последствия. Существующее в настоящее время политическое положение является также основой нашей революционной политики. На основе экономического положения мы должны создать свои боевые силы, чтобы нанести ими наши политические удары. Мы должны заняться революционной организацией рабочих. Нужно создавать советы рабочих из фабричных советов, представляющих массы рабочих, занятых в предприятиях, и из множества безработных, чтобы обеспечить этим рабочим советам во-первых морально-материальную, а затем и идеально-нравственную ударную силу». Он перешел затем к более подробному изложению организации этих рабочих советов, к выборным правилам и выборной системе, коснулся индифферентизма на выборах и практики составления советов из членов трех политических рабо-

чих партий и указал на то, что время работает в духе коммунистической пропаганды. Он предостерегал от торопливости и считал тот факт, что социалисты большинства примкнули к советскому строю, а также баварскую политику опаснейшими тормозами для катящегося колеса революции. Он остался в Мюнхене. Он пытался всей своей силой предотвратить приближавшуюся катастрофу. Первоначальная сдержанность коммунистов была вызвана им. Но его делом было и то, что когда в Мюнхене распалась коалиция советского правительства из социалистов большинства и независимых и угрожала анархия, коммунисты выступили, чтобы спасти революцию от прагматической этой анархии. Он отказался от своих должностей, когда попытка затормозить катастрофу была бы преступной. Он бы спасся бегством, если бы мог. Он считал вредным и безнравственным превращать неизбежные поражения революционного движения в жертвенные празднества зверской мести, в оргии обезумевшей ненависти, переступающей все границы человеческой страсти. Они взяли в плен его — опаснейшего из мюнхенских коммунистов, опасного тем, что он обладал редким пониманием логики революции, был умелым организатором, непреклонно держался цели пролетарской революции и руководствовался этой целью. Опаснее же всего он был тем, что руководствовался идеей верности революционному пролетариату, тем, что у него было доброе сердце, тем, что он был поистине человек, доброта которого с расточительной полнотой изливалась из его сердца, питая его мозг, каждую его мысль волей к деланию добра. Поэтому он и навлек на себя суд зверской мести, — он — до конца самый деятельный из всех. Его расстреляли, принесли в жертву роковой мести, которую будет судить беспощадное, не знающее снисхождения будущее. Его убили. Был ли он коммунист? Да. Большевик? Конечно. Так пал Левинэ, один из лучших представителей человечества. Его отечеством был весь мир; для него не существовали границы отдельных стран, и пролетарская революция, подобно Гее, предающая своих детей, выбрала его на служение себе, как лучшего из лучших, как благороднейшего глашатая своей освобождающей воли.

Людвиг БОЙМЕР.

БИБЛИОГРАФИЯ

„Коммунизм“, журнал Коммунистического Интернационала для стран юго-восточной Европы (на немецком языке). Вена, номера 1—2, от 1 февр., до 18-ой, от 8 мая 1920.

Прекрасный журнал, издаваемый в Вене под указанным заглавием, дает очень много интересного материала о росте коммунист. движения в Австрии, Польше и других странах, наряду с хроникой интернационального движения и статьями о Венгрии, Германии, об общих задачах и тактике и т. д. Один недостаток, который сразу бросается в глаза при беглом уже просмотре, нельзя пройти мимо. Это—несомненные признаки той «детской болезни левизны в коммунизме», которою журнал страдает и которой я посвящаю только что вышедшую в Петрограде небольшую брошюру.

Три признака этой болезни в прекрасном журнале «Коммунизм» хотелось бы мне отметить вкратце тотчас же. В № 6 (1.III.1920) помещена статья тов. Г. Л.: «К вопросу о парламентаризме», которую редакция называет дискуссионной и от которой прямо отрекается (к счастью), т. е. заявляет свое несогласие с ней, тов. Б. К., автор статьи: «К вопросу о проведении парламентского бойкота» (№ 18, от 8. V. 1920).

Статья Г. Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет, самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляется свое влияние на массы буржуазия, и т. д.) не принято во внимание.

В № 14 (17.IV.1920) т. Б. К. в статье «События в Германии» критикует то заявление Цека Ком. Партии Германии, от 21. III. 1920, которое я тоже критикую в названной выше брошюре. Но характер нашей критики в корне различный. Тов. Б. К. критикует на основании цитат из Маркса, относящихся к непохожей на данную ситуации, отрицает полностью тактику Цека К. П. Германии и совершенно обходит самое главное. Обходит то, в чем самая суть, в чем живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации. Если большинство городских рабочих отошло от шейдемановцев к каутскианцам и внутри каутскианской («независимой» от правильной революционной тактики) партии продолжает отходить от ее правого крыла к левому, т. е. фактически к коммунизму, если дела обстоят так, позволительно-ли отмахиваться от задачи учета переходных, компромиссных мер по отношению к таким рабочим? Позволительно-ли не учитывать, замалчивать опыт большевиков, которые в апреле и мае 1917 года проводили по сути дела именно политику

компромисса, когда они заявляли: просто свергнувши Врем. Правительство (Львова, Милюкова, Керенского и пр.) нельзя, ибо за них еще стоят рабочие в Советках, надо сначала добиться изменения взглядов большинства или значительной части этих рабочих? Мне думается, непозволительно.

Наконец, названная выше статья т. Б. К. в № 18 «Коммунизма» особенно ярко, наглядно, удачно вскрывает его ошибку, состоящую в сочувствии тактике бойкота парламентов в современной Европе. Ибо автор, отгораживаясь от «синдикалистского бойкота», от «пассивного» бойкота и выдумывая особый «активный» (ух, как «лево»!) бойкот, показывает этим удивительно отчетливо всю глубину ошибок своего рассуждения.

«Активный бойкот означает, — пишет автор — что коммунистическая партия не удовлетворяется распространением лозунга против участия в выборах, а развешивает в интересах проведения бойкота столь же широкую революционную агитацию, как если бы она участвовала в выборах и как если бы ее агитация и акция (работа, деятельность, действие, борьба) были рассчитаны на приобретение наивозможно большого числа пролетарских голосов» (стр. 552).

Это — перл. Это убьет антипарламентариев лучше всякой критики. Выдумав «активный» бойкот, «как если бы» мы участвовали в выборах! Масса темных и полутемных рабочих и крестьян участвует в выборах в сербиз, ибо они еще верят в буржуазно-демократические предрассудки, они еще в плену у этих предрассудков. А мы, вместо того, чтобы помочь темным (хотя иногда и «высоко культурным») мешанам изжить свои предрассудки на собственном опыте, будем чураться участия в парламенте, будем забавляться вдумкой и тактикой, в которой нет житейской, буржуазной скверны!

Браво, браво, товарищ Б. К.! Своей защитой антипарламентаризма вы можете убить эту глупость скорее, чем я своей критикой.

Н. ЛЕНИН.

12. VI. 1920.

В издании Государственного Издательства вышла на днях новая книга:

Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Петербург, 1920. 110 стр. Цена 40 руб.

Книга скоро появится и в переводе на немецкий и французский языки.

В ближайшем будущем в Петрограде выйдет на русском, немецком и французском языках новая книга тов. Л. Троцкого: «Анти-Каутский».

СОДЕРЖАНИЕ 11-ГО НОМЕРА.

ооо.

	СТР.
О созыве Второго Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала	1701
Тезисы Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала ко Второму Конгрессу Коммунистического Интернационала:	
А. О роли коммунистической партии в пролетарской революции	1705
Б. Коммунистические партии и вопрос о парламентаризме	1713
Н. Ленин. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам	1719
Г. Зиновьев. Наболевшие вопросы международного рабочего движения. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала и его задачи	1725
Л. Троцкий. О терроризме	1751
Ж. Садуль. Третий Интернационал	1767
А. Гильбо. Классовая борьба в современной империалистской Франции	1771
Английский коммунист. Революционные перспективы в Англии	1769
А. Инкпин. Съезд британских коммунистов	1803
А. Свидерский. Борьба с голодом в России	1811

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Б. Коммунистическое движение в Болгарии	1817
Фр. и Т. Ф. Письма из Германии	1829
А. Белая юстиция за работой. (Письмо из Мюнхена).	1833
Ван. Письмо из Финляндии	1835
Н. О положении Коммунистической Партии Австрии	1839
Я. Г. Развитие и современное положение Швейцарской Коммунистической Партии	1841
Р. Союз российских рабочих в Австралии	1845

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала от Центрального Комитета Коммунистической Партии Латвии	1849
---	------

Декларация принципов Интернациональной Социалистической Лиги Южной Африки	1853
Бунд о Советской Власти и о Третьем Интернационале	1857
Выход меньшевиков из Второго Интернационала	1859

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

К пролетариям всех стран	1861
Трудающим всех стран	1865
Открытое письмо к членам Коммунистической Рабочей Партии Германии	1865
Коммунистический Интернационал американским товарищам	1887
Съезду Норвежской Социалистической Партии	1891

ИНТЕРНАЦИОНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Л. Шацкий. Берлинский Конгресс Интернационала Молодежи	1895
--	------

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Л. Боймер. Евгений Левинэ	1913
-------------------------------------	------

БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. Ленин. «Коммунизм»	1917
Новые книги	1917

Иллюстрации: между стр. 1872 и 1873: Роза Люксембург; между стр. 1912 и 1913: Евгений Левинэ-Ниссен.

□ □ □

Петроград, 14 июня 1920 г.